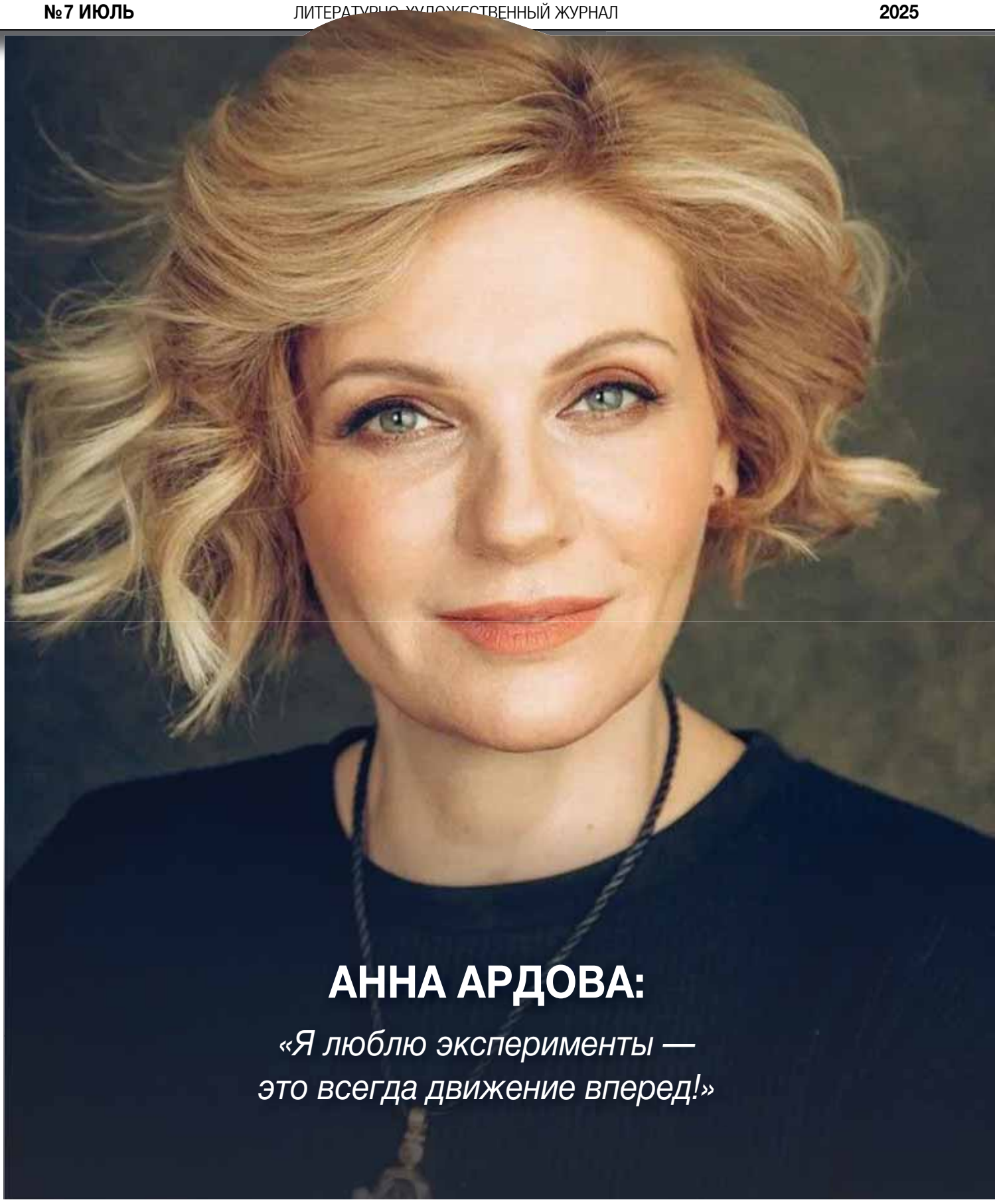
смена

Орден Знак Почета

смена

№7 ИЮЛЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2025



АННА АРДОВА:

«Я люблю эксперименты — это всегда движение вперед!»

№7 июль 2025

О творчестве фотохудожника Андреа Беллузо читайте на стр. 84

смена
июль 2025
12+

Это интересно

Владимир Братченко **Гражданин мира**....4

Дмитрий Зелов **Как выйти замуж, или Свадебный марш для ослов**....63

Неизвестное об известном

Светлана Марлинская **Первая женщина посол и дипломат**....20

Судьбы

Евгения Гордиенко **Немирович-Данченко. Не второй, а сам по себе**....34

Эссе

Светлана Леонтьева **В объятьях Альбрехта**....46

Рассказ

Анатолий Сахоненко **Воронье небо**....52

Наши современники

Татьяна Кудрявцева **«...Нежный и бесстрашный реставратор...»**....66

Замечательные современники

Дарья Парчинская **Анна Ардова: «Только тяжким трудом, пробами и провалами, удачами и неудачами становишься артистом»**....73

Портрет в интерьере

Дмитрий Соколов **Андреа Беллузо: «Наслаждайтесь тем, что создаете»**....84

Фантастика

Дмитрий Игнатов **Безмятежность**....97

История одного портрета

Ирина Опимах **Илья Репин. Портрет баронессы В.И. Икскуль фон Гильденбандт**....102

Звезды не гаснут

Юрий Осипов **Когда имя — бренд**....112

Поэзия

Юлия Макарова **Стихи**....128

Детектив

Елена Колчак **Смерть в «Замке»**....130

Кроссворд. Эрудит....188

смена

июль 2025

Основан в январе 1924 года

№ 1929

Главный редактор, генеральный директор Кизилов Михаил Григорьевич

Заместитель главного редактора Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru

Арт-директор Веселова Надежда Александровна

Директор по распространению Гордынская Мария Александровна, sales-smena@yandex.ru

Web-редактор Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru

Собственный корреспондент Зелов Дмитрий Дмитриевич, smena-the-best@mail.ru

Обложка Анна Ардова. Актриса кино и театра
Фото Саши Ренар

Иллюстрации Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"

www.smena-online.ru

Распространение, кроме подписки, осуществляется через ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва, Марьиной Рощи 3-й проезд, 40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права на подборку и оформление материалов. Фото, участвующие в оформлении, — из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №
Цена свободная
Номер подписан в печать: 25.06.2025

Номер выходит при финансовой поддержке Министерства цифрового развития связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

!!!!! ВНИМАНИЕ, КОНКУРС !!!!!

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами». Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2025 года.

Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

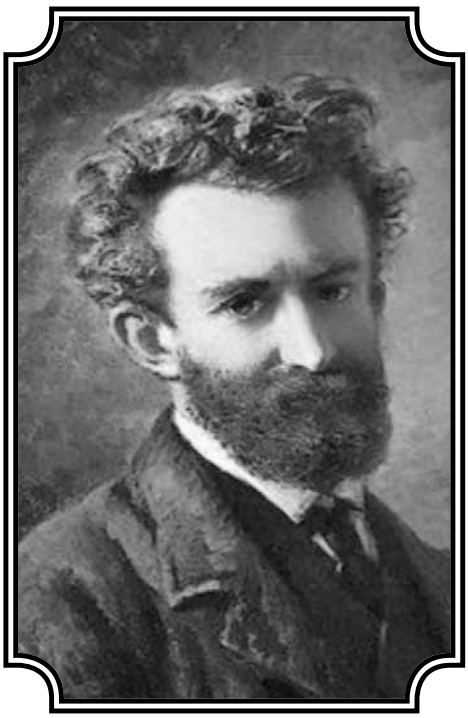
Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас интересных историй. Удачи, друзья!

Владимир Братченко

Гражданин мира



Не будет преувеличением сказать, что великий русский ученый и путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай посвятил свою жизнь изучению и защите прав коренных жителей Новой Гвинеи, Океании и Австралии. В то время считалось, что папуасы есть нечто среднее между обезьяной и человеком, а он утверждал, что «существование многих рас совершенно согласно с законами природы. Придется принять за представителями этих рас права людей».

Ученый прожил с папуасами в общей сложности около трех лет, имел у них непререкаемый авторитет. Он считал, что папуасы даже более благородны, чем многие цивилизованные люди. Лев Николаевич Толстой писал этому неутомимому исследователю: «Вы первый путем неопровержимого опыта доказали, что человек везде человек, в общении с которым можно и нужно входить с добром и истиной, а не с пушками и с алкоголем. И Вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе».

Отец ученого, Николай Ильич Миклуха, инженер путей сообщения, участвовал в строительстве Петербургско-Московской железной дороги, одно время был начальником Николаевского вокзала в Петербурге. Он был женат на дочери героя Отечественной войны 1812 года полковника Беккера, — Екатерине Семеновне. От прадеда Степана Миклухи семья получила потомственное дворянство.

Будущий ученый родился 18 июля 1846 года. Его назвали, как и отца, Николаем. Крестным отцом был генерал-майор А.Н. Ридигер, потомки которого через полтора столетия дали России Патриарха Алексия II.

В 1855 году семья обосновалась в Петербурге, а через пару лет отец, в возрасте 41 года, умер от чахотки, не выслужив пенсии. Несмотря на возникшие материальные трудности, мать смогла обеспечить сыну домашнее обучение французскому и немецкому языкам и рисованию, что очень пригодилось ему в дальнейшем. Однако для этого ей пришлось подрабатывать рисованием географических карт. Выручали также небольшие дивиденды от вложений в пароходную компанию «Самолет». Существует несколько версий происхождения двойной фамилии ученого. По одной из них, шотландский барон Микаэль Маклай, состоявший на службе у поляков, в одном из сражений с казаками Богдана Хмельницкого попал в плен, прижился у них и превратился в Миклуху Маклая. Но в церковных книгах о записях рождений относительно его есть только фамилия Миклуха, так что это, скорее, красивая семейная легенда. Можно предположить, что молодой ученый вспомнил о ней и свою первую научную статью, опубликованную в Германии в 1868 году, подписал двойной фамилией. Интересно отметить, что его учитель, знаменитый немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель, сначала называл своего ученика Миклухой, а уже потом говорил: — «студент-медик Миклухо-Маклай». Впрочем, есть и другие версии о происхождении фамилии ученого. В гимназии Николай, как это ни странно, учился не блестяще. Из-за частых болезней он месяцами пропускал занятия. Хорошие отметки были только по французскому и немецкому языкам, а по остальным — «худо» или «посредственно». Не окончив гимназии (некоторые биографы утверждают, что окончил), он поступил вольнослушателем в Петербургский университет. Там Николай был замешан в студенческих сходках, на которых критиковались университетские порядки, и был исключен без права поступления в высшие учебные заведения России.

В 1864 году Николай поступил в Гейдельбергский университет, куда зачисляли без предъявления документов об образовании. Деньги на поездку в Германию собрали студенты. Два года он слушал лекции на философском факультете, а затем изучал медицину в университетах Лейпцига и Йены. В русском студенческом землячестве царил дух вольнодумства. Здесь Николай познакомился с романом Чернышевского «Что делать?», который так потряс его, что он попросил мать прислать ему портрет автора.

В Йене на него обратил внимание уже упомянутый Геккель и взял Николая в качестве ассистента в научную экспедицию по изучению морской фауны. Маршрут экспедиции пролегал через острова Мадейра, Тенерифе, Гран Канари, Марокко, Гибралтар, Испанию, Францию…

По окончании Йенского университета Николай осуществил само-

стоятельное путешествие, и уже тогда проявил свои выдающиеся качества исследователя. Так, прибыв в Суэц, он выбрил голову, покрасил лицо и, облачившись в одежды араба, добрался до Красного моря. На пути попадались разбойники, он болел, голодал, жара даже ночью не опускалась ниже 30°С, но жажда знаний помогала преодолеть все невзгоды и опасности. В июне 1869 года, после трехлетних странствий Николай вернулся в Петербург. Но теперь это был вполне оформившийся молодой ученый, определившийся в своей дальнейшей научной судьбе. По результатам своих исследований он опубликовал ряд статей, и его приняли в члены Императорского Русского Географического общества. Однако дальнейшее изучение губок, ракообразных и полипов не удовлетворяло его амбиции. В это время он познакомился с трудами немецких ученых — О. Финша «Новая Гвинея» и А. Петерманна «Новая Гвинея. Немецкие призывы от антиподов» — и загорелся идеей отправиться на этот далекий остров. В 1870 году на заседании РГО он заявил: «Почел за более важное обратить внимание на настоящее состояние житиябытия папуасов. Именно на этом малоизученном острове первобытные люди менее всего затронуты влиянием цивилизации, и это открывает исключительные возможности для антропологических и этнографических исследований». Совет РГО одобрил идею и выделил на экспедицию 1200 рублей. Морской министр сообщил, что получено Высочайшее разрешение принять Миклухо-Маклая на борт корвета «Витязь», но «без производства довольствия». Министерство внутренних дел выдало заграничный паспорт на имя Николая Николаевича Миклухо-Маклая, тем самым удостоверив его двойную фамилию.

Подготовка к плаванию заняла целый год. Перед отплытием с ученым встретил-

ся великий князь Константин Николаевич, обещал через год послать за ним судно и приставил к нему в помощники мальчика, которого звали Бой, и шведа Ульсена. В день отплытия, 8 ноября 1870 года, ученый отправил два письма: одно — князю Мещерскому, который принимал участие в финансировании путешествия, а другое — матери. Оба письма были одинакового содержания: «До свидания или прощайте! Держите обещания Ваши, как я свои».

В Гвинее Маклай сделал запись в своем дневнике: «Папуасы не съели меня как Магеллана и Джеймса Кука. Они позволили жить вместе с ними. Но я рисковал каждую секунду. Меня спас цвет моей кожи: папуасам я показался «лунным», и они решили, что я приплыл к ним с Луны»

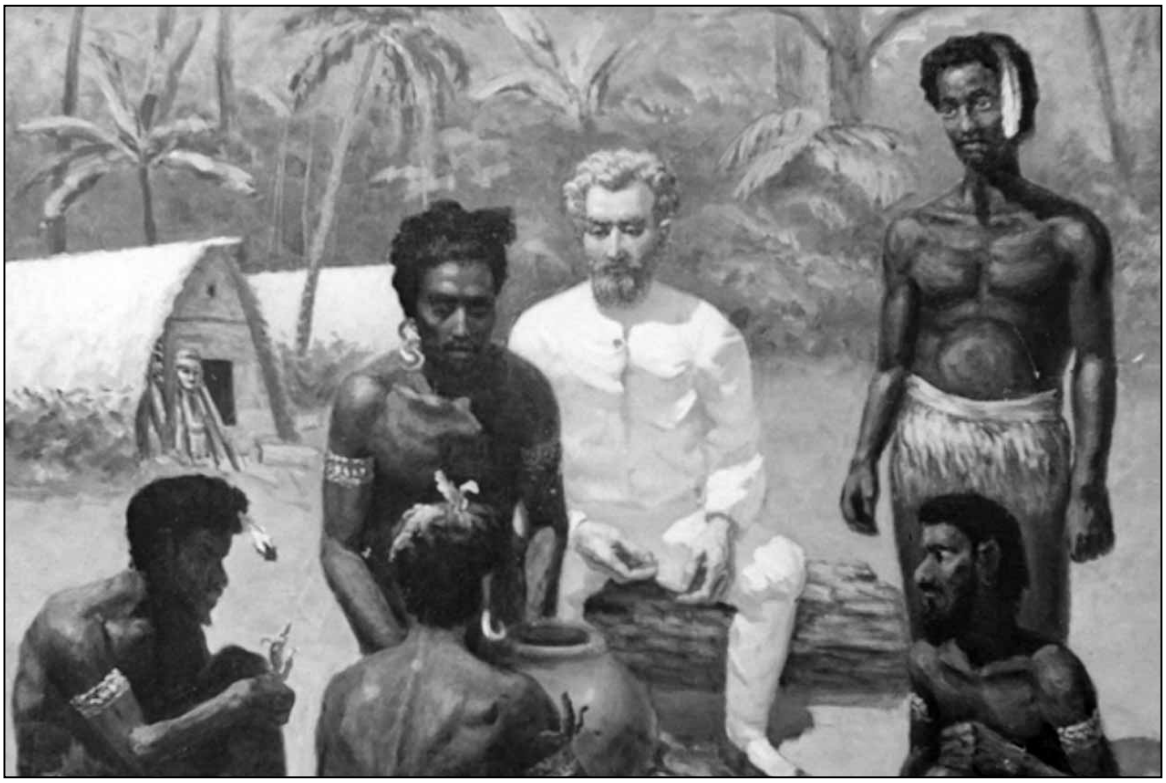
Плавание длилось 10 месяцев. 20 сентября 1871 года «Витязь» бросил якорь в заливе Астролябия в северо-восточной части Новой Гвинеи. Началось первое путешествие Миклухо-Маклая на этот остров.

Взяв с собой сумку с сувенирами, он высадился на берег и направился в глубь леса. Вскоре показалась деревня. Она была пуста, но в зарослях Маклай увидел первого папуаса, в страхе наблюдавшего за ним, взял его за руку, и они вместе пришли в деревню. Как из-под земли возникли несколько воинов с луками, копьями, каменными топорами и окружили белого пришельца. Маклай раздал им подарки, и состоялось знакомство: ученый бил себя в грудь, повторяя: «Маклай, Маклай!» Папуас, с которым он пришел в деревню, повторил этот церемониал, после чего выяснилось, что зовут его Туй. К вечеру Маклай целым и невредимым вернулся на судно.

Вскоре он решил отправиться в одну из отдаленных деревень, причем, безоружным. Папуасы встретили Маклая враждебно. Они размахивали копьями, и, казалось, намеревались его убить, но интуиция подсказала ему, что они этого не сделают. Он спокойно снял с себя сюртук, расстелил его на траве, лег и … уснул. Когда часа через два проснулся, то увидел сидевших вокруг него и тихо беседующих папуасов. Луки и копья были отложены в сторону. Он сделал вид, будто ничего не случилось, а папуасы решили, что если белый пришелец их не боится, — значит, он бессмертен...

«Витязь» простоял у берега неделю. Матросы построили хижину размером 2,5х5 м, а Туй уступил свой шалаш, где разместилась кухня. С корвета доставили все припасы, и судно покинуло залив.

Маклай сделал запись в дневнике: «Папуасы не съели меня, как Ма-



геллана и Джеймса Кука. Они позволили жить вместе с ними. Но я рисковал каждую секунду. Они подчинялись своим богам, которые требовали человеческих жертв, меня спас цвет моей кожи: папуасам Маклай показался «лунным», и они решили, что я приплыл к ним с Луны». Папуасы так и прозвали ученого — «Караан-тамо» (Человек с Луны). Его также называли «Тамо-рус» (русский человек). Вскоре слух о появлении «Человека с Луны» распространился по прибрежным и даже горным деревням. Папуасы почти ежедневно посещали хижину Маклая. Иногда в день приходило до 50 человек. В доме ученого аборигены впервые увидели много загадочных вещей: палочки с огнем (спички), металлические изделия, твердую воду (стекло). Их очень веселило смотреть на себя в зеркале, а вот книги и рисунки вызывали у них страх. Маклай всегда имел при себе записную книжку и довольно быстро составил словарь, позволивший объясняться с туземцами. В этом ему помогал Туй. Прошло всего несколько недель после прибытия на остров, и от лихорадки умер Бой. Его тело Маклай с Ульсеном ночью похоронили в море. Когда пришли папуасы, чтобы узнать о здоровье мальчика, Маклай сказал, что Бой улетел на Луну. Но туземцы не поверили, зашумели и заволновались. Тогда он взял миску, налил в нее спирт и спросил: «Вода?» — «Вода, вода», — закивали они. Он поджег спирт, и папуасы с воплями «Маклай, не поджигай море!» упали на колени. За то, что он не поджег море, они подарили ему жену, двенадцатилетнюю девочку по имени Мира.

Самого ученого также настигла «бледная, холодная, дрожащая, сжигающая лихорадка», приступы которой мучили его в течение всего пребывания на острове. Но ни болезни, ни змеи, ни голод, ни тропические дожди и землетрясения, ничто не могло помешать в его работе. Здесь он написал «Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая в Новой Гвинее» и ряд других статей. Заслужив доверие туземцев, он заходил в их хижины, беседовал с ними, лечил, знакомился с их бытом, обычаями, делал записи, зарисовки, портреты. Около своей хижины Маклай разбил огород, где выращивал неизвестные папуасам тыквы, бобы, кукурузу и раздавал им семена.

Однажды ему сообщили, что на Туя упало дерево и ранило ему голову. Тамо-руса вылечил своего друга, и тот в честь своего исцелителя устроил пир, а в знак особой благодарности предложил ему поменяться именами! Из этой щекотливой ситуации Маклай нашел оригинальный и полезный для науки выход: предложил Тую поменяться пучками волос с головы, тем более что этого добра у обоих было в избытке. Ученому также было необходимо уговорить аборигенов сделать замеры их голов, а еще лучше. — получить для этих целей черепа. Папуасы панически боялись, не могли понять его намерений, но Маклаю удалось добиться их согласия. Результаты показали, что никаких отличий у папуасов от европейцев нет.

15 месяцев провел Маклай на острове. Он записал в своем дневнике: «Мне кажется, что, если бы не болезнь, я здесь не прочь был бы остаться навсегда, т.е. не возвращаться никогда в Европу. Но будет ли это возможно: во-первых у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков и, в-третьих, у меня осталось не более сотни пистонов».

В России не было никаких известий о нем, ходили слухи, что его съели дикари. О его смерти была даже напечатана заметка в «Санкт-Петербургских ведомостях», писали и английские газеты.

Несмотря на все эти сообщения, в залив Астролябия 19 декабря 1872 года, с полугодовым опозданием против обещанного, прибыл фрегат «Изумруд». Каково же было удивле-

ние капитана фрегата, когда ученый заявил, что еще не решил, плыть ли ему домой или остаться на острове. Туземцы, узнав, что Маклай уезжает, просили его остаться, обещали построить в каждой деревне хижину и в каждую дать (для ведения хозяйства) по жене. Однако болезнь и необходимость завершить свои труды заставили его покинуть остров. Еще одна причина была в том, что от лихорадки умер и Ульсен.

Жители окрестных деревень два дня торжественно провожали Маклая, на прощанье дарили ему подарки. 24 декабря под грохот барабанов «Изумруд» снялся с якоря, причем более половины команды за пять дней стоянки успели подхватить тропическую малярию. В дневнике Николай Николаевич сделал, может быть, самую важную в своей жизни запись: «По праву первого европейца, высадившегося на этот берег, я назвал побережье в заливе Астролябия «Берегом Маклая». На судне приступы лихорадки скрутили ученого так, что он впал в кому. Трое суток Николай Николаевич не приходил в себя, и капитан решил, что он умер. Матросы зашили его в мешок и уже готовы были, по морским традициям, выбросить за борт, но Маклай вдруг застонал, зашевелился в мешке и тем самым чудом избежал смерти…

В марте 1873 года судно остановилось в филиппинском порту Манила. Маклай, не теряя времени, отправился в поход и в горах обнаружил низкорослое племя чернокожих негритосов (по-испански — «маленький негр»). Их рост не превышал полутора метров. Ученый пришел к выводу, что негритосы — это вовсе не негры: язык и другие признаки указывали на их родство с папуасами.

Н

и болезни, ни змеи, ни голод, ни тропические дожди — ничто не могло помешать его работе. Здесь он написал «Антропологические заметки о папуасах» и много других статей. Заслужив доверие туземцев, он заходил в их хижины, лечил, знакомился с их бытом, обычаями, делал записи, зарисовки, писал их портреты

В мае «Изумруд» достиг острова Ява, где Миклухо-Маклай прожил семь месяцев на вилле генерал-губернатора Нидерландской Индии Джеймса Лаудона в качестве его гостя. Он окреп, привел в порядок дневники, написал несколько статей. Но здесь его настигла другая «сердечная болезнь», — он не на шутку увлекся дочерью губернатора Луизой. В своем дневнике он писал: «Я почувствовал, что у меня оборва-

лось сердце. Месяцами я зарисовывал и наблюдал за многими женщинами, практически обнаженными, но ни одна из них не волновала меня так, как эта девушка. Луиза играла со мной легкомысленно и жестоко». А вот что вспоминает Луиза: «Этот русский ученый забавен своей восторженностью от меня. Иногда я внезапно приходила его навестить. Это сбивало его с толку, и он больше не мог исследовать мозги своих папуасов». Однако роман внезапно оборвался: «Я была так наивна, что дала согласие на помолвку, но вдруг узнала, что у Маклая на Новой Гвинее была жена, двенадцатилетняя девочка. Он клялся, что это всего лишь дань местным обычаям, но для меня все равно это было неприемлемым, и я отказала ему».

У Лаудона ученый был избавлен от всех расходов. Но дальше это продолжаться не могло, тем более что он получил отказ от Луизы. Мать больше не переводила деньги, так как истратилась на покупку имения «Малина» недалеко от Киева. Но неожиданно пришли деньги из РГО — он получил 2000 рублей.

На пароходе «Король Вильгельм III» в декабре 1873 года Маклай отплыл в очередное путешествие. Он писал в РГО: «Отправляюсь потому что, если теперь не решусь, пожалуй, вторая экспедиция в Новую Гвинею никогда не удастся вследствие здоровья, которое уходит, и средств, которые все более и более стесняют. Постараюсь вернуться, потому что главные результаты первого путешествия почти не разработаны мною, и никто это за меня сделать не сможет».

Предчувствие не обмануло у его: из-за обострившейся болезни экспедиция была прервана, пришлось вернуться на Яву. В госпитале его навестил командир британского корабля и подарил ему карту, на которой значились «Берег Маклая» и «Гора Миклухо-Маклая». Это было признание заслуг ученого.

Почувствовав себя лучше и получив помощь от магараджи города Джохор, в феврале 1876 года Маклай отправился искать таинственные племена, обитавшие в лесах Малаккского полуострова. Аборигены называли их «оран-утаны» — «люди леса». Прежде чем он нашел их, пришлось плавать в лодке, передвигаться по пояс в воде, натыкаясь на крокодилов и змей. Это были невысокие чернокожие люди, внешне походившие на папуасов. Пятьдесят дней пробыл Маклай в местах их обитания. Он изучил их образ жизни, установил, что ночи они проводят на деревьях. На полуострове он провел около полугода. Его опять «скрутила» лихорадка, и он возвратился в Джохор.

Николая Николаевича очень беспокоила судьба папуасов, и он хотел, чтобы папуасы Новой Гвинеи через его «посредство, в случае насилий со стороны белых, имели бы законного могущественного покровителя». Маклай писал в РГО: «Вследствие настойчивой просьбы людей

этого берега, я обещал им вернуться, когда они будут в беде. Теперь, когда я узнал, что это время наступило, и им угрожает большая опасность, что колонизация Англией кончится истреблением папуасов, я хочу и должен сдержать слово. Не как русский, а как тамо-боро-боро (наивысший начальник) папуасов Берега Маклая, я хочу обратиться к Его Императорскому Величеству с просьбой о покровительстве МОЕЙ страны и МОИХ людей и поддержать мой протест против Англии». Правительство и Александр III письмом ученому отклонили это предложение. Письмо дошло до адресата лишь через два года, и Николай Николаевич, не дождавшись ответа, отправился во вторую экспедицию на Новую Гвинею на шхуне «Си Берд» голландского предпринимателя Шомбургка, который обещал забрать Маклая с острова через шесть месяцев.

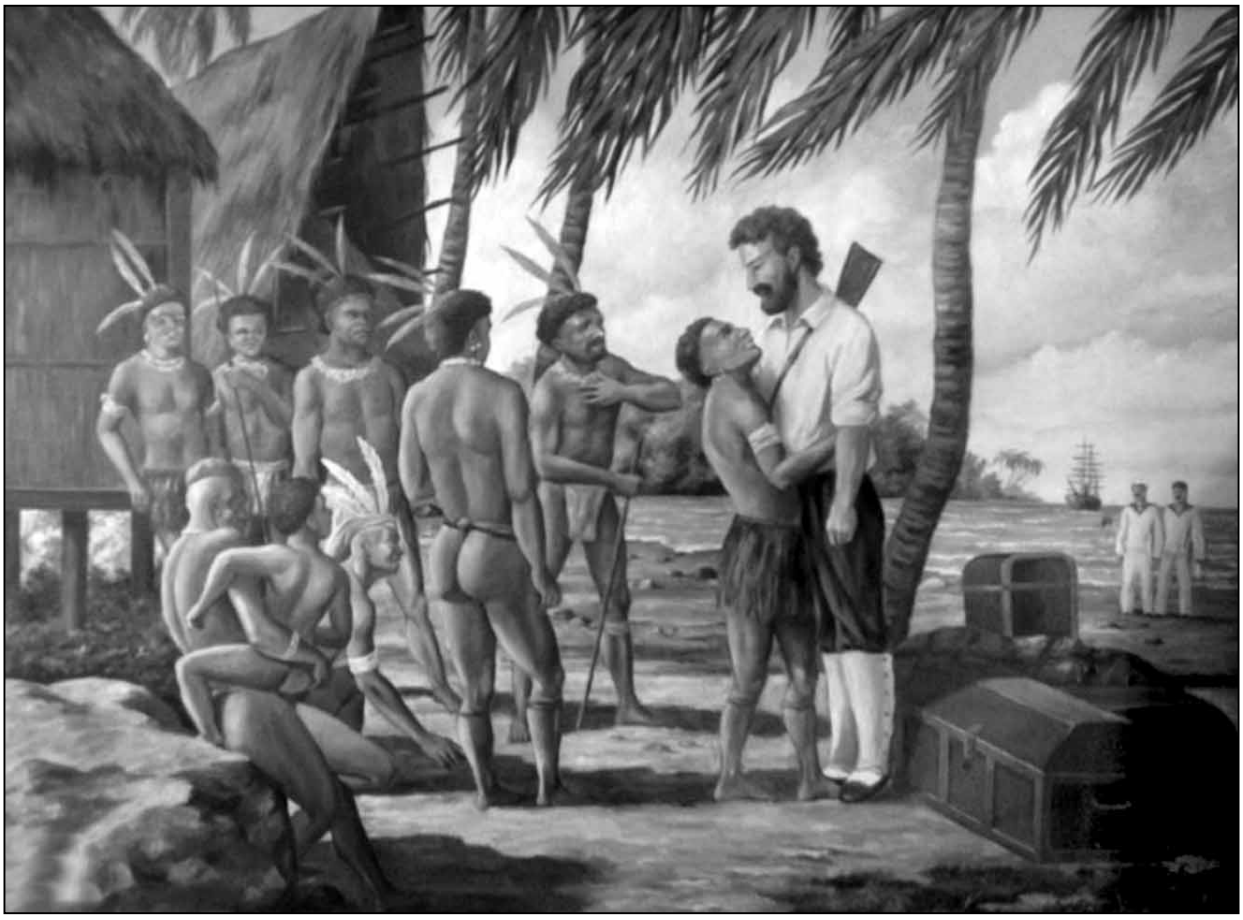
В июне 1876 года ученый прибыл на Берег Маклая. Старые знакомые радостно встретили Тамо-руса. Его хижина развалилась, и матросы соорудили ему новый добротный дом на двухметровых сваях с кабинетом, спальней, кухней, верандой и складом. Маклай уже мог довольно свободно объясняться с жителями деревень, всегда был почетным гостем на их праздниках и ритуалах. На этот раз он пробыл на острове 16 месяцев вместо намеченных шести…

В этих краях процветала работорговля. Вдоль берегов плавали пиратские суда, похищали туземцев и продавали их в неволю. Однажды Маклай увидел такое судно, принадлежавшее богатому малазийскому радже. Он со своим поваром на шлюпке причалил к судну, поднялся на борт, на глазах у вооруженной команды арестовал раджу и доставил его на берег в распоряжение папуасов, которые судили его в соответствии с местным законодательством. После этого папуасы стали почитать Маклая больше, чем своих вождей. «Они были уверены, что я смогу излечить их от любой болезни, защитить их жен и детей от горных людоедов, наслать бурю или вызвать Солнце». Своим авторитетом он мог помирить враждующие деревни и даже прекратить возникающие военные стычки.

Время шло, а судна от Шомбургка все не было. Наконец оно пришло — с опозданием почти в год. Маклай находился в бедственном положении. Запасы еды и лекарств кончились, делать записи было не на чем. Здоровье резко ухудшилось, на ногах появились язвы.

В ноябре 1877 года он покинул остров. Перед отплытием созвал жителей из окрестных деревень и предупредил их, что белые люди не всегда бывают друзьями, но если прибудут настоящие друзья, то подадут особый «знак Маклая».

После двухмесячного плавания Николай Николаевич, совершенно больной, прибыл в Сингапур и около полугода проходил там курс лечения. Потом, по совету врачей, отпра-



вился в Сидней. Во время плавания ему стало гораздо лучше, он даже прибавил 12 кг в весе. Оказалось, что в Сиднее о нем хорошо знали, газеты сообщили о прибытии «барона Маклая». Ученый не стал возражать (ведь по семейной легенде он был потомок барона) и заказал себе визитки с вензелем «М» и короной барона. Сначала он поселился у русского вице-консула, потом некоторое время жил в Английском клубе, а затем в доме депутата Парламента Нового Южного Уэльса, зоолога, главы Линнеевского общества Австралии, почти однофамильца, — Уильяма Маклея. На десятый день пребывания Маклая избрали почетным членом этого общества. Об его путешествиях и исследованиях писали европейские и австралийские газеты, журналы печатали его статьи. Тем не менее, финансовое положение «барона» было весьма плачевно. У него скопились большие долги, письма в РГО и к матери оставались без ответа. Но, как всегда, он был полон энергии и с помощью своего нового друга Маклея основал Морскую биологическую станцию, причем сам сделал проект здания и руководил строительством.

Однако при первой же возможности, не завершив строительства, в марте 1879 года на шхуне «Сэди Ф. Келлер» Маклай отправился в новое путешествие. Деньги на экспедицию одолжил Маклей.

Маргарет с детьми

Более года ученый провел в плавании и на островах Океании, где не ступала нога европейца. Он посещал деревни людоедов, питался туземными продуктами, спал на открытом воздухе и в хижинах аборигенов. Затем совершил 400-километровое путешествие в глубь австралийского континента и разыскал там «безволосое племя», людей, начисто лишенных волосяного покрова. И, как всегда, сделал много записей, рисунков, антропологических замеров и фотографий.

Друзья в России организовали сбор денег в помощь ученому. Получив их, он вернулся в Сидней. Дж.Робертсон, который в это время занимал пост министра просвещения, назначил Маклая директором Морской биологической станции.

В это время в жизни Николая Николаевича произошло важное событие, никак не связанное с папуасами: он познакомился с дочерью Робертсона, 25-тилетней вдовой Маргарет. В дневнике он записал: Я расположил Дж. Робертсона настолько, что он даже разрешил на своем участке построить морскую лабораторию. Но я и не знал, что моим главным союзником в создании лаборатории была дочь Робертсона — Маргарет».

Эта молодая женщина страстно влюбилась в ученого. Уже через несколько дней после знакомства она подарила Маклаю свою фотографию с надписью: «Больше никто никогда не будет мною обладать».

Однако женитьбу пришлось отложить. В Мельбурн вошла русская военная эскадра, и у Николая Николаевича, наконец, появилась возможность вернуться в Россию. На корвете «Вестник» он приплыл в Сингапур, перешел на борт крейсера «Азия», в Генуе взошел на борт броненосца «Петр Великий», который 31 августа 1882 года доставил ученого в Кронштадт.

После двенадцати лет странствий Миклухо-Маклая с восторгом встречали на Родине. Газеты и журналы оповестили о его приезде, с восхищением и гордостью описывали его опасные путешествия и научные открытия. В Москве и Санкт-Петер-

бурге в его честь устраивались научные заседания. Его доклад в РГО произвел грандиозный эффект. Его даже принял император, которому он изложил свой план по освоению открытых им земель: «Взять северо-восточную часть Гвинеи под российский протекторат. Там будут базироваться военные корабли, открыта православная миссия». Инициативу ученого царь не поддержал, но помог в погашении накопившихся долгов и в получении средств на публикацию трудов, правда, с оговоркой — «только на русском языке!»

К немалому удивлению ученого, его инициативами заинтересовались в российском министерстве иностранных дел, и ему было сделано секретное предложение: «МИД находит крайне желательным получать от Вас постоянные сообщения о происходящих событиях на архипелагах». Маклай дал согласие, получил значительные субсидии и отправился в Австралию, где его ждала невеста. Он добрался до Батавии (ныне Джакарта) и там застал русский корвет «Скобелев», который держал курс на Владивосток. Ученому удалось уговорить капитана «по пути» зайти на Берег Маклая. 18 марта 1883 года он в третий раз ступил на ставший уже родным берег. Маклай привез много полезных вещей, а также ткани и бусы, так полюбившиеся папуасам. С корабля сошло небольшое стадо домашних животных: козы и коровы во главе с быком-зебу. При виде последнего туземцы от страха разбежались кто куда, а некоторые взобрались на деревья

На этот раз пребывание было не долгим — всего 8 дней, после чего Маклай отправился в Сидней.

Проживание в Австралии растянулось почти на три года. Неутомимый ученый продолжал надеяться сделать Берег Маклая российской территорией. «Помочь» ему вызвались германские колонисты во главе с давним «другом», немецким исследователем О. Финшем. Они обещали добиться признания права собственности ученого на Берег Маклая. Доверчивый Николай Николаевич научил Финша, как войти в контакт с папуасами: «Скажите им, что вы мой брат, этого будет достаточно». С отрядом колонистов Финш отправился покорять Новую Гвинею. Он назвался братом «человека с Луны», но папуасы догадались о коварных замыслах белых пришельцев и преградили им путь на Берег Маклая. Тогда немцы применили силу. Убив нескольких туземцев, они все-таки высадились на остров. Но на рассвете разъяренные папуасы перерезали всем горло. Из газет Маклай узнал: «Поскольку в стычке с туземцами погибли десятки немецких колонистов, Германия объявила Берег Маклая своей территорией». Потрясенный ученый направил письмо канцлеру Бисмарку: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую

аннексию». Бисмарк поднял Маклая на смех: «Эти туземцы и слова такого не знают — аннексия!»

Николай Николаевич на этом не успокоился и написал Александру III: «Российские притязания на Берег Маклая более справедливы, поскольку русский флаг был поднят на этом берегу на тринадцать лет раньше немецкого». Хотя в правительстве считали, что России не нужны колонии в Тихом океане, Александр III поддержал Маклая. Причиной тому была записка министра, адмирала А.И. Шестакова: «Тщетно стараюсь постичь моим привыкшим к дисциплине умом усилия г-на Маклая. Склонен не смотреть серьезно на судорожно деятельного соотечественника нашего, но, принимая во внимание дележную лихорадку, обуявшую все европейские государства, и зная из истории, что часто не совсем вменяемые люди приносили пользу отечеству именно своей невменяемостью, я бы полагал удовлетворить г-на Маклая и принять берег его имени под наше покровительство». МИД России «взял под козырек» и сделал заявление, что часть берега Новой Гвинеи принадлежит русскому подданному, но получил от Германии категорический ответ: «Император Вильгельм имеет право на всю аннексированную территорию Новой Гвинеи. Исключение для г-на Миклухо-Маклая сделано быть не может». Тогда МИД дал ученому такое замысловатое предписание: «Договаривайтесь с Германией, владеющей Берегом Маклая, сами. Вас поддержим, но избегайте конфликтов». Маклай пришел к неутешительному выводу: «Моя война с Бисмарком проиграна, но еще хуже, что германские газеты называют меня русским помещиком на германской территории». Тем не менее, выполняя свои обязательства перед МИДом, он послал туда свое сообщение: «Считаю необходимым уточнить, что напряженные отношения между Германией, Англией и Россией приводят к лихорадочному противостоянию на Тихом океане. Входы в гавани запружены торпедами, почтовые пароходы превратились в крейсеры. На всем побережье объявлена мобилизация. Русофобия процветает повсюду. Прохожий в Мельбурне был поколочен только за то, что был принят за русского. Про меня что думают, — не буду и писать, было бы слишком длинно и смешно». Ученый также сообщил об экономическом положении в Австралии и Океании. Однако кроме забот о судьбах папуасов и государства российского, надо было позаботиться и о собственной судьбе, то есть о женитьбе на Маргарет. Отец Маргарет был против женитьбы, так как Маргарет, став женой русского, теряла британское подданство и лишалась прав на участие в семейном бизнесе. С целью помешать браку, он настаивал, чтобы Миклухо-Маклай принял британское под-

данство. Ученый считал это неприемлемым. Тогда отец выдвинул условие, чтобы бракосочетание было освящено по протестантскому обряду. Маклай был уверен, что Святейший синод не даст на это согласия. Вопрос решил Александр III — лично разрешил Маклаю протестантское венчание: женитьба на дочке столь важной персоны представляла для России государственный интерес. 27 февраля 1884 года Маргарет и Миклухо-Маклай обвенчались по протестантскому обряду. В конце года у них родился сын Александр, а на следующий год — Владимир. После неурядиц с колонизацией Берега Маклая у Николая Николевича появилось много недругов. Бисмарк приказал своим агентам следить за каждым шагом «настырного русского». В Сиднее его одни называли белым папуасом и каннибалом, другие — авантюристом, третьи — русским шпионом. Он писал в своем дневнике: «От отчаяния меня спасает лишь одно, что я женат на женщине с удивительной душой».

Однажды ночью кто-то поджег его Биологическую станцию, а затем неожиданно он получил от властей предписание освободить ее территорию «под военные нужды». Возникли серьезные финансовые проблемы, и ученый принял решение возвратиться в Россию. Маргарет не смогла сопровождать супруга, дети были еще слишком малы, чтобы выдержать столь дальний путь.

В апреле 1886 года Миклухо-Маклай прибыл в Одессу и был сразу приглашен императором в Ливадию, где дважды имел с ним аудиенцию и, в результате, сумел убедить его основать русскую колонию в Новой Гвинее. Для окончательного решения вопроса император учредил специальный комитет, в который вошли министры иностранных и внутренних дел, финансов, военный и морской министры. Решение комитета было таково: «Острова, указанные г-ом Маклаем, не представляют выгод для Российского государства ни в торговом, ни в военно-морском отношениях». Император начертал резолюцию: «Считать это

Миклухо-Маклай был окружен признанием и славой, а средств даже на приобретение лекарств катастрофически не хватало. К тому же, путешествия не дали Николаю Николаевичу возможность сделать академическую карьеру, защитить диссертацию, издавать свои труды. Для ученых он выглядел «вольным художником», ученым-одиночкой

дело оконченным. Миклухо-Маклаю отказать». А тем временем в газетах напечатали объявление: «Приглашаем русских поселиться на Берегу Маклая». Более 3000 человек по всей России сразу откликнулись на это предложение.

Заехав к матери в имение «Малина», Маклай приехал в Петербург, чтобы готовить к изданию двухтомник о своих путешествиях. Работа давалась нелегко, так как за время путешествий он стал забывать русский язык. Да и здоровье все больше ухудшалось, и он поспешил отправиться в Австралию за семьей. Из Петербурга он выехал в марте 1887 года, а в конце мая семья отплыла из Сиднея в Россию. В Генуе они сошли на берег и приехали в Вену, где супруги вторично повенчались по православному обряду и, наконец, прибыли в Петербург.

Миклухо-Маклай был окружен признанием и славой, а средств даже на приобретение лекарств и на врачей нехватало. Путешествия не дали Николаю Николаевичу возможность сделать академическую карьеру, защитить диссертацию, регулярно издавать свои труды, что обеспечило бы семье материальный достаток. Для ученых он выглядел «вольным художником», ученым-одиночкой. Маргарет попросила Екатерину Семеновну выплатить мужу долю семейного имения, но мать, всегда помогавшая сыну, ответила неожиданно жестко: «Я потратила на сына достаточно денег, финансируя его сумасшедшие путешествия, так что совесть моя чиста. Что касается Ваших притязаний на имение, вот Вам мой совет: владейте хоть всеми островами на Тихом океане, но ко мне в имение даже не приезжайте».

Николай Николаевич совсем ослаб и уже не выходил из дома. Он записал в дневнике: «Мое нездоровье становится катастрофическим, меня перевозят в Военный госпиталь. Мне часто снится сон, навязчивый и странный. Я вижу землю. Мой слуга Бой и другие папуасы показывают на нее и говорят: «Там живут страшные белые люди». Всякий раз, когда я хочу плыть туда, они меня останавливают и говорят: «Эта земля убьет тебя». Я смеюсь: «Как же меня может убить свое, родное? Ведь там живут белые люди!» «Так вот, Маклай, они тебя и съедят», — грустно отвечают мои папуасы».

Николай Николаевич Миклухо-Маклай скончался 14 апреля 1888 года в возрасте 42-х лет. Ученого похоронили на Волковском кладбище. Провожая его в последний путь, известный публицист и историк, профессор Петербургского университета В.И. Модестов сказал: «Отечество хоронит человека, который прославил Россию в далеких уголках необъятного мира. Этот человек был одним из самых редких людей, когда-либо появившихся на нашей старой земле».

Маргарет вместе с детьми провела лето в имении матери Николая Николаевича, а в декабре они вернулись в Австралию. До 1917 года семья получала пенсию из личных средств Александра III, а потом Николая II. 7 января 1936 года газета «Sydney Morning Herald» сообщила о кончине баронессы де Миклухо-Маклай.

В 1971 году на Берегу Маклая побывала советская научная экспедиция. Праправнук Туя плакал и рассказывал членам экспедиции легенды о «человеке с Луны» и о далекой Лунной стране, откуда пришел их защитник, добрый и всемогущий Маклай. Папуасы верили, что Тамо-рус жив и скоро к ним вернется…

На Земле Маклая ученые установили ему памятник. ❑

Светлана Марлинская

Первая женщина
ПОСОЛ И ДИПЛОМАТ

Личность это легендарная. Первая в мире женщина-министр, первая в мире женщина-посол… Ее имя овеяно легендами, она — одна из самых загадочных женщин советской России, хотя бы потому, что, побывав на самой вершине революционной власти, сумела выжить и «взять» другую высоту — дипломатическую. До глубокой старости она сводила с ума мужчин.

Все это — об Александре Михайловне Коллонтай (в девичестве Домонтович), дочери полковника-аристократа и разведенной финской мещанки. Возлюбленной многих видных большевиков, так или иначе попавших в жернова революционного террора. О женщине, не имеющей никакого отношения к знаменитой «теории стакана воды», но воплощавшей эту теорию на практике до глубокой старости, сводя с ума мужчин много моложе нее.

Будущая «валькирия революции» родилась 1 апреля 1872 года в семье полковника генерального штаба, который в сорок лет женился на разведенной женщине с тремя детьми. Сам по себе брак был скандальным для избранного петербургского общества, но супруги нежно и преданно любили друг друга. У их общей дочери Александры в крови (сложная смесь русской, украинской, финской, немецкой и французской) бы-

ло заложено понятие о счастливом браке как о чем-то прекрасном.

У генеральской дочки (отец к этому времени стал генералом) было все, что полагалось детям привилегированного сословия: своя комната, няня-англичанка, гувернантка-француженка. И будущее у нее было вполне определенное: блестящая партия, дети, балы и поездки в усадьбу или за границу.

Воспитание девочка получила сугубо домашнее, но экзамены на аттестат зрелости сдала экстерном в петербуржской мужской гимназии лучше многих гимназистов. Уже в юном возрасте она обнаруживала удивительную зрелость и гибкость ума в сочетании с чисто мужским подходом ко многим морально-этическим вопросам. Родители попрали устоявшиеся нормы общества, бросили им вызов. Их дочь, имея перед глазами живой пример, поступила точно также, только пошла гораздо дальше в своих устремлениях, желаниях и представлениях о браке. Да и времена стремительно менялись.

Сдав экзамены, Александра получила сертификат школьной учительницы, что, по понятиям ее родителей, было вполне достаточно для девушки из хорошей семьи, которой «необходимо составить приличную партию». Поэтому на поступление в какое бы то ни было высшее учебное заведение было наложено категорическое «вето»: неизвестно, каких опасных и глупых идей сможет нахвататься там романтически настроенная девица. (Если бы родители могли хотя бы краешком глаза заглянуть в будущее дочери, любой университет показался бы им пострижением в монастырь с самым строгим уставом.)

Девушка посещала и Школу поощрения художеств, брала частные уроки рисования. Была даже введена в великосветское общество.

В круг юношеского общения Александры Домонтович входил ее троюродный брат Игорь Лотарев, которого через несколько лет любители поэзии наградили титулом «короля поэтов». Странно, но Коллонтай чрезвычайно редко вспоминала о своем родстве с Игорем Северяниным и никогда не пыталась помочь ему вернуться на родину, когда он буквально погибал в неприветливой Финляндии.

Вокруг имени Александры Коллонтай существовало и существует много сплетен и домыслов. Так, например, считается, что ей делал предложение руки и сердца адъютант императора генерал Тутолмин. Называют даже его возраст — 40 лет. Шура якобы отказала воздыхателю, но все дело в том, что… у Александра III в конце 80-х годов такого адъютанта просто не было. В русской армии служил генерал от кавалерии Иван Федорович Тутолмин, который с 1885 года командовал Кавказской казачьей дивизией и в столице физически отсутствовал.

Была еще одна чрезвычайно живучая сплетня (которую, по-видимому,

поддерживала сама Александра). Якобы из-за Шуры застрелился сын генерала Драгомирова. Красиво, романтично, вышибает слезу, но… У генерала от инфантерии Михаила Ивановича Драгомирова было три сына: Владимир, Абрам и Александр, все — боевые офицеры. Двое из них дослужились до генеральского чина, один стал полковником. Умерли все в XX веке. В Шуру Домонтович

никто из них безответно не влюблялся и пулю себе в голову не пускал.

В реальности все было гораздо проще. Александра постоянно находилась под строгим присмотром матери, поэтому вела себя скромно и сдержано. В 1890 году девушка познакомилась с Владимиром Людвиговичем Коллонтаем, только-только получившим звание поручика и поступившим в Николаевскую инженерную академию. Шура Домонтович приходилась ему троюродной сестрой по материнской линии. Родственные узы дали повод Владимиру посещать дом генерала Домонтовича, так что с Шурой молодой человек виделся регулярно. Говорили они о политике и о социальной несправедливости, читали Герцена. Закончились эти встречи неожиданно: девушка заявила родителям, что любит Владимира Коллонтая и желает стать его женой. Но прожить на жалование поручика вдвоем — это считалось немыслимым, поэтому мать категорически выступила против брака, хотя и понимала романтические устремления дочери.

От греха подальше, родители отправили Александру в длительную

поездку по европейским странам. Они надеялись, что дочь забудет поручика и найдет себе со временем достойного жениха. Повторюсь: если бы они могли заглянуть в будущее дочери, то обвенчали бы ее с троюродным братом в тот же день и никуда не выпустили бы из России.

В Европе Шура узнала про профсоюзы, Клару Цеткин, «Коммунистический манифест», — про все то, что в России было запретным. К тому же разлука не притупила чувства молодых людей, и в 1893 году они все-таки поженились. Немаловажную роль в этом сыграло очередное звание штабс-капитана, которое Владимир получил в 1892 году, всего через два года после присвоения ему звания поручика.

Решающую роль в судьбе молодой Александры сыграло знакомство с ее ровесницей, революционеркой Еленой Стасовой, которая ввела девушку в свой круг, где лидировали Владимир Ульянов, Юлий Мартов, Надежда Крупская, которые представляли собой новую поросль революционеров, ставивших своей первоочередной задачей свержение существующего строя

Они были счастливой и красивой парой. Муж был мягок и добр, старался во всем ей угождать, к тому же, оказался горазд на выдумки и забавы. Упрекнуть его было не в чем, но Алескандра хотела чего-то другого. Чего? Она сама не знала.

В 1894 году у пары родился мальчик. Назвали его Михаилом. Но семейная идиллия продолжалась всего пять лет. Пока муж успешно делал военную карьеру (в 1895 году получил чин капитана), его жена с головой ушла в работу в публичной библиотеке, где собирались столичные вольнодумцы. Ее сыну, Мише, не исполнилось еще и полугода, а его мать, внезапно осознав, что не все в этом мире гармонично и справедливо, прониклась идеей участвовать в избавлении человечества от «вселенского зла».

Надо сказать, что в средствах молодая семья не была стеснена — отец выделил замужней дочери значительное содержание. Вечерами собирались, читали вслух социальную публицистику, отобранную Шурой. Заходили новые друзья хозяйки дома — учителя, журналисты, артисты — и до хрипоты спорили о политике.

Есть такие женщины, которым Бог не дал таланта быть хранительницей семейного очага. Хотя, казалось бы, всем остальным природа их наградила: и красотой, и грацией, и обаянием, и умением любить, и умом... Но желанием создать семейный уют Шурочка Коллонтай была

обделена так же, как иногда какой-нибудь человек начисто лишен слуха или голоса.

«Я хотела быть свободной, — признавалась она. — Мое недовольство браком началось очень рано. Я бунтовала против «тирана», так называла моего мужа… Хотя я любила своего красивого мужа и говорила всем, что страшно счастлива, но мне все казалось, что это «счастье» меня както связало. Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день, и я не могла больше писать повести и романы, как делала это, когда жила у родителей. Хозяйство меня совсем не интересовало, а за сыном могла очень хорошо ухаживать няня Анна Петровна. Но Аннушка требовала, чтобы я сама занималась домом. Как только маленький сын засыпал, я целовала его мокрый от пота лобик, плотнее закутывала в одеяльце и шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина».

В результате Александра покинула супружескую квартиру, сняла комнаты для себя, сына и няни, но дом ей нужен был не для семейного уюта, а, чтобы делать дело — читать и писать.

13 августа 1898 года Шура Коллонтай отправилась за границу, оставив сына на попечение родителей. Ей было двадцать шесть лет.

Она выбрала Швейцарию, чтобы получить образование, но заболела нервным расстройством и переехала в Италию, где писала статьи для газет и журналов, которые… никто не печатал. Нервное расстройство усиливалось, и врачи посоветовали ей вернуться домой.

Решающую роль в судьбе молодой женщины сыграло знакомство с ее ровесницей и «профессиональной» революционеркой Еленой Стасовой. Она довольно быстро ввела умную, романтически настроенную Александру в свой круг, где лидировали Владимир Ульянов, Юлий Мартов, Надежда Крупская. Все они отличались непомерными амбициями и представляли собой новую поросль революционеров, ставивших своей первоочередной задачей свержение существующего строя.

Елена Стасова стала использовать Шуру в качестве курьера. Та возила какие-то посылки, письма, запрещенную литературу разным неизвестным личностям в условиях строжайшей конспирации. Для молодой неискушенной женщины подобное времяпрепровождение представлялось очень романтичным.

Хотя нельзя сказать, что решение бросить семью и «уйти в революцию» далось Шурочке легко. Она долго колебалась, плакала, но новые знакомые уже полностью опутали ее своими идеями. Молодая женщина окончательно рассталась с мужем (официально же развод оформили лишь в 1916 году) и полностью отдалась модным в те годы революционным течениям.

У нее теперь были другие заботы — вернувшись из-за границы

в Россию в 1889 году, она сразу вступила в созданную год назад партию РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), а два года спустя познакомилась с Георгием Валентиновичем Плехановым. Во многом благодаря этому знакомству, после раскола партии в 1903 году, Коллонтай оказалась во фракции меньшевиков и тем самым отмежевалась от Ульянова-Ленина. Только в 1914 году она пересмотрела свои политические ориентиры и вновь оказалась в лагере большевиков.

Когда в 1902 году умер ее отец, возникло множество бытовых проблем. Ей в наследство перешло имение, которое приносило большие доходы, позволявшие безбедно жить в Европе. Ей нужны были деньги, но заниматься их добыванием, обременять себя финансовыми отчетами не хотелось. Дом отца продали, и она сняла хорошую квартиру.

Александра предпочитала только творчество: она была уже автором трех книг по социальным проблемам, много писала о женском движении, о пролетарской нравственности, которая придет на смену буржуазной.

В 1905 году Коллонтай обнаружила в себе еще один талант — талант оратора. Включившись в агитационную работу нелегалов, она с пафосом выступала на рабочих собраниях. На одном из них Шурочка познакомилась с соредактором первой легальной газеты социал-демократов в России Петром Масловым, которого отчаянно критиковал Ленин. Красноречивый экономист произвел на нее неизгладимое впечатление. Она говорила только о нем, и Петр Маслов — степенный, расчетливый — бросился в омут любви, хотя и состоял в законном браке.

Александра Коллонтай и Павел Дыбенко

Личное гармонично сочеталось с общественным. Маслов читал цикл лекций в Германии — и Коллонтай приехала на учредительный съезд социал-демократов в Мангейм, затем — на конгресс Интернационала. Но Петр смертельно боялся огласки, и тайные свидания радости ему не приносили…

Тем временем бурная революционная деятельность Коллонтай не осталась без внимания властей. Ее арестовали, но скоро выпустили под залог. Пока она скрывалась у писательницы Щепкиной-Куперник, друзья приготовили ей заграничный

паспорт, и она сбежала из страны. Ее разлука с Петербургом на этот раз растянулась на восемь лет.

Вскоре за ней последовал Петр Маслов (правда, ему пришлось взять с собой семью). Тайная любовь продолжилась в Берлине. Но роман начал тяготить ее, поскольку превратился в тривиальный адюльтер. Она уехала в Париж, сняла комнату в скромном семейном пансионе. Петр сразу бросился за ней, правда… опять со всем своим семейством. Он приходил к любовнице каждый день, но ровно в половине десятого торопился домой. Александра окончательно поняла, что такой эрзац супружеской жизни ее категорически не устраивает.

Конец романа был внезапным: на траурном митинге у могилы Лафаргов (необыкновенно романтичное место для начала нового романа!) она заметила на себе пристальный взгляд молодого мужчины — прямой, открытый, властный. После похорон он подошел, похвалил ее речь, поцеловал ручку. «Он мне мил, этот веселый, открытый, прямой и волевой парень», — писала Коллонтай немного позже.

Тогда они долго бродили по городу, зашли в бистро. Она спросила, как его зовут. Он представился Александром Шляпниковым, революционером-пролетарием. Ночью Александр привез ее в пригород, в скромный дом, где снимал крохотную комнату. Ему было двадцать шесть, ей — тридцать девять…

А утром последовали объяснение и разрыв с Петром Масловым.

Они с Санькой (как Шура называла нового возлюбленного) решили уехать в Берлин, но ей пришлось задержаться в Париже: прибыл муж, Владимир Коллонтай. Не читая, Шура подписала заготовленные его адвокатом документы о разводе, где всю вину брала на себя. Теперь бывший муж мог спокойно жениться на любимой женщине, с которой давно жил и которая любила их с Шурой сына Мишу.

Попав на дипломатическую работу, Александра Михайловна полностью преобразилась: она навсегда забыла кожаную комиссарскую тужурку, перестала пить водку, в ее манерах появились изысканность и аристократизм. Да и знание многих языков также было большим плюсом

Коллонтай писала позже, что, только начав жить с пролетарием, она стала лучше понимать жизнь и проблемы рабочих. Шляпников выполнял ответственные поручения Ленина, поэтому редко бывал дома. Когда же им удавалось подольше жить вместе, Шура замечала, что

друг начинает ее раздражать. Мужчина, который, при всей непритязательности, все-таки требовал минимального ухода и внимания, был обузой. Он мешал ей работать, писать статьи и тезисы лекций.

Мировая война застала Коллонтай с сыном Мишей в Германии. Они вместе отдыхали в это лето в курортном городке Коль-груб. Их арестовали, но через два дня выпустили, так как она была врагом того режима, с которым Германия вступила в войну. Шура отправила сына в Россию, а сама уехала в Швецию, где был в то время Шляпников. Но из Швеции ее выслали за революционную агитацию без права возвращения когда-либо. Выгнали навсегда.

Она остановилась в Норвегии. Наезжавший иногда Шляпников тяготил ее все больше, сказывались и долгая разлука с Россией, и бездеятельность. У нее началась депрессия, она писала о своем одиночестве и ненужности.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но в этот момент ее пригласили с лекциями в США, к тому же сам Ленин поручил ей перевести его книгу и попытаться издать в Штатах. Коллонтай выполнила его задание, да и лекции имели бешеный успех. Она объехала 123 города и в каждом прочитала по лекции, а то и по две.

С Марселем Боди

«Коллонтай покорила Америку!» — захлебывалась американская пресса.

Александра выписала к себе сына и устроила Мишу через своих знакомых на военные заводы США, что освободило его от призыва в действующую российскую армию. Со Шляпниковым она порвала все отношения и уже собиралась навсегда обосноваться в столь гостеприимной Америке, как мир взорвался

ошеломляющей новостью: русский царь отрекся от престола!

Ленин сам написал Коллонтай, чтобы она спешно возвращалась на Родину — ее уже избрали в исполком Петроградского Совета.

А потом события стали развиваться так стремительно, что, даже узнав о тяжелой болезни бывшего мужа, Александра едва нашла время его навестить. Но прийти на его похороны она не смогла: была целиком поглощена революционной работой.

Коллонтай принимала участие в заседании ЦК РСДРП (б) 23 октября 1917 года, принявшего решение о вооруженном восстании, была членом президиума Второго съезда Советов (25—26 октября 1917 года). После установления власти большевиков и левых эсеров она была избрана во ВЦИК и 30 октября лично от Ленина получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров. Коллонтай была единственной женщиной, попавшей в этот важный орган власти. Единственной — и последней на долгие годы. Только давняя подруга Елена Стасова и Варвара Яковлева стали кандидатами в члены ЦК. Остальные все — мужчины: Сталин, Свердлов, Ленин, Троцкий, Рыков, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Берзин, Бухарин…

Между прочим, именно по инициативе Александры Михайловны была максимально упрощена процедура развода. Теперь для расторжения брака необходимо было лишь заявление одной из сторон и небольшая пошлина в государственную казну. Вся процедура занимала минуты, а не годы, как в царской России.

В январе 1918 года, когда наркому понадобилось помещение под Дом инвалидов, Александра, ничтоже сумняшеся, с помощью отряда матросов предприняла попытку реквизировать Александро-Невскую лавру в Петрограде, что спровоцировало массовое сопротивление верующих; и реквизицию Лавры пришлось отложить.

В марте 1918 года, стоя на позициях, Коллонтай выступила против Брестского мирного договора и в знак протеста вышла из состава правительства. Во время Гражданской войны она была направлена на Украину, где возглавила наркомат агитации и пропаганды Крымской советской республики, а также политический отдел Крымской армии.

Газеты следили за каждым ее шагом, называя ее «Валькирией революции». Про ее вдохновенные речи на митингах складывались легенды. Толпа всюду встречала ее восторженными криками. Ее ошеломительный ораторский успех побудил Ленина доверить ей самое трудное: воздействовать на матросов, которые совершенно не поддавались большевистской агитации, и Коллонтай отправилась на военные корабли.

Ее встретил председатель Центробалта матрос Павел Дыбенко, богатырь и бородач с ясными глаза-

ми, который на руках перенес Шуру с трапа на катер. С этого дня он сопровождал ее во всех поездках, но роман развивался довольно медленно. Дыбенко был выходцем из неграмотной крестьянской семьи, он отличался лихостью, буйным темпераментом и импульсивностью и был на семнадцать лет моложе своей «Валькирии». Коллонтай колебалась, а Дыбенко твердо шел к намеченной цели. (Кстати, именно Павел Ефимович возглавил первые отряды Красной армии. Он выступил против немецких оккупантов и наголову разбил их полчища под Нарвой. С тех славных времен вся страна и празднует 23 февраля — День советской армии и военно-морского флота).

Красивая сказка, безумная, страстная любовь… Они сочетались официальным браком. Эта запись является первой в книге актов гражданского состояния молодого государства рабочих и крестьян.

«Я не намеревалась легализовать наши отношения, но аргументы Павла — если мы поженимся, то до последнего вздоха будем вместе — поколебали меня, — писала Коллонтай. — Важен был и моральный престиж народных комиссаров. Гражданский брак положил бы конец всем перешептываниям и улыбкам за нашими спинами…»

Молва о пылкой любви «Валькирии революции» со знаменитым вождем балтийских матросов дошла едва ли не до каждого российского гражданина. «Это человек, в котором преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия, — писала Коллонтай про Дыбенко. — В нем, в его страстно нежной ласке нет ни одного ранящего, оскорбляющего женщину штриха… Дыбенко несомненный самородок, но нельзя этих буйных людей сразу делать наркомами, давать им такую власть… У них кружится голова».

Очень разумно написано, но голова, прежде всего, закружилась у нее самой. И, несмотря на все намерения порвать с Павлом, она продолжала с ним встречаться, хотя Дыбенко переводили из одной части в другую, а Коллонтай вернулась к своей работе в женотделе ЦК и женской секции Коминтерна заместителем Инессы Арманд, а после ее внезапной смерти — руководителем.

Коллонтай призывала не только к социальному раскрепощению женщины, но и утверждала ее право на свободный выбор в любви. Об этом она писала в своих беллетристических произведениях — сборнике «Любовь пчел трудовых» и повести «Большая любовь».

Но строители нового общества не должны были растрачивать свою энергию на сексуальные забавы. Все силы трудящихся направлялись на строительство нового государства. А любить полагалось не женщин, а большевистскую партию, ее

вождей, так что все реформаторские идеи Александры Коллонтай увяли на корню, закончилась ее работа и на женском фронте.

Люто ненавидевший ее Зиновьев упросил Сталина отправить Александру в Норвегию, по сути, в почетную ссылку.

Попав на дипломатическую работу, Александра Михайловна поразительно преобразилась. Она «потушила» свой пламенный революционный взор, навсегда забыла кожаную комиссарскую тужурку и перестала пить водку стаканами. В ее манерах появились изысканность и аристократизм. Внешний образ удачно дополнил тщательно подобранный гардероб. Знание многих языков также было большим плюсом. А в сочетании с незаурядным умом все это делало Коллонтай респектабельной дамой и прекрасным собеседником.

С 1923 по 1930 годы она работала советским полпредом и торгпредом в Норвегии, во многом поспособствовав политическому признанию этой страной СССР. В 1926—1927-м некоторое время работала в Мексике, где также добилась определенных успехов в улучшении советско-мексиканских отношений. Но ей не подошел климат, и она вернулась в знакомую Скандинавию, где к представительству в Норвегии добавилось исполнение отдельных поручений в торговом представительстве в Швеции.

В 1923 году Александра в последний раз увиделась с Дыбенко, к которому давно уже охладела и с которым, естественно, развелась по ею же упрощенной процедуре. Бывший муж неожиданно приехал в Норвегию — попытаться восстановить семью. Но Павел Ефимо-

вич вернулся в Россию ни с чем, и больше они никогда не виделись.

В Норвегии ее другом, помощником и советником стал Марсель Боди, французский коммунист, секретарь советской миссии. Очевидно, он и был последней любовью Александры Коллонтай. В нем присутствовали европейский лоск и почтительность, и он был на двадцать один год младше своей подруги.

процесса не последовало, дипломатов «убирали» тихо.

А Коллонтай уцелела, скорее всего, потому, что практически руководила всей политической работой в Скандинавии, и ее деятельность имела огромное значение для СССР. Замену ей найти было, мягко говоря, проблематично. Сталин без Александры Михайловны оказался бы как без рук в северных странах Европы.

Одной из важнейших задач, стоявших перед новым советским послом в Швеции, была нейтрализация влияния гитлеровской Германии в Скандинавии. Коллонтай взяла на себя роль посредника в переговорах о выходе Финляндии из войны, что значительно ускорило победу советских войск. В 1945 году Александра Михайловна вернулась на родину и продолжала работать, выполняя функции советника при МИДе. В доме на Калужской допоздна горел свет…

Наконец-то капризная судьба «повернулась лицом» к Александре Михайловне — она получила тихое, спокойное женское счастье. Но… через несколько лет Марсель разочаровался в партии большевиков и уехал во Францию. Коллонтай мгновенно оборвала с ним все связи — времена наступали суровые. В Москве расстреляли сначала Шляпникова, потом — Дыбенко. В России свирепствовал террор. Письма друзей были полны уныния.

«Жить — жутко», — писала Коллонтай. Готовилось дело об «изменниках-дипломатах», в этом списке была и ее фамилия. Но громкого

С апреля 1930 года Коллонтай — полпред в Швеции. Ее встретили очень настороженно, но, тем не менее, шведы закрыли глаза на собственный указ от 1914 года о высылке госпожи Коллонтай из страны. Посол Советского Союза сумела доказать шведам, что ныне она уже не пламенная революционерка, а вполне респектабельный дипломат.

30 октября 1930 года при вручении верительных грамот Александра Михайловна обворожила старого шведского короля Густава V, а газетчики, все как один, отметили броский туалет советского посла: русские кружева на бархатном платье.

Муза Канивез, жена Федора Раскольникова, вспоминала о встрече с Коллонтай: «В то утро в Стокгольме я увидела ее впервые. Передо мной стояла невысокая, уже немолодая, начинающая полнеть женщина, но какие живые и умные глаза!.. Во время обеда Коллонтай пожаловалась: «Во всем мире пишут о моих туалетах, жемчугах и бриллиантах и почему-то особенно о моих манто из шиншилл. Посмотрите, одно из них сейчас на мне». И мы увидели довольно поношенное котиковое манто, какое можно было принять за шиншиллу только при большом воображении...»

Одной из важнейших задач, стоящих перед новым советским послом в Швеции, была нейтрализация влияния гитлеровской Германии в Скандинавии. Когда в ходе «зимней» советско-финской войны Швеция, поддерживаемая Великобританией, отправила в Финляндию два батальона добровольцев и стояла на грани открытого вступления в войну против СССР, Коллонтай добилась от шведов смягчения их позиции и посредничества в советско-финских переговорах.

В 1944 году в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла в Швеции она вновь взяла на себя роль посредника в переговорах о выходе Финляндии из войны. Это значительно ускорило победу советских войск в войне с фашистской Германией. Вообще в Швеции Александра Михайловна работала до изнеможения — и организм не выдержал напряжения: в год великих побед у нее случился инсульт. Была парализована левая половина тела, и о дипломатической работе больше не могло быть и речи.

Ради исторической правды нельзя не сказать, что, находясь на высоких дипломатических постах, Коллонтай полностью и безоговорочно поддерживала тот политический курс, который проводил Сталин и его окружение. Ярким примером тому могут служить хотя бы те же публичные заявления бывшей генеральской дочери и жены, что в Советском Союзе нет такого понятия, как военнопленные. Солдаты и офицеры рабоче-крестьянской Красной армии классовым врагам в плен не сдаются. Плен расценивается как измена Родине, а изменники заслуживают только расстрела.

В марте 1945 года Молотов сообщил телеграммой в Швецию, что за послом прилетит специальный самолет. Во Внуково ее встретил внук Владимир и отвез в новую просторную квартиру на Малой Калужской улице.

Вернувшись на родину, Коллонтай продолжала работать и выполняла функции советника в МИДе. В доме на Калужской допоздна горел свет.

Она писала: «Мой отдых вечером — книги по истории, монография или исследование античного мира. Факты, факты, я по ним де-

лаю свои выводы о прошлом и будущем человечестве... В мире очень тревожно...»

Александра Михайловна покинула этот мир 9 марта 1952 года, не дожив нескольких дней до своего восьмидесятилетия. В своем дневнике незадолго до смерти она написала: «Я любила жизнь и очень хотела быть счастливой».

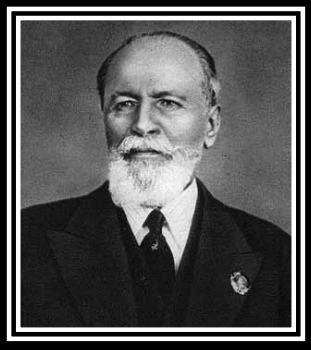
Похоронили ее на Новодевичьем кладбище.

Кстати, дневники она вела всю свою жизнь — от девичества и до смерти. В одни записывала свои мысли, в другие хронологию событий, в третьи заносила характеристики на товарищей по партии и на политических оппонентов. Так что весь ее судьбоносный путь как на ладони.

К этой женщине все относятся по-разному. Но в любом случае она заслуживает уважения своей целеустремленностью и преданностью идее всеобщего равенства и братства, как бы смешно и наивно это ни казалось людям двадцать первого века.

Поправьте меня, если я ошибаюсь. ❑

Евгения Гордиенко



Немирович-Данченко.
Не второй, а сам по себе.

В «Театральном романе» Булгакова персонаж по имени Аристарх Платонович, прототипом которого, по общему мнению, был Владимир Иванович Немирович-Данченко, то и дело шлет приветы «из Индии» и ни разу не появляется во плоти. Перо Михаила Афанасьевича, конечно, было исполнено неприязнью, которую автор испытывал к театру как таковому. И реальность, безусловно, была хоть и ничуть не менее яркой, но все же иной.

Начать хочется с того, что В.И. Немирович-Данченко не был составной частью конгломерата «К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко», а был совершенно отдельной, полноценной и весьма интересной личностью. Но история сама выбирает, что запомнить, поэтому наш сегодняшний герой, увы, часто довольствуется этим самым дополнением после «и».

Однако же жизнь его была ничуть не менее увлекательной, чем жизнь бывшего купца Алексеева, ставшего режиссером Станиславским.

Будущий соавтор МХАТа родился 11 декабря 1858 года в местечке Озургеты, в семье служившего на Кавказе подполковника Императорской армии, дворянина из Черниговской губернии Ивана Немировича-Данченко и его жены Александры Ягубян. Род отца вел свое начало от войскового товарища Данилы Немировича, польского дворянина, поддержавшего Богдана Хмельницкого и получившего от него дворянство. Мать, Александра Каспаровна Ягубян, была родом из Армении. И именно от нее сын унаследовал страсть к театру.

Когда мальчику было всего пять лет, отца не стало. Семья перебралась в Тифлис, где Володю определили в Тифлисскую гимназию. Уже тогда, в раннем детстве, у него появилась любовь к сцене. Рядом с домом

работал летний театр, где мальчик и посмотрел первые спектакли. Уже в четвертом классе он сочинил две пьесы и планировал связать свое будущее с драматургией.

Окончив гимназию, Владимир отправился в Москву и поступил в университет на физико-математический факультет. Затем перешел на юридический, но все же понимал, что это — не его стезя. Через три года он ушел из университета и стал работать литературным критиком в «Русской газете», «Будильнике», «Русском курьере», не забывая при этом писать пьесы. Основным посылом его театральной критики (к которой он перешел после литературной) было выступление против засилья штампов, условностей, излишней сентиментальности, процветавших на русской театральной сцене того времени.

Его первая же пьеса — «Шиповник» — была принята к постановке в Малом театре. Позднее появились произведения «На литературных хлебах», повести и романы, которые ставили в столичных и региональных театрах: «Мгла», «Старый дом», «Губернаторская ревизия», «Последняя воля», «Золото», «В мечтах», «Цена жизни» и «Новое дело». За последние две пьесы автору присудили Грибоедовскую премию.

Таким образом, к началу 1890-х годов Владимира Ивановича Немировича-Данченко знали как известного драматурга, критика и преподавателя: с 1891 года он работал на драматическом отделении Московского филармонического училища (сегодня ГИТИС). Его учениками были Иван Москвин, Ольга Книппер, Всеволод Мейерхольд — будущий костяк МХАТа.

Студентов своих он учил «видеть драматизм в окружающей жизни». Но при этом считал, что «сцена отстала от литературы на десятки лет» и вынашивал идеи о реформации театра как такового. Планы его напоминали идеи Александра Островского, который развивал русский национальный театр в середине XIX века.

Одним из основных постулатов Немировича-Данченко было, что «театр должен быть воплощением духовной жизни человека, кафедрой народного воспитания». В этом он совпадал со своим будущим партнером по образованию театра нового типа — Константином Станиславским.

В 1897 году Владимир Иванович передал Станиславскому свою визитную карточку с несколькими написанными на ней фразами: «Я буду в час в «Славянском базаре» — не увидимся ли? Или известите по прилагаемому адресу, когда и где». Они встретились за обедом и проговорили до следующего завтрака — целых 18 часов. Обсудили и бытовые нюансы, и глобальные реформы. Как признал Станиславский, когда зашел вопрос о литературе, он сразу почувствовал превосходство Немировича-Данченко над собой.

К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко

Также подробно обсудили все детали, механизмы и принципы будущего театра, особо отметив в протоколе: «Мы создаем НАРОДНЫЙ театр...» И он должен был радикально отличаться от государственных императорских театров. Владимир Иванович писал: «Они там понимают, что мы выступаем на борьбу с рутиной, шаблоном, признанными гениями и т.п.» По итогам встречи Станиславский получил постановочно-режиссерское право вето, а Немирович-Данченко — литературное. До выпуска первого спектакля — «Царь Федор Иоаннович» по пьесе Алексея Толстого — оставалось чуть больше года.

Почему-то у потомков сложилось мнение, что Немирович-Данченко занимался административной частью работы театра, а Станиславский — художественной. Этим фактом первый соучредитель был, разумеется, недоволен. В одном из писем Константину Сергеевичу Владимир Иванович писал о ком-то: «Этот человек смотрит совершенно определенно на меня как на ломовую лошадь, на Вас — как на вдохновенного гения».

И все же, несмотря на то, что ему приходилось заботиться в МХТ о финансировании и планировании, афишах, форме капельдинеров, выпуске абонементов и других вопросах, литературной частью заведовал именно он.

Именно Немирович-Данченко в 1896 году прочитал чеховскую «Чайку». После чего самокритично отме-

тил: «Чехов — это талантливый я» и отказался от Грибоедовской премии за свою пьесу «Цена жизни» в пользу Антона Павловича.

Он смог убедить Чехова отдать «Чайку» в постановку МХТ, несмотря на то, что пьеса полностью провалилась в Александринском театре. Драматург сомневался, но Владимир Иванович смог его убедить. И «Чайка» на десятилетия стала символом МХТ.

Роль Ирины Аркадиной исполнила бывшая студентка режиссера — Ольга Книппер, впоследствии ставшая женой Чехова. После премьеры автор подарил Немировичу-Данченко золотой брелок в виде книги с гравировкой «Ты дал моей «Чайке» жизнь. Спасибо!»

В МХТ выходили спектакли по всем чеховским пьесам: «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», «Иванов».

До революции театр просуществовал почти 20 лет, после чего вполне органично вписался в новую действительность. В репертуаре появились пьесы молодых современных драматургов: Всеволода Иванова, Александра Афиногенова, Александра Корнейчука, Николая Погодина, Леонида Леонова.

В 1919 году Немирович-Данченко основал музыкальную студию при театре (сегодня это Московский музыкальный театр имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко). Здесь он мог работать не только с классическими пьесами, но и ставить оперетты. Так, он поставил «Дочь Анго» Шарля Лекока и «мелодраму-буфф» «Перикола» Жака Оффенбаха.

В 1925 году студия поехала с гастролями в Европу и Америку. Незадолго до этого в аналогичной поездке была и основная труппа МХТ. Немировичу-Данченко после этого предложили поработать в Голливуде, и он согласился. Там он встречался с американскими звездами, работал над сценариями и даже заключил контракт с кинокомпанией United Artists Entertainment LLC. Но, в итоге, не воплотил в жизнь ни одного проекта. Сам он говорил так: «Творить можно только в России, продавать в Америке, а отдыхать в Европе».

Трудно сказать, что так впечатлило голливудских деятелей, пригласивших Владимира-Ивановича на «фабрику грез». Возможно, это был спектакль «Пугачевщина», поставленный на сцене МХТ по драме Константина Тренева. Именно с этой пьесой произошел «забавный» эпизод. В Голливуде не понравился финал пьесы — зачем, в самом деле, русская царица Екатерина казнила Пугачева? Не лучше ли будет, если они встретятся, влюбятся и поженятся, предложили мастера хеппи-эндов. Однако Немирович-Данченко такую идею вежливо отклонил.

К концу 20-х годов из-за состояния здоровья Константин Сергеевич уже почти оставил организационную работу. Практически все легло

на плечи Владимира Ивановича. В эти годы он поставил «Любовь Яровую» того же Тренева, «Анну Каренину», «Врагов» Горького, «Три сестры» Чехова и даже «Антония и Клеопатру» Шекспира.

О нем самом же на протяжении почти 50 лет заботилась его жена — Екатерина Николаевна, в девичестве Корф, по первому мужу — Бантыш. Они поженились еще в августе 1886 года. Первое замужество Екатерины было неудачным, но второе оказалось прочным и долговечным. Она старалась дать супругу возможность не думать о быте, заниматься тем, что было ему по-настоящему интересно, — театром.

В театральных кругах Владимир Иванович также был известен как «двадцать два несчастья». С ним постоянно что-то происходило. Дунул в портсигар и запорошил себе глаза. Элегантно присел на край режиссерского стола — и крышка стола перевернулась, на режиссера поле-

Памятник К.С. Станиславскому и В.И. Немировичу-Данченко в Камергерском переулке в Москве

Владимир Иванович Немирович-Данченко

тели графин, чернила и лампа. Споткнулся о чью-то ногу и растянулся в проходе между креслами в партере.

Однажды извозчичья пролетка, на которой он ехал, задела колесом столб и резко качнулась. Величаво сидевший в ней Владимир Иванович подскочил, ткнулся носом в спину извозчика и уронил под колеса свой знаменитый цилиндр. Наблюдавшая все это труппа во весь голос хохотала.

Во время одной из репетиций на Немировиче-Данченко загорелся костюм. Он сделал замечание одной из актрис, после чего возникла пауза. Ее прервал вопль Владимира Ивановича. Он вылетел из-за режиссерского стола в проход, начал с криками кружиться вокруг своей оси и бить себя ладонями по бедрам и груди, потом сорвал пиджак и стал топтать его ногами. Оказалось, что спички загорелись у него в кармане и прожгли большие дыры в брюках и пиджаке.

Из-за этой его неуклюжести не состоялось примирение двух основателей МХТ. В какой-то момент Станиславский и Немирович-Дан-

ченко поссорились, но труппа решила помирить их. Оба мастера согласились: им самим давно надоела затянувшаяся ссора. В назначенный день труппа выстроилась, заиграла музыка, Немирович-Данченко и Станиславский двинулись из-за кулис навстречу друг другу. Но Станиславский был выше ростом и дошел до центра быстрее. Немирович-Данченко заторопился, зацепился ногой за ковер и упал прямо к ногам соратника. Станиславский поглядел на него, развел руками и произнес: «Ну-у... Зачем же уж так-то?..»

Однако, несмотря на формальную ссору, они помогали друг другу. Так, Владимир Иванович любил играть и часто попадал в долги. В начале 30-х годов, уже после ссоры со Станиславским, Немирович-Данченко работал в Театре Татьяны Павловой в Италии. Весь полученный гонорар он тут же проиграл в карты. Узнав от посторонних людей о его бедственном положении, Константин Сергеевич, который в это самое время жил в Ницце и получил гонорар за новую книгу, выплатил долг старого друга.

С 1940 года Владимир Немирович-Данченко председательствовал в комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусств. В 1942 и 1943 годах он и сам получил две Сталинские премии: за спектакль «Кремлевские куранты» и за многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы.

С началом войны руководитель МХТ переехал в Нальчик, а затем в Тбилиси, но уже следующей осенью вернулся в Москву. В это время у него родилась идея создания при театре школы-студии. Эта идея фактически стала его напутствием новым поколениям мхатовцев.

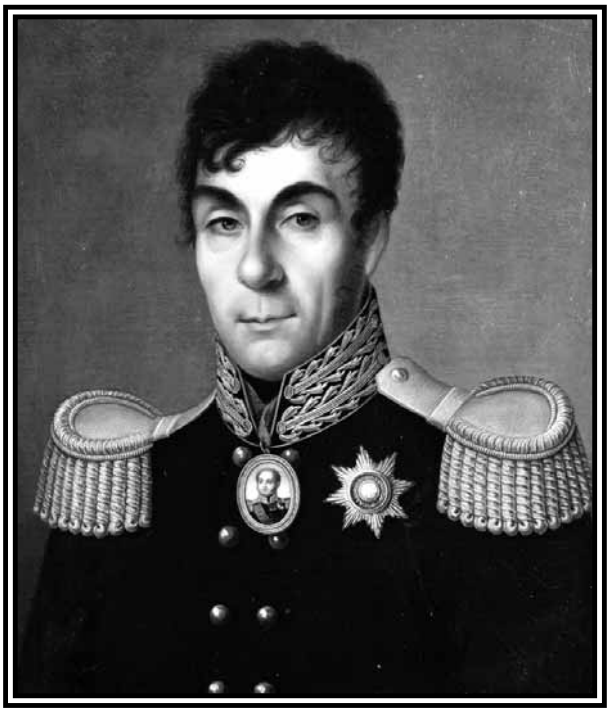
25 апреля 1943 года Владимир Иванович, по обыкновению, работал: планировал репертуар на будущий сезон и писал мемуары. Это был последний день его жизни — 85-летний Немирович-Данченко скончался от сердечного приступа.

На следующий день после его смерти вышло специальное постановление Совнаркома об увековечивании памяти театрального деятеля, в котором среди прочего был пункт о создании Школы-студии имени В.И. Немировича-Данченко при МХАТе.

Уже в наши дни на Новой Сцене МХАТа был поставлен спектакль «Семь жизней», автором которого был Немирович-Данченко. Как сообщал сам театр, эта Литературно-музыкальная композиция, посвященная жизни и судьбе одного из основателей Художественного театра, была поставлена его внуком Василием Немировичем-Данченко и его женой, доцентом кафедры фортепиано МГУК, Анжеликой Немирович-Данченко. Реальные факты биографии Владимира Ивановича Немировича-Данченко были воссозданы на основе писем самого Владимира Ивановича, Константина Сергеевича Станиславского, Антона Павловича Чехова и Максима Горького, а также уникальных документов, до недавнего времени не известных широкой публике. ❑

Александр Ралот

Без лести предан



«В октябре 5 числа усадища Гарусова у помещика Андрея Андреева сына Аракчеева сын Алексей».

Из записи в метрической книге «О рождающихся, 1769 года».

После реформ Алексея Андреевича Аракчеева русскую артиллерию прозвали «богом войны», систему организации «орудийной службы» даже после его кончины еще много лет называли «аракчеевской»…

Вторая половина восемнадцатого века. Маленькое поместье Гарусово (всего-то девятнадцать (!) душ крепостных) поручика, в отставке, Андрея Андреевича Аракчеева

— Алеша, скажу честно, — отец, строго, по-военному, посмотрел на сына, — кроме тебя в семье еще десяток детей имеется, но ты — наша опора и надежда. Вижу, что из тебя будет толк. А посему, с завтрашнего дня у тебя будет учитель, увы, не из города — должон понимать, денег у нас мало, почитай, совсем нет. Однако и наш сельский священник Павел Максимович (кстати, родной дед нашего Дмитрия Ивановича Менделеева) много чему научить тебя сможет. Познавай науку прилежно, от занятий не отлынивай, ибо планирую я по достижении тобой нужных лет отправить тебя во вторую столицу, дабы там ты выучился на чиновника, и далее делал карьеру по гражданской линии, ибо с армией в нашем роду как-то не ладится. Я вот, к примеру, даже до капитанского чина не удосужился дослужиться.

Увы, желанию отца не дано было сбыться. И виной тому не успеваемость Алексея — мальчик учился хорошо и науки познавал с завидным упрямством.

Так уж вышло, что однажды семейство Аракчеевых отправилось в гости к соседскому помещику, капитану в отставке, и тот познакомил Алексея со своими отпрысками — кадетами военного училища.

До поздней ночи Алеша с упоением слушал рассказы мальчишек о стрельбе из самых настоящих пушек, о чистке ружей и о сложнейшей военной науке.

После возвращения домой сын заявил родителям, что ни по какой гражданской линии он не пойдет, и, во что бы то ни стало, будет офицером.

Из воспоминаний А.А. Аракчеева: «Мне казались они какими-то особенными, высшими существами. Я не отходил от них ни на шаг».

1783 год. Алексею исполнилось четырнадцать лет

К чести отца, он переубеждать сына не стал и отправился вместе с ним на долгих лошадях в Санкт-Петербург — подавать документы в тамошний кадетский корпус.

Решения о зачислении ждали… полгода! Из дома денег не присылали совсем, так что отец с сыном фактически нищенствовали.

Окончательно отчаявшись, в один судьбоносный день младший Аракчеев подкараулил директора «Соединенной артиллерийской и инженерной дворянской школы» Петра Ивановича Мелиссино и бросился к нему в ноги со словами:

— Ваше превосходительство, нет больше сил дожидаться приказа о зачислении. Еще в январе все бумаги, как полагается, подали, а нынче на дворе уже июль. Дабы сюда добраться, четырех коровушек продали. Верите, даже три рубли у самого митрополита выклянчили. Нынче же денег на проживание нет совсем, остается только лишь одно, на паперть идти, Христа ради, милостыню просить! Иначе помрем с батюшкой с голоду.

Седовласый генерал с удивлением посмотрел на юношу, велел идти за собой и тотчас же велел издать приказ о зачислении.

(Уже будучи властным сановником, Аракчеев помнил ту историю, и никогда не уходил домой, оставляя на столе непрочитанные послания и накладывал резолюцию на каждое, будь то объемистый доклад или всего лишь записка в три слова).

Учеба Алексею давалась нелегко, но, помня, что назад в деревню ему дорога заказана, и обладая завидным упорством, он быстро освоил все мудреные науки и даже стал немного подрабатывать, обучая сыновей Салтыкова военному делу и фортификации.

А еще был назначен заведовать учебной библиотекой, из которой

его «стараниями» через некоторое время пропала вся литература кроме узконаправленной.

«Дабы сие прочитав — смуту не разводить!»

Успешного выпускника Аракчеева оставили в училище, приказав преподавать кадетам математику. Там же он написал свою первую научную работу «Краткие артиллерийские записки для наставления унтерофицеров».

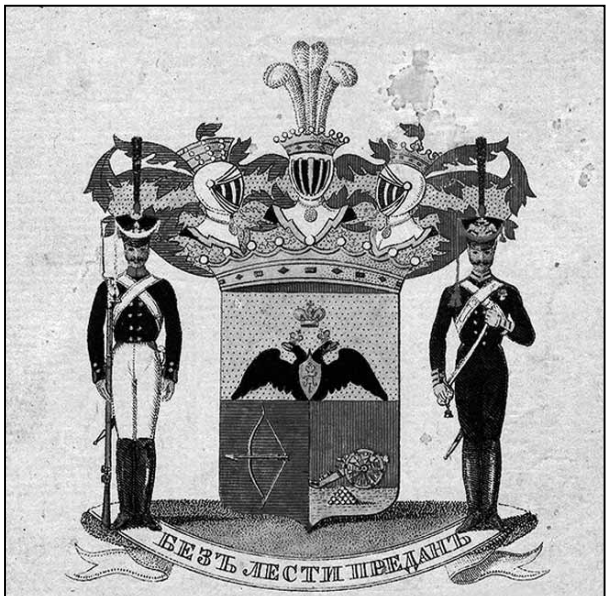
Но блестяще начатая карьера быстро оборвалась, так как выявились факты его жестокого обращения к своим подопечным. Выручил из беды граф Салтыков.

Однажды по требованию наследника престола Павла Петровича дать ему расторопного офицера он порекомендовал окончившего с отличием выпускника училища Алексея Аракчеева «как весьма знающего артиллерийское дело».

«Вступительный экзамен» принимал лично Павел. Будущему самодержцу понравились обстоятельные и четкие ответы молодого офицера, и тот был зачислен в штат свиты наследника престола.

Жилось во дворце молодому офицеру весьма несладко. Он даже спал, не раздеваясь, дабы в любой момент предстать перед наследником по всей форме экипированным.

Великий князь это заметил и оценил: назначил Аракчеева комендантом Гатчины, а затем поручил ему командование всеми своими сухопутными войсками.



Герб графа Аракчеева

1796 год. Зимний дворец. Кабинет императора Павла Первого

Самодержец расхаживал по комнате, теребя свой подбородок и о чем-то сосредоточенно думая. Наконец остановился у окна, кинул взгляд на площадь, полную людей, и, не оборачиваясь к стоящему по стойке смирно секретарю, начал диктовать:

«Первое — назначить комендантом столичного града.

Второе — присвоить звание майора гвардии Преображенского полка.

(По традиции звание полковника носил сам император).

Третье — наградить орденом Святой Анны I-й степени.

Четвертое — пожаловать оному лицу баронское достоинство.

Пятое — вдобавок к пункту три, наградить еще и орденом Святого Александра Невского.

И, наконец, шестое — подарить две тысячи крестьян и имение в любой губернии на его выбор.

Записал?! Клади на стол, я сейчас же сей документ подпишу».

— Но, Ваше Высочество, там не указана фамилия, кого именно …

— Как, кого?! — оборвал секретаря император, — мог бы и сам догадаться! Учителя моего сына Александра... Алексея Андреевича Аракчеева!

«По наружности Аракчеев похож на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного; так как он был очень сутловат и имел длинную, тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомию жил, мышц и т.п. Сверх того, он как-то судорожно морщил подбородок...»

(Из записок генерал-майора Николая Саблукова).

Когда император Александр I поручил Аракчееву организацию военных поселений, то тот довел это дело до полнейшего абсурда. За малейшие проступки виновных подвергали жестоким телесным наказаниям. В этих поселениях расходовались целые возы розог, а бедные поселенцы были вынуждены рабо-

тать с утра до вечера под пристальным надзором начальников.

Пушкин, который один из немногих не боялся Аракчеева, писал:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести
… Грошевой солдат…

Аракчеев был педант до мозга костей. Записывал буквально все, с чем ему приходилось иметь дело:

— Объявлено выговоров — двадцать два!

— Произведено: три вычета из жалования и два ареста.

— Исключение во флот — одно!

— Под суд отдан один(!) солдат, за побег!

Что касается фамильного герба, слова «Без лести предан» вписал сам Павел I. За то, что кроме крепостных крестьян Алексей Андреевич никаких материальных подарков не принимал. Более того, аккуратно извлек и передал в казну бриллианты из рамки портрета Александра I, который был ему торжественно вручен.

Многие могут задаться вопросом: если Аракчеев был такой честный и правильный, почему он не вызвал Пушкина на дуэль за эпиграмму на него, что было бы вполне обычным по тем временам?

Дело в том, что поэт зашифровал в последней строке своей эпиграммы имя не просто одной из женщин высшего света, а конкретно любовницы генерала — Настасьи Шумской. Эта девушка была крестьянкой, то есть из «подлого и бедного» сословия, а раньше подобные отношения не были позволительны никому! Даже людям из самого высокого круга. Эпиграмма действительно была более чем весомым поводом для дуэли, тем более что поэт нанес оскорбление не лично Алексею Андреевичу, а всему его роду, возведенному в графское достоинство. Подобные слова были равносильны пощечине. Но Пушкину несказанно повезло — оскорбленный им человек был педантом и поклонником воинского устава, который категорически запрещал поединки. Кроме того, Аракчеев был военным до мозга костей и умел стрелять без промаха, то есть у поэта против него не было ни одного шанса. А на банальное убийство генерал был явно неспособен…

В завершение этого небольшого экзерсиса хочется напомнить еще об одной цитате Пушкина. Узнав о смерти Аракчеева, поэт написал своей жене: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться». Читатель удивится: почему произошла такая метаморфоза? Скорее всего, потому, что первая эпиграмма была написана задиристым и заносчивым восемнадцатилетним юношей, а строчка из письма — повидавшим многое в этой жизни мужем… ❑

Светлана Леонтьева

В объятьях Альбрехта

Какое счастье — не любима,
какое счастье, что люблю:
струились крылья серафима
и окрыляли жизнь мою!
Какое счастье — предавали,
но счастье, что не предала,
и в грешном мире танцевали
ее безгрешные крыла!

Ольга Александровна Спесивцева слышала из окон клиники для душевнобольных похожую песенку, но на английском. Как она тут оказалась? Отчего ходила по вестибюлю вокзала кругами, отчего на нее обратил внимание полицейский и отвел ее в участок? Это была глубокая осень 1939 года, Нью-Йорк, день был душный, но не жаркий. Сам участок представлял из себя тесное помещение, пропахшее человеческим потом, мышами, свет был тусклый. Сержант привел в кабинет дежурного посетительницу. На вид ей было лет сорок, пятьдесят, выглядела она немного растерянной. «Неужели очередное предательство?» — думала Ольга. Она оказалась в незнакомом городе без денег, без знания языка. Ее глаза были полны ужаса — что делать, как ей дальше жить? Особенно сейчас, после развода с Борисом Князевым, с которым балерина прожила очень недолго, ибо постоянно впадала в истерики, и все попытки мужа сделать Ольгу счастливой оканчивались провалом. Даже открытие специально для Спесивцевой балетной школы обернулось провалом!

В Америке Ольгу называли Спесиффцева. И она подумала — вот

удача! Вот она, моя «синяя птица»! И согласилась на уговоры влюбленного в нее агента Брауна. Почему бы и нет? Сцена звала, тот самый Альбрехт мерещился во снах. И она — порхающая, легкая на главной сцене Нью-Йорка, одна из лучших Жизелей мира! Она танцует этот мир! В такт: И раз-два-три. И раз-два-три…

Но Браун не дождался своей Жизели, он скончался от сердечного приступа прямо на улице. А Ольга, совершенно потрясенная, растерянная, оставшаяся одна в чужой стране, без единого доллара в кармане, просто неожиданно потеряла рассудок и память. В 1943 году она была госпитализирована в психиатрическую клинику.

Больше 20 лет провела выдающаяся балерина в клинике, пока ее не нашел Дейл Эдвард Ферн, художник, который влюбился в ее портрет. Он много раз брался за кисть и писал портрет балерины. И он видел, как она словно стремится к нему сквозь пространство неистовой Жизелью. Дейл десять лет навещал балерину, привозил ей нехитрые гостинцы, следил за тем, как продвигается лечение Ольги Александровны, и пытался вывести женщину из душевной замкнутости.

Но вернемся в 1939 год. В тот самый полицейский участок в Нью-Йорке.

— Кто вы, мэм? Ваше имя? — Сержант открыл журнал, чтобы внести запись.

Ольга молчала.

— Ваше имя? Где проживаете? Род занятий? Отвечайте, мэм.

Было видно, что женщина немного не в своем уме. Ее тонкие руки подрагивали. Платочек на шее съехал и сидел криво на груди. Ноги были обуты в красивые, изящные туфельки. Темного цвета волосы слиплись от духоты и жары, на лбу выступал пот…

— Да она, наверное, не в своем уме, и она, кажется, иностранка, — подумал сержант…

Ольгу Спесивцеву называли одной из невероятных балерин XX века, ее ставили в один ряд с Анной Павловой. У нее был сложный характер. Ибо она и Спящая красавица, и Жизель, и Китри, и Никия в Баядерке, и одновременно — хрупкая русская девушка из бедной семьи.

Профессор хореографии П.А. Гусев вспоминал:

«Я работал со Спесивцевой с 1921 по 1924 год и видел ее во всех ролях. Это была красавица, идеальная по форме, изумительно соблазнительная, при этом оставаясь чуть холодноватой. Все, что она делала, было невероятно красиво, но особенно идеальными были руки. Помню выход балерины в «Баядерке». Она выходила на сцену, закрытая покрывалом, в полной тишине, шла к брамину, кланялась ему, опускалась на колени, он снимал покрывало... И тут начиналось что-то невероятное. Зал гремел! Она буквально завораживала его. Но особенно

хороша была Ольга Александровна в сцене «Теней». Неземная красавица. Что же касается Китри — то, кажется, лучше станцевать нельзя. Но при этом — все же холодна. То же и в «Пахите». В коде, когда она начинала делать комбинации с rond de jambe en l'air в зале стоял стон — так безукоризненно, филигранно исполняла она это движение. Агриппина Яковлевна Ваганова и Федор Васильевич Лопухов всегда всем балеринам как пример приводили танец Спесивцевой.

Ольгу Спесивцеву называли одной из невероятных балерин XX века, ее ставили в один ряд с Анной Павловой. При этом, у нее был очень сложный характер. Но это понятно: ведь она перевоплощалась и в Спящую красавицу, и в Жизель, и в Китри, и в Никию в «Баядерке», но, одновременно с этим, была хрупкой русской девушкой из бедной семьи… Когда ее спрашивали: «Ольга, где бы вы хотели жить?» — она всегда отвечала: «Я хотела бы жить в России, ибо я — русская Жизель!..

В 1919 году Ольга Александровна получила звание балерины. К ее репертуару прибавились «Корсар», «Баядерка» и одна из лучших ее ролей — Эсмеральда…»

Зал рукоплескал ей, требовал, чтобы Спесивцева продолжала радовать их своими танцами… Но здоровье ее не выдерживало тяжелой нагрузки, а бытовая жизнь в послереволюционном Петрограде была тяжелой, полуголодной, помещение театра плохо отапливалось. У Ольги открылся туберкулез легких, а это требовало лечения и отдыха. Но к маю 1921 года Спесивцева снова вернулась к работе и исполнила на сцене Никию.

Красавица Ольга — невероятная, почти неземная, народ, видя ее танец, плакал, заливались слезами даже самые искушенные зрители…

После революции Ольга попала в череду скандалов: ее называли «Красной Жизелью». Ее муж Борис Каплун, управляющий делами Петроградского Совета, слыл большим любителем искусств и балета. Но о нем говорили, как о «кровавом Каплуне». Он лично участвовал в расстрелах не лояльных революции людей.

В 1926 году Спесивцева приняла приглашение Сергея Дягилева, который ориентировал репертуар своей труппы на классику специально для редкостного дарования романтичной Спесивцевой. А через год она уже была на гастролях в Италии, где танцевала «Жар-птицу», «Лебединое озеро», «Свадьбу Авроры». А Жорж Баланчин специально для нее поставил балет «Кошка» на музыку Соге.

Спектакль имел огромный успех.

Война надвигалась на Европу, и это заставило Спесивцеву вместе с ее спутником и преданным поклонником мистером Брауном уехать в Америку, хотя самым большим ее желанием в то время было вернуться в Россию. Однако Браун был против этого, он даже отказывался вернуть ей советский паспорт, и после тяжелой сцены объяснения с ним Ольга Александровна оказалась в стенах платной психиатрической больницы. Спустя месяц мистер Браун скончался, а великая балерина разом потеряла все, что нужно было для жизни за границей: гражданского мужа, поклонника Брауна, средства к существованию и хоть какую-нибудь маломальскую крышу над головой… Оставшуюся без средств Спесивцеву перевели в бесплатную психиатрическую клинику…

Прошло 22 года… Из клиники ее забрал бывший партнер Антон Долин, поместив ее в дом для престарелых.

Но, к сожалению, вернуться в Россию не представлялось возможности… Марис Лиепа, посетивший Ольгу Спесивцеву в Америке, оставил воспоминание об этой встрече…

«…с гладкой, балетной прической женщина, с широко раскрытыми возбужденными глазами. Она поздоровалась, расцеловала нас всех по очереди, сказала, что все утро ужасно волновалась, когда узнала, что в гости к ней едут Уланова и Долин... Она сказала, что неважно себя чувствует, потому что приближается Пасха, а великий пост чрезвычайно ослабил ее, и, когда мы преподнесли ей розы, она растрогалась и расплакалась безутешно, и мы невольно почувствовали себя так, словно совершили бестактность...»

Судьба Спесивцевой — это серия предательств по отношению к ней.

Судьба балерины — это уникальная возможность природного таланта. Не наносного, а истинного. Уникальность — в душевных качествах, в любви к танцу, к искусству. Истинная, безотказная, неистовая любовь. И талант был истинный, божественный, ибо Богом данный.

Есть письма Ольги к сестре Зинаиде: они очень трогательны и трагедийны. Сестра хлопотала, чтобы Ольга вернулась в Россию, но тогда эти прошения просто не рассматривались. И лишь хлопоты фонда Льва Толстого, организованные дочерью писателя Александрой Толстой для одиноких соотечественников, помогли Ольге Александровне не умереть в изгнании, обрести маломальский покой и равновесие…

Но вернемся к началу.

Итак, в семье провинциального актера Спесивцева родилась девочка, будущая «Жизель». Ей было шесть лет, когда она осиротела и оказалась в приюте.

Затем, достигнув определенного возраста, она поступила в Петербургское театральное училище, а, окончив его, была зачислена в императорскую балетную труппу и успешно дебютировала на сцене Мариинского театра в «Раймонде».

Вокруг Ольги Спесивцевой было множество поклонников, ей посвящали стихи: Мандельштам, Михаил Кузьмин, ею восхищались, ее боготворили, но никто не мог дать Ольге счастья.

Каким же горьким оказалось разочарование, когда она узнала, что Серж Лифарь любит вовсе не ее. Услышав отказ любимого, она тут же решила выброситься из окна… Лифарь вместе с пианистом Леонидом Гончаровым едва успели остановить Ольгу, которая уже зависла над площадью, над каменным городом.

Это были первые признаки душевной болезни, которая все больше усугублялась, и она оказалась в клинике. Лечение в клиниках в то время было однообразным — раньше такие душевные расстройства не умели исцелять. И лишь по провидению в 1963 году память и рассудок вернулись к балерине, но на сцену она, конечно, вернуться уже совсем не смогла. Последние 28 лет жизни бывшая прима провела в пансионе, организованном младшей дочерью Льва Толстого для одиноких соотечественников неподалеку от Нью-Йорка.

Она стала той самой безумной Жизелью. И не только на сцене, но и в жизни. Ибо как можно было жить без своего влюбленного и придуманного ею Альбрехта? На сцене он любил ее. А в жизни — нет.

Как-то на вопрос: «Ольга, где бы вы хотели жить?» — она ответила:

— Везде плохо. Я хотела бы жить там… в России, ибо я русская Жизель.

…я русская. Я не хочу быть американкой. Хочу услышать звон русских колоколов».

И, наконец, она выздоровела. Окончательно. И вспомнила все, даже 1916 год. Вспомнила Сержа своего… не полюбившего ее. Так была разбужена «Спящая красавица». Она могла еще делать арабеск! Могла станцевать.

Увы, возвращение в Россию станцевать у нее не получилось. Помогающие ей люди не смогли вернуть «красную Жизель» на родину…

Кукушка накуковала ей долгих 93 года, которые проходили в лесах на Толстовской даче..

Она ничего не требовала, не просила. Ничего — кроме России. Она хотела лишь быть с родиной…

В православной церкви Ольга Александровна долго молилась. О чем просила она? Скорее всего, о том, чтобы простить всех предавших ее. А еще молилась за всех, кто учился у нее балету. Танцам. Невероятно странным и, одновременно, гармоничным движениям рук. Более никто не смог повторить эти лебяжьи, полуптичьи, получеловеческие взмахи ладоней, кистей, запястий.

— Ах, Зинка, старость — не радость… — так писала Ольга Александровна в своих письмах к сестре. — А у вас что?..

А у нас — Россия! У нас театры. Балет. И… воспоминания о великой балерине XX века…

О, как она танцевала! Какое изящество говорящих рук!

Рук, рассказывающих и завораживающих своим танцем!

Эти руки пахнут ладаном…

Эти руки пахнут движением и жизнью…

Эти руки пахнут Россией! Отчизной!

И она «станцевала» смерть свою в 1991 году… ❑

Анатолий Сахоненко

Воронье небо

Когда родился мальчик, он подумал: «Ура, Сын! Будет интересно! И никаких кукол!» Отцовскую радость омрачило только то, что мать новорожденного не перенесла роды. Что-то там с сердцем, порок или еще что... «Ну, у нас-то с сердцем все хорошо, мужское, сильное! Вон, какой красавец», — быстро нашел себе утешение отец.

Планов было много! Сын должен был стать настоящим мужчиной: научиться владеть оружием, водить машину, зарабатывать деньги и уметь постоять за себя, несмотря ни на что. Все шло своим чередом. В шесть лет первая драка с соседским мальчишкой — вероятно, не поделили песочницу. Что там еще может быть, в шесть лет-то?

На все вопросы о причинах ссоры сын, насупившись, молчал, но глаз не отводил.

— Если считаешь, что тебя пытаются надуть, забрать что-то, что принадлежит только тебе — не отступай от своего, не поддавайся и не дай никому почувствовать твою слабину. Если понимаешь, что без драки не обойтись, — бей всегда первым и как можно больнее! — так отреагировал отец на это происшествие и наказывать сына не стал.

Все дальнейшие поучения были в том же ключе: «Стой на своем, бери все самое лучшее, ни перед чем не останавливайся для достижения желаемого. И всегда, всегда давай сдачи!»

Отец учил сына драться — на заднем дворе они сходились врукопашную, и зачастую он не ослаблял силу удара, совершенно не считаясь с разницей в их возрасте и силе. «Крепче будет», — довольно размышлял отец. Сын же, отлетая от жестких отцовских оплеух на землю, старался как можно быстрее подняться и, вытирая грязной, ободранной рукой подступившие на глаза слезы, снова и снова бросался на обидчика. Уже че-

рез пару месяцев таких спаррингов он легко одерживал верх в схватках со сверстниками, а иногда и старшие мальчишки вынуждены были отступить перед его напором. Залогом успеха была его способность идти до конца — качество, которое отец культивировал в нем с утра до вечера, каждый день. Понемногу отец знакомил его с оружием, сначала давал просто подержать в руках, почувствовать стальной холод рукоятки — так приятно ощутить в руке вес предмета, придающего значительность всем твоим поступкам и действиям! Показывал, как набивать патронами барабан, как правильно держать пистолет за поясом и как наводить его на предполагаемого врага. Но сыну уже было невтерпеж, он хотел как можно быстрее начать стрелять.

И вот однажды, воскресным утром, наступил этот долгожданный момент. Они встали раньше обычного и отправились на окраину города, на пустырь, захватив с собой множество пустых банок. На радость отцу выяснилось, что и в стрельбе у сына несомненный талант — из пяти целей он стабильно поражал четыре, и это, безусловно, было прекрасным результатом.

«Как бы то ни было, стрелять по бутылкам и жестянкам — это одно, а вот хватит ли у него духа выстрелить в живое существо, когда понадобится, вот вопрос», — так думал отец, любуясь, как уверенно обращается сын с оружием. Момент, когда ему придется целиться в реального противника, казался отцу вполне вероятным. Поэтому после трех занятий он объявил, что в следующий раз стрелять они будут по живым мишеням.

— Ты готов к этому! Понимаешь, в чем разница? — он смотрел сыну в глаза и не видел в них и тени сомнения, когда тот кивнул в ответ. Для этого они отправились далеко за город, туда, где начинаются поля, засеянные пшеницей. Когда урожай созревал, на поля слетались целые полчища ворон, а пугала, установленные для охраны, плохо справлялись со своей задачей. Тамошние фермеры часто дежурили на страже своего урожая, время от времени постреливая картечью из дробовиков в «воронье небо».

Ехать долго им не пришлось. На ближайшем поле, в самом его центре, над высокими и густыми пшеничными волнами кружилась, то опускаясь на свою цель, то поднимаясь выше, словно выбирая наиболее вкусный участок, воронья стая.

— Смотри, сейчас тихонько иди сквозь заросли, не шуми, руками стебли не отгибай, а там, на расстоянии выстрела, наметь себе цель. Только не стреляй куда попало, а прицеливайся! Потом сразу выбирай вторую, потом третью… И так сколько успеешь, пока не улетят.

Сын внимательно прислушивался к отцовской инструкции, стараясь унять набежавшую от волнения дрожь, в предвкушении чего-то нового, необыкновенного, и, если даже не запретного, то и не вполне одобряемого.

— Я постою здесь, меня пшеница полностью не скроет, поэтому подойду, как закончишь стрелять. А там посмотрим на результат. Иди! — И отец слегка подтолкнул сына к полю.

Через пять минут один за другим прозвучали три выстрела. Сразу за ними воронья стая, потревоженная и напуганная, стала беспорядочно разлетаться в разные стороны. Отец торопливо, переходя на бег, направился в глубь поля. В это время раздался еще один, четвертый, выстрел. Он поднял глаза и увидел в небе, раскаленном от стоящего в самом зените солнца, как одна из птиц падает вниз. Но не камнем, а как-то странно дергаясь из стороны в сторону, словно пытаясь еще улететь, спастись. Отец увидел, как сын бежит к месту падения, и тоже прибавил шаг. Подозрения подтвердились, пуля попала в крыло и не сразу убила ворону, а только ранила, лишив возможности летать. Густая, пушистая пшеница смягчила падение, и сейчас птица, косясь большим круглым глазом, старалась уйти подальше от своих врагов, волоча лохмотья, оставшиеся от крыла. Сын стоял, оцепенев и молча наблюдал за ее попытками.

«Только бы не заплакал», — такая несуразная мысль мелькнула у отца, и он потянулся к пистолету, который сын крепко сжимал в своей руке.

— Давай я добью! Все равно ее или лисы, или другие хищники загрызут.

— Нет, я сам, это мое дело! — Недавняя растерянность вдруг сменилась твердой решимостью закончить начатое.

— Хорошо, только не тяни, — кивнул отец, повернулся, чтобы уйти, но не успел сделать и двух шагов, как все было кончено.

Потом они нашли еще двух убитых ворон. Сын с точностью выполнил отцовский наказ и, подкравшись максимально близко, стрелял в упор.

— Молодчик! — похвалил его отец. — Но ты должен быть готов выстрелить не только в зверей или птиц, но и в человека, при необходимости. Человек — самый опасный зверь на земле.

Увидев недоумевающее лицо сына, в глазах которого читался немой вопрос, он продолжил:

— Да, люди гораздо опаснее всех зверей. Никто из животных, даже самых диких, не войдет без спроса в твой дом, не ограбит тебя, не подвергнет насилию. Никто из животных не посягнет на твою жизнь, если ты сам не полезешь к ним, в их мир. А вот человек — запросто. Поэтому, если почувствуешь угрозу от кого-либо из людей, и, тем более, если ваши силы будут неравны, то не раздумывай долго. Не дай никому опередить тебя.

Так отец рассуждал во всех жизненных ситуациях и всегда давал одни и те же наставления. Часто соседи приходили к нему с жалобами на сына, тот не стеснялся применять силу к их отпрыскам, когда в дворовых играх возникали спорные ситуации. Всегда это заканчивалось так: отец выпро-

важивал гостей вежливо, но твердо, обещая разобраться и при необходимости наказать виновника. Но если поначалу он еще обсуждал с сыном конфликтные ситуации, из-за которых тому приходилось пускать в ход кулаки, то со временем все стало ограничиваться лишь совместными заверениями, что другого выхода не было. В таких вопросах отец предоставлял ему право принимать решения самому. Когда сыну было двенадцать, в их дом с неофициальным визитом пожаловал тренер школьной команды по футболу. Поводом послужил спор сына с остальными участниками команды из-за капитанского звания. Не желая отдавать капитанскую повязку кому-то другому, он несколько раз убедительно «влепил» своему главному конкуренту за эту почетную обязанность.

— Я заметил, что весь класс его побаивается, потому что он никогда не раздумывает — применять силу или нет, — сказал тренер.

— Но послушайте, он всего лишь отстаивал свое! Ведь в прошлом сезоне именно он был лидером команды, — отец даже не сомневался, что маленькая нарукавная повязка, придающая особый статус внутри коллектива, на самом деле должна принадлежать его сыну.

— Мы каждый год в начале нового сезона проводим выборы капитана. Голосуют тайно все ребята, в этот раз они выбрали не его. Хотя я знаю наверняка, он даже пытался угрожать некоторым из них. Но я и на это закрыл глаза, — тренер еще пытался найти хоть какое-то решение, которое всех бы устроило. — Вы поймите, — убеждал он отца, — если так будет продолжаться и дальше, то я буду вынужден вывести его из состава команды.

Но оба понимали, что вряд ли тренер решится на этот шаг, ведь сын был лучшим игроком в своей возрастной категории — без него у команды было бы мало шансов на успех.

Ближе к окончанию учебы отца все чаще вызывали в школу, причиной, конечно, были «подвиги» сына. Но и здесь отец выгораживал его, просил быть снисходительней, ссылался на сложный характер и обещал принять меры. Учителя же, принимая во внимание то, что он воспитывает сына один, всегда шли ему навстречу, не давая ход жалобам. И даже после таких «вызовов на ковер», отец, вернувшись домой, особо его не отчитывал, только просил быть аккуратней — он по-прежнему был уверен, что его воспитание верное, и главное, что понадобится тому во взрослой жизни — это сила и решительность.

Когда сыну исполнилось пятнадцать, состоялся торжественный для обоих момент: Отец вручил ему в подарок собственный пистолет, с условием — никуда его с собой не брать, пока не получит разрешение на владение оружием. Это был тот самый кольт, из которого сын учился стрелять. И если раньше отец давал его только на время тренировочных

стрельб, не таких частых, как ему хотелось бы, то теперь он лежал у него в комнате, в самом верхнем ящике письменного стола. Обладание такой серьезной, «взрослой» вещью будоражило мысли юноши. Бывало, он несколько раз за вечер доставал пистолет и прицеливался в воображаемого противника, выискивая его то в одном, то в другом углу комнаты. Первое время он даже спать ложился, положив кольт под подушку, но потом, словно устыдившись своей детскости, вернул его в ящик стола.

В тот же год он стал ходить по вечерам подрабатывать на автомойку, у него завелись собственные деньги. А вскоре случился эпизод, полностью развеявший сомнения отца в том, сможет ли его сын применить оружие для защиты своих интересов.

Дорога, по которой сын вечерами отправлялся на работу, проходила позади домов. Это, в общем-то, и не дорога была, а так, протоптанная колея, узкая и вся в колдобинах. С одной стороны тянулись заборы дворов, с другой — бетонная ограда какого-то ремонтного предприятия. Но именно этой дорогой, кратчайшей из всех возможных, он и ходил по вечерам на работу, экономя, таким образом, немало времени. Единственной неприятностью, омрачавшей этот короткий путь, был огромный беспородный пес, которого сосед через три дома от них сажал ночью на цепь для охраны своего участка. Длина цепи если и позволяла безопасно пройти мимо, то только вплотную к бетонной стене, чуть ли не прижимаясь к ней спиной. И если туда он еще успевал проскочить до того, как пса поставят на пост, то уже по дороге обратно он ждал его со всей яростью бешеного зверя. Собака была настроена недружелюбно и кидалась на редких прохожих, подбегая так близко, что пена, летящая с ее клыков, оставалась на их одежде. Вот в такую передрягу он и попадал, каждый раз возвращаясь поздно вечером. Отец, заметивший, что сын возвращается с работы в слегка возбужденном состоянии, поначалу не придал этому особого значения, решив, что всему виной слишком раннее вступление во взрослую жизнь. Но в этот раз сын, всегда неохотно делившийся с ним своими проблемами, не дожидаясь расспросов, сам рассказал о вечернем препятствии на пути домой. Первой реакцией отца было желание немедленно, не откладывая в долгий ящик, пойти к соседу и обсудить этот вопрос прямо на месте. Но сын сразу охладил отцовский порыв:

— Я сегодня специально вышел из дома попозже и стал ждать, когда собаку выведут привязывать на ночь, и, дождавшись хозяина, попросил его укоротить цепь, — он взглянул на отца: одобряет тот его инициативу или нет?

— Ну-ну, не тяни, что он тебе ответил? — Отец в волнении, еще полностью не отказавшись от желания идти разбираться, нервно наматывал круги по комнате.

— Ничего, ничего он мне не ответил! — Сын на секунду замолчал, но, увидев на лице отца непритворную ярость, сразу продолжил: — Ничего, что могло бы меня устроить. Предложил ходить другой дорогой, в обход.

— В обход? Он предложил ходить в обход?! — На секунду у отца даже голос сорвался от возмущения.

Затем, с трудом пересилив себя и собравшись с мыслями, он немного успокоился и сказал:

— Ладно, до выходных подождем, а там, если не укоротит цепь, придется что-то делать, может, обратиться в полицию…

Но, посмотрев в глаза сына и стараясь разглядеть в них осуждение или поддержку своих слов, он увидел только стальной холод — выражение, всегда появлявшееся на его лице после принятия сложного решения. Отец понял, что у него уже есть план, как выйти из сложившейся ситуации, а если бы он мог прочитать мысли сына, то главной и почти единственной была: «Никакой полиции, эту проблему я решу сам».

Следующий вечер расставил все точки над i. Про вчерашний разговор они даже не вспоминали, как будто сговорившись, но обоим было понятно — сегодня все закончится. Где-то за час до возвращения сына с работы отец, переделав все домашние дела, сел в свое кресло напротив телевизора и, поцеживая пиво из большого бокала, стал ждать. Новости, которые он внимательно смотрел каждый вечер, в этот раз пролетали мимо, неспособные отвлечь от раздумий. Какой же выход нашел или еще найдет его сын из этого положения? Мысль о том, что нет никакого другого решения кроме самого простого и верного, он старательно отгонял прочь, словно не веря, что тот сможет так поступить. Услышав звук открываемой двери, он, развернув кресло к входной двери, с волнением смотрел в коридор. Несколько минут спустя в комнату вошел сын и с невозмутимым видом стал раздеваться. Все его движения были уверенными и спокойными. «Вот это характер, вот это выдержка», — подумал отец, с удовольствием за ним наблюдая. Сын, переодевшись, подошел к нему и, не вдаваясь в подробности, сказал:

— Я шел, никого не трогал, не дразнил. Она на меня набросилась, и я был вынужден выстрелить. Это была самооборона, если вдруг хозяин захочет подать заявление, — и, задумавшись на секунду, добавил: — Есть не буду. В душ, и спать. Устал что-то.

Чуть позже, поднимаясь к себе в комнату, он услышал от обычно скупого на похвалу отца:

— Молодец, все сделал правильно!

История закончилась ничем. Потерявший собаку сосед приходил выяснять отношения, грозился обратиться в полицию, но, понимая, что и сам

нарушал закон, так никуда жаловаться не пошел. А, скорее всего, подумал про себя: «Что можно ждать от людей, так легко пристреливших собаку? Да что угодно! Ну их…»

И так бы все оно и продолжалось, если бы не появилась Она. Та, которую однажды встретил сын, та, в которую он влюбился. Девушка с противоположной улицы. Обычная девчонка из простой семьи, каких большинство. Он стал исчезать из дома на несколько дней, забегая только переодеться и взять денег из своих накоплений, после работы где-то задерживался и возвращался почти под утро, иногда и вовсе не ночевал дома. На все вопросы отца о том, где он пропадает, сын отвечал нехотя, ограничиваясь общими фразами и не скрывая своего раздражения. Но даже из этих скупых ответов было понятно, что все свободное время он проводит с Ней. То они вместе едут на пикник на весь день, то с компанией сняли домик за городом. Случалось — и это выводило отца из себя больше всего, — сын оставался на все выходные у подруги, так как ее отец уезжал в командировку, а мать была не против таких ночевок.

Слишком поздно отец понял, что больше уже не занимает того места в жизни сына, как прежде. Между ними непреодолимым препятствием встала Она, в их доверительных и гармоничных отношениях пошла трещина, былое понимание с полуслова исчезло. Теперь, проводя свои дни в одиночестве, не слыша привычных шагов наверху, в комнате сына, он отчетливо понимал, что из его жизни, всегда такой размеренной и понятной, вдруг исчезла главная составляющая. Самое ценное, то, ради чего он и жил все эти годы. В горьких размышлениях у отца не было ни малейшего сомнения, кто во всем виноват, — Она!

В год окончания школы сын неожиданно заявил, что поступать никуда не будет, хочет подзаработать денег. И вообще:

— У нас — планы!

Было ясно — без Ее дурного влияния здесь не обошлось! Какие только проклятия не посылал он мысленно в Ее адрес, каких только неприятностей не желал. Иногда доставалось и сыну: «Что этот балбес о себе возомнил? Слишком рано почувствовал себя взрослым!» Самостоятельность и самоуверенность, которые он раньше поощрял, теперь причиняли боль — отец чувствовал себя ненужным. Знакомиться же с подругой сына он не испытывал ни малейшего желания, но самым оскорбительным было то, что тот ему этого и не предлагал. В те редкие уже моменты, когда сын находился дома, между ними повисало гнетущее, тяжелое молчание. Прерывалось оно лишь тогда, когда отец, не дождавшись, что сын подойдет и заговорит с ним первый, срывался на него из-за пустякового предлога. Но даже в

таких ситуациях, тот, как ни в чем не бывало, продолжал заниматься своими делами, не обращая на отца никакого внимания.

Как-то раз, а в тот день вечер казался особенно тоскливым и пустым, услышав, как в дверном замке поворачивается ключ, отец уже не смог себя сдержать. Словно подброшенный невидимой пружиной, он ринулся в прихожую и столкнулся с сыном почти лоб в лоб. В ход пошли обидные упреки, самые жесткие, грубые эпитеты и глупые условия, вроде — «я запрещаю тебе с ней встречаться», «все равно она тебя бросит» и даже «если хочешь жить в этом доме, то только при условии, что порвешь с ней». Еще секунда, и отец готов был наброситься на него с кулаками. И опять, как когда-то, выражение на лице сына поразило его своей решимостью. Он отступил, пытаясь найти слова, способные смягчить создавшееся положение. Однако то, что он потом услышал, на какое-то мгновение лишило его дара речи.

— Давно хотел тебе сказать, да все не знал, как это сделать. Но, думаю, тянуть дальше нет смысла. Мы решили уехать в столицу. Снимем там для начала комнату, осмотримся. Денег на первое время нам хватит, я в две смены три месяца уже работаю, а там работу можно легко найти. — Сын говорил, не сводя глаз с отца и пытаясь предугадать его первую реакцию.

— Я-я… я тебя никуда не отпускаю! Что за бредовые идеи?! — Возможно, это прозвучало жалко, почти смешно, но ничего другого потрясенный отец выдавить из себя не смог.

— Послушай, мы все уже решили и обо всем подумали. Возьмем напрокат легковушку, вещей у нас немного, и если в ночь отправимся, то к утру уже будем на месте. Думаю, через недельку и поедем, как раз я зарплату получу. — Всем своим видом сын показывал, что отговаривать его не имеет никакого смысла, только время зря терять.

— Кто это — «мы»? Что вы, малолетки, вообще можете решить? Чья это идея? Наверняка ее! Отвезешь ее туда, там она тебя и бросит при первом удобном случае! Как трамплин тебя использует! — Отец в негодовании вываливал все доводы, какие только приходили в голову.

— Я в любом случае уеду, и она со мной. Ты меня не остановишь! — процедил сквозь зубы сын, повернулся к отцу спиной и отправился к себе в комнату, заканчивая, таким образом, этот ненужный, по его мнению, спор.

— Никуда ты не поедешь, сопляк безмозглый! — В ярости отец даже не заметил, что впервые позволил себе оскорбления в адрес сына.

Громко хлопнувшая наверху дверь стала единственным ему ответом.

Больше они не разговаривали, до того самого дня, который сын запланировал для отъезда. Еще с утра он сложил свои вещи в спортивную сумку, деньги и документы убрал в боковой карман, а на самое дно спрятал

пистолет. Оставалось только заскочить на работу за зарплатой и, забрав в прокате машину, которую он предусмотрительно оформил еще вчера, заехать за Ней. Потом домой, за вещами. Конечно, он мог все это сделать и в другой последовательности, но подспудно ему все же хотелось перед самым отъездом еще раз увидеть свой дом. Постоять на крыльце, бросить последний взгляд на двор. Однако, несмотря на все теплые воспоминания, связанные с детством и юностью, он ни на секунду не сомневался, что никогда сюда не вернется. Он знал, и это было особенно приятно, что скоро, буквально через несколько часов, они помчатся в большой город, навстречу новой жизни и новым ощущениям. Ничто не могло и не должно было помешать ему. В планы свои он как-то сразу решил отца не посвящать — ему не хотелось обсуждать то, что обсуждению уже не подлежит как дело решенное. Знакомить же отца с Ней и вовсе не было смысла — «все равно мы уезжаем, ни к чему это».

Как появилась сама идея перебраться в столицу, в город, где открываются большие перспективы и где живет та самая «птица счастья», он уже точно не помнил. Вроде бы в одном из откровенных разговоров Она призналась ему, что мечтает уехать из их маленького городка в столичный мегаполис. Сказала, как ей все здесь наскучило. Какие разные возможности появятся для них, если они туда уедут. Как им будет хорошо вместе! Родители Ее не будут возражать, если она покинет родной дом, они заняты младшими, сестрой и братом, и разрешили ей самой выбирать, как и где дальше жить.

Он очень быстро загорелся этой идеей и сразу же начал все обдумывать — подсчитал, сколько денег нужно будет на первое время, просматривал предложения о сдаче жилья, подыскивая вариант подешевле, следил за вакансиями о работе. Решил, что для поездки можно взять напрокат машину, а не трястись в поезде. Даже комнату на первое время он уже нашел и внес аванс за первый месяц…

Отец, как обычно, сидел в своем кресле перед телевизором — место, ставшее привычным для него в последние месяцы. Еще утром, услышав возню в комнате наверху, он позвонил на работу и взял отгул, сославшись на плохое самочувствие. Он знал, что у сына сегодня зарплата, и не оставалось никаких сомнений — пришел день отъезда. Сегодня он мог расстаться со всеми своими мечтами. А ведь все они были связаны только с сыном! Он представлял себе, как они вместе рыбачат, сидя у воды плечом к плечу и прячась от дождя в одной плащ-палатке, как ходят на охоту, а после с азартом хвастаются трофеями. Как вместе копаются в машине, отыскивая неисправность, и весело подначивают друг друга. Как он приводит сына в бар на углу улицы, где собираются все «свои», и как тот обыгры-

вает в бильярд главных завсегдатаев заведения. Рисовалась ему картина, что его приятели, каждый по очереди, подходят и, пожимая ему руку, говорят: «Отличный парень у тебя! Всем на зависть!» Теперь же все эти ожидания и планы улетали, как дым в трубу. И он должен, обязан был что-то предпринять! Не в его правилах пускать все на самотек…

В полвосьмого вечера он услышал, как у дома остановилась машина, хлопнула дверь. Пара коротких фраз — он не расслышал слов, — и в прихожей раздались быстрые шаги. Тот, кого он ждал уже несколько часов, ждал, тупо уставившись в телевизор и ничего там не различая, пробежал к себе в комнату, коротко кивнув ему на ходу. Отец поднялся с кресла и встал в арке между прихожей и комнатой. Через пару минут сын пулей слетел вниз и зло выкрикнул:

— В сумке нет моих документов и денег, я утром убрал все в боковой карман, верни их!

— В тот наш разговор, вспомни, я тебе сказал, что ты никуда не поедешь! Ты думал, что я шучу?

Отец ни на секунду не сомневался в своем преимуществе — и моральном, и физическом. Выход из ситуации казался ему простым и легким: забрав документы, он заставит его остаться хотя бы на какое-то время, а потом будет видно.

— Это мои документы и мои деньги, я вкалывал в две смены, у тебя нет никакого права их забирать! — Голос сына слегка дрогнул, или ему только показалось?

— Послушай! Я — твой отец, а ты — мой сын, и пока я за тебя отвечаю, пока ты в моем доме, я решаю, что тебе можно, а что — нет!

Атмосфера продолжала накаляться, напряжение заметно росло.

— Ты, может, не заметил, я уезжаю из твоего дома, мне не нужны твое разрешение и твои правила!

Сын явно не собирался отступать, и до отца вдруг стало доходить, что не все так просто, как представлялось вначале. Он стал заводиться, понимая, что его увещевания бессмысленны, и действовать, видимо, придется грубой силой.

— Документы я тебе не отдам, и ты никуда не уедешь. А если хочешь забрать их, то попробуй, они здесь! — отец ткнул пальцем в нагрудный карман своей рубашки. — А там посмотрим, чья возьмет!

Буквально на минуту повисло молчание, прерываемое только бессмысленной трескотней в телевизоре.

— Я не буду с тобой драться, я предлагаю обмен. — Сын подошел к креслу, на котором валялся пульт от телевизора, и, взяв его, продолжил. — Смотри, у тебя — мои документы и деньги, у меня — твой пульт от телевизора.

Меняемся? Я тебе — пульт, ты мне — документы и деньги. Каждому свое. Тебе — отдых, мне — дорога. Идет?

— Парень, да ты совсем умом тронулся со своей девкой? Попробуй забрать их у меня! Если, конечно, силенок хватит! – громко расхохотался отец.

Сын никак не отреагировал на отцовский выпад, продолжая держать пульт в вытянутой руке и, нажимая, увеличивать звук, не сводя глаз с отца. На лице его мелькнуло то знакомое выражение, которое отец видел и раньше, но волнение не позволило ему сконцентрироваться на какой-то смутной догадке, мелькнувшей в глубинах памяти.

— Какого черта? Что ты делаешь? — Отец, шагнув к сыну, на мгновение перевел взгляд на экран, но боковым зрением успел заметить холодный, металлический блеск в его правой руке. Выстрел слился с достигшим апогея звуком телевизора, пульт упал на пол…

Сын наклонился к отцу, достал из кармана рубашки паспорт и пачку с деньгами — все было на месте. Задумчиво оглядевшись, он отправился на кухню, открыл газ, а, вернувшись обратно в комнату, зажигалкой, подаренной когда-то отцом, поджег ее в разных углах. Больше ничего его здесь не держало. Подняв сумку, так и валявшуюся у лестницы, он вышел из дома, запер за собой дверь и поспешил к машине, где его ждала Она.

— Я уже волноваться начала! Ты сказал, минут десять максимум, а прошло полчаса. Что-то случилось? Не хотел отпускать? — Она пыталась прочитать на его лице, насколько серьезной была причина заминки.

— Да нет, все хорошо! Так, ерунда. Главное, что мы вместе!

— Ты меня с ним так и не познакомил, как-то это неправильно… Он не обидится?

— Это не нужно было. Да он и не обидится! — закинув сумку на заднее сиденье, он завел машину и тихонечко, стараясь не делать ничего, что могло бы привлечь чье-то внимание, стал выезжать на дорогу.

Оказавшись на трассе, тут же прибавил скорость. В этот момент сзади что-то полыхнуло, в зеркале заднего вида заалело пламя. Небо окрасилось огненными всполохами. Обернувшись, Она старалась разглядеть, что же произошло.

— Слушай, так ведь это же там, откуда мы уехали! Или совсем недалеко… Как ты думаешь, что это?

Он внимательно посмотрел на нее и улыбнулся:

— Это заря новой жизни, нашей жизни!

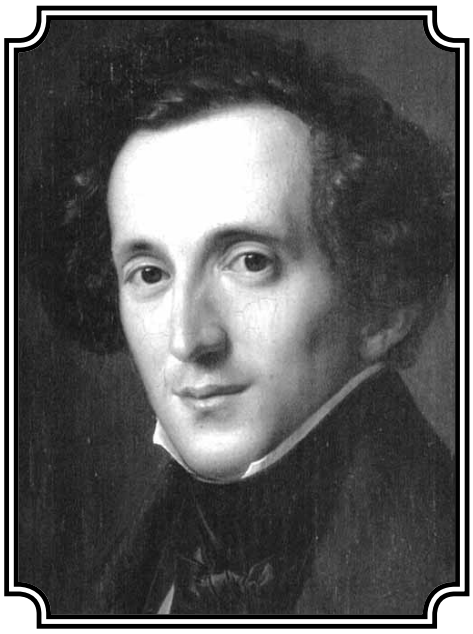
Она весело рассмеялась:

— Мне так хорошо с тобой! Я, наверное, тебя люблю!

Он неожиданно съехал на обочину, остановил машину и, повернувшись к ней, взял ее за руку:

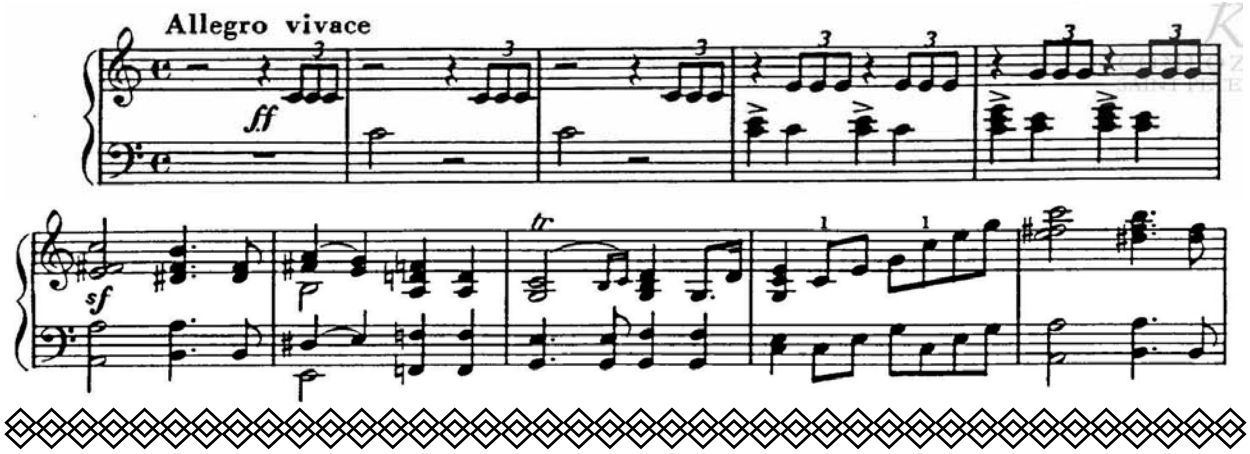
— А знаешь, что? Роди мне Сына!.. ❑

Дмитрий Зелов



Феликс Мендельсон

Как выйти замуж, или Свадебный марш для ослов

Ежегодно миллионы пар во всем мире в строгой и торжественной обстановке становятся мужем и женой под звуки свадебного марша Мендельсона. К этому настолько все привыкли, что, кажется, так было испокон веков. Вот только по сюжету авторского замысла немецкого композитора, педагога и дирижера Феликса Мендельсона его героиня выходит замуж за… осла. Причем, в прямом и переносном смысле. А вы разве не знали?!

«Свадебный марш» Феликса Мендельсона (1809–1847) озвучивает тот самый момент пьесы Уильяма Шекспира «Сон в летнюю ночь», где заколдованная королева выходит замуж за… осла. Знаменитый во всем мире марш входит в сюиту «Ослиная свадьба». Это совсем небольшая, но очень эффектная и запоминающаяся часть комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Ее перевели в XIX веке на немецкий язык. А вдохновленный сюжетом композитор Мендельсон написал в 1842 году для нее, как сказали бы сегодня, «шлягер». По его замыслу, музыка должна была подчеркнуть торжественный фарс ситуации.

Впервые марш прозвучал в 1843 году в Потсдаме на премьере спектакля «Сон в летнюю ночь». Стоит упо-

мянуть, что первоначально Мендельсон написал «Сон в летнюю ночь» еще в 1826 году как увертюру (одиночное произведение), будучи в 17-летнем возрасте. Теперь же, по заказу прусского короля Фридриха Вильгельма IV, композитор доработал идею, дописав к ней еще 10 частей и превратив в сюиту. Одной из этих частей и стал свадебный марш.

Венценосный монарх остался доволен премьерой. Помимо Германии постановку показали в Италии и Великобритании, и в этих странах она имела успех, однако потом ее предали забвению. А вот вне театральной сцены свадебный марш Мендельсона исполнили в 1847 году в британской церкви Святого Петра на свадьбе Дороти Кэрью и Тома Дэниела, жителей провинциального городка Тивертон на юго-западе Великобритании. Произведение было сыграно на органе в оригинальной аранжировке местного музыканта.

Однако настоящую популярность марш Мендельсона обрел после того, как 25 января 1858 года в одном из самых старинных дворцов Лондона 17-летняя принцесса Великобритании Виктория-Аделаида-Мария-Луиза призналась в вечной любви наследному принцу Пруссии 25-летнему Фридриху III. Молодые познакомились задолго до своего бракосочетания, когда Виктории было всего лишь 11 лет, и сразу понравились друг другу, хотя будущий жених и был намного старше юной девочки. Свадьба Фридриха и Виктории так и осталась бы навсегда лишь на страницах семейной биографии знатного аристократического рода, если бы не музыка, которую невеста выбрала для торжественной церемонии. Ею стал «Свадебный марш» немецкого композитора Феликса Мендельсона. С этого момента и началось триумфальное шествие марша по всему миру, а помпезная мелодия отныне прочно ассоциируется с бракосочетанием.

Кратко напомним читателю историю того самого момента шекспировской пьесы «Сон в летнюю ночь», венцом сюжетной линии которой стала свадьба с ослом. Царь эльфов рассорился со своей женой Титанией. Далее разгневанный супруг поручил своему подчиненному опоить негодную супругу волшебным зельем, чтобы та, когда проснется, влюбилась бы в первого попавшегося. А «первым попавшимся» оказался … осел. (Вернее, не осел, а ткач-ремесленник с надетой на себя головой осла). Кстати, сам незадачливый бедолага остается во мнении, что все это ему приснилось. Феликс Мендельсон, когда писал свой помпезный марш, как раз и пытался передать весь комизм и глупость ситуации, поскольку «ослепленная» царица эльфов выходит замуж за осла под звуки военного марша!

Между прочим, принцесса Великобритании Виктория, несмотря на свой юный возраст, фактически сама разработала сюжетную линию собственной свадебной церемонии. Девушка очень хорошо разбиралась в современной музыке и лично подобрала музыкальное сопровождение для свадьбы. По ее замыслу, к алтарю часовни Сант-Джеймского дворца в Лондоне ее вели под «Свадебный хор» из «Ло-

энгрина» Вагнера, а под марш Мендельсона новобрачные вышли из церкви. И выглядело это настолько эффектно, трогательно и органично, что впечатленные многочисленные гости сразу взяли эту мелодию свадебного марша Мендельсона на заметку. Понимал ли супруг Фридрих III скрытые смыслы и тонкости сюжетной линии «Свадебного марша» Мендельсона — вопрос риторический. Супруги прожили в браке целых 30 лет, и в их союзе на свет появилось 8 детей. Правда, Фридрих III стал королем Пруссии и одновременно германским императором только на 99 дней, взойдя на престол лишь в 56 лет, уже в весьма зрелом возрасте, незадолго до своей скоропостижной кончины.

Как известно, гламур и мода — изобретение отнюдь не наших дней, на самом деле они существовали практически всегда. И во все времена простые смертные хотели быть похожими на принцев и принцесс. Хотя бы в немногом, настолько, насколько позволяли их возможности. Поэтому все почти сразу захотели жениться и выходить замуж «как принцесса Виктория». С тех пор марш, под который изначально резво шагал жениться «осел», звучит вот уже более полутора веков во дворцах бракосочетаний по всему свету. Как говорится, совет да любовь!

Осталось рассказать, как сложилась личная жизнь у самого Феликса Мендельсона. Несмотря на свою раннюю кончину в 38 лет, композитор был счастливо женат. Он так любил свою пассию Сесилию Жанрено, которая была из семьи гугенотов (им запрещено менять свою веру), что накануне собственной свадьбы в 1836 году во Франкфурте даже сменил ради нее вероисповедание (композитор, как известно, был евреем, причем, ранее его семья перешла в лютеранство). Во время свадебного путешествия Мендельсоны стали вести романтический дневник. Сесилия писала к нему тексты, а Феликс — ноты. После путешествия супруги поселились в Лейпциге. Брак композитора оказался крепким, жена подарила ему пятерых детей.

Правда, безоблачную семейную идиллию омрачил яркий и страстный роман композитора в последние годы его жизни со шведской оперной певицей Женни Линд, которой он протежировал с 1844 года. Обезумевший от любви Мендельсон обещал ради нее даже бросить свою семью и бежать с ней в Америку, угрожал самоубийством, но певица отказалась разделить его судьбу. Измученный безответными чувствами, Мендельсон написал гениальный Концерт для скрипки с оркестром ми минор, ставший признанным шедевром мировой музыки. Он умер задолго до того, как прославивший его впоследствии «Свадебный марш» стал популярен у молодоженов по всему свету. И наверняка очень удивился бы, если бы узнал, что именно это произведение, а не многочисленные другие (возможно, даже намного более талантливые и гениальные) прославит его на весь мир. А орган, на котором Феликс Мендельсон исполнял свой знаменитый марш, до сих пор сохранился. Он стоит в лондонской церкви святой Анны в Тоттенхеме. ❑

Татьяна Кудрявцева

«...Нежный и бесстрашный реставратор...»

Это строка из стихотворения Евгения Евтушенко, написанного еще в 1968 году. Прочла и удивилась: словно про сегодняшний день написан «Монолог реставратора». Полностью цитируемая мною строфа звучит так: «Сейчас нужней не пустобрех оратор, кричащий о защите старины, а нежный и бесстрашный реставратор, Кто смоет бренность надписей убогих, И кто, поняв, что в этом искупленье, вернет стране сокровища страны».

Я адресую эти строки реставраторам Русского музея. В этой истории, точнее, уже в историях (ибо она — не одна), подкупает не только профессионализм музейщиков, но их жизненная позиция. Их молниеносная способность откликаться на чужую беду. Их уверенность в том, что в искусстве чужих бед не бывает. И их соответствие тем принципам Русского музея, которые были заложены в него первыми хранителями, первыми реставраторами, первыми знатоками прекрасного.

Когда в 1922 году открылась новая экспозиция, автором которой являлся Петр Иванович Нерадовский, публика была потрясена вкусом, глубиной, значительностью этого явления. Реставрации тогда подверглись

даже стены, для которых этот художник, историк искусства, член совета Русского музея, сам подбирал краски.

Чуть позже, в 1926-м году, Илья Репин писал ему: «Вы теперь стоите у такого дела, которое всегда меня скребло по самому сердцу…» Это музейное служение — дело сохранения шедевров.

Как Нерадовский ратовал тогда за реставрацию предметов старины, за бесценные полотна, за «невыразимой красоты» скульптуру!

Благодаря усилиям трех великих мастеров и энтузиастов Петра Нерадовского, Николая Околовича и Николая Сычева в 1922 году появилась первая реставрационная мастерская. Теперь их тринадцать! 89 сотрудников каждый год сохраняют для нас больше 4000 шедевров! Это настоящий научно-исследовательский центр. Ему уже больше ста лет…

Реставраторы не просто возвращают шедевры из небытия — они познают их прошлое. Например, воссоздавая цилиндрическое бюро (из наборного дерева и бронзы, с инкрустацией на кости), сумели установить авторство. На дверце одного из ящичков приоткрылась Минерва, а на щите ее надпись: «23 02. 1779, И.Г. Кель». Да это же знаменитый мастер! А сколько пород дерева в этом бюро: розовое, амарант, сандал, палисандр…

Между прочим, у каждой породы под микроскопом свой рисунок. Раньше думали, что северные иконы большей частью из липы, сосны и ели. На самом деле половина их — из ольхи! И это тоже выяснилось благодаря реставраторам.

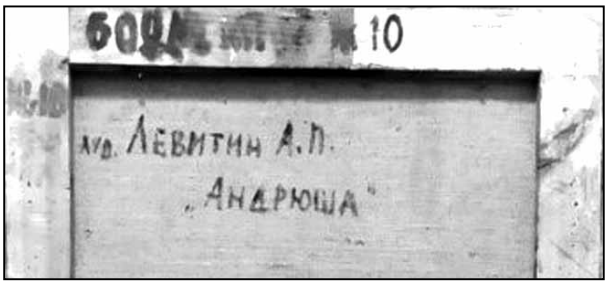
Я видела, как возвращалась жизнь к шедевру Айвазовского «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала гибнущим судам своим». Картине больше полутора веков, она огромная — 2,23 на 3,35 метра. Надо было красочный слой укрепить, холст усилить дублированием, въевшиеся загрязнения удалить, а все поздние записи и потемневший желтый лак расчистить. Я спросила Ольгу Юрьевну Кленову (она как раз и участвовала в этой реставрации), легче ли становится с опытом. А она сказала: «Наоборот! Чем больше знаешь, тем острее боишься неверного шага…»

Но они бесстрашно свои шаги совершают.

Когда я слушаю этих профессионалов, всегда думаю, что Нерадовский был бы горд за них. И особенно за то, что они, как в старину говорили, «сильны артелью».

Летом 2023 года случилась беда. От украинского ракетного удара в Таганроге пострадали люди, здания и один из филиалов Художественного музея. Музея, основанного при участии Антона Павловича Чехова, где сберегли редкую коллекцию, собранную многими поколениями. Полотна Серова, Коровина, Рериха, Малявина, Борисова-Мусатова, Серебряковой… Экспозиция называлась «Золотые имена Серебряного века». Мно-

Помощь коллегам — наша миссия». Буквально через два дня в Таганрог отправились блестящие специалисты — заведующий отделом реставрации станковой масляной живописи Марат Дашкин и заведующий отделом технологических исследований Сергей Сирро. Они изучили повреждения, зафиксировали утраты с помощью специальной мобильной лаборатории, которая есть пока только в Русском музее. Марат Дашкин немедленно приступил к консервации самых проблемных участ-



гие произведения были разорваны поражающими элементами. Все экспонаты покрывала стеклянная пыль, в подрамниках застряли осколки стекла.

Были изранены 22 шедевра! А мраморный портрет мальчика-подростка, его автор — Христофор Геворкян — раскололся на две части.

Это произошло 28 июля. Но уже 3 августа Русский музей и правительство Ростовской области провели совещание. Слова Генерального директора Русского музея, главы Ассоциации художественных музеев России Аллы Маниловой, стали знаковыми: «Наш музей обладает сильнейшей реставрационной школой.

ков картин. Реставрировать решили на базе мастерских Русского музея. Вскоре работы упаковали в специальные ящики и автофургоном с системой поддержания оптимального температурно-влажностного режима доставили в Санкт-Петербург. По оценке профессионалов, на возрождение произведений живописи, графики и скульптуры могло уйти около года.

Но реставраторы справились за шесть месяцев! Причем, когда вовсю шла работа, провели еще и целую серию мастер-классов для участников проекта ПАО «Газпром» «Друзья Петербурга». Эти «уроки» были посвящены методам предре-

ставрационного исследования живописи, восстановлению масляной живописи и скульптуры.

То, что мы увидели после реставрации, показалось мне колдовством. Только чудо это было рукотворным. Полотна стали такими нежными и глубокими, какими и задумывали свои работы гении. А ведь каждое творение нуждалось в индивидуальном подходе, в особой тактике.

Команда мастеров (священнодействовало 12 человек) не только залечила шедеврам раны, они провели комплексный анализ и восстановление: обновили потускневший лак, устранили вытянутости холстов, регенерировали поверхность живописи, удалили старые записи и склейки.

На работе Константина Коровина «Терраса» холст не просто был пробит, его нити скрутились в узлы, а сам он провис и деформировался, красочный слой осыпался, а также появились царапины и прорывы.

Все это надо было расправить, затянуть, укрепить грунт, да массу всего мудреного и кропотливого совершить.

Одной из самых израненных картин оказалась работа французского исторического художника Анри Шопена «Благословение Ревекки», принадлежавшая к старым поступлениям Таганрогского художественного

музея. Она и еще одно произведение на библейский сюжет — «Проводы Ревекки» — поведали миру о персонаже Пятикнижия, одной из четырех библейских праматерей — Ревекке. Реставраторы Ревекку реанимировали, «залечив» даже огромный прорыв холста. Совсем как у Евтушенко в «Монологе реставратора»: «Отчистить вечность — как себя отчистить, И мой раствор всю грязь с души смывает, И кисть моя вам возвращает Бога, И мой пацан — не чей-то — благим матом орет у Богоматери в руках...»

Именно поэтому сейчас перед нами получала вечное благословение прекрасная Ревекка, колыхалось поле маков, синели в старинной дворянской усадьбе дельфиниумы, взирала прелестная незнакомка в белом, торжественно шествовали девочки с вербой, краснела земляника, и прозрачно светились розы на натюрмортах. По террасе почти парили юные дочери Шаляпина в легких платьях. А мраморная головка мальчика вновь стала восхитительно целой!

Весной прошлого года люди все это увидели на выставке в Мраморном дворце Русского музея. В залах были представлены и театральные эскизы Валентина Серова, и работа ярчайшего мастера русского символизма Виктора Борисова-Мусатова «Изумрудный шарф», «Терраса» Константина Коровина и картина талантливой таганрогской художницы Серафимы Блонской, и скульптурный «Портрет мальчика» Христофора Геворкяна…

А через месяц спасенные шедевры вернулись домой в Таганрог.

Но в том же году, в 2024-м, в снежном декабре, в Русский музей привезли свою выставку белгородские коллеги. Название ее отражало сегодняшний день: «О Родине, о жизни, о себе». Музейщики моего родного города солидарны со своими коллегами из Белгородской области, которые проявляют сейчас и мужество, и стойкость, и веру в нашу Победу, оказавшись почти на переднем крае. Я помню, как генеральный директор Белгородского государственного художественного музея Татьяна Лукьянова говорила об их тревожной жизни, о том, что в музее много проблем, и одна из главных — отсутствие крепкой реставрационной школы. В их собрании огромное наследие живописи и скульптуры почти за полвека, с конца 1940-х годов до начала 1990-х. Это полотна Сергея Герасимова, Юрия Пименова, Александра Лактионова, Георгия Ряжского, Петра Оссовского… А 245 работ — дар вдовы живописца Михаила Николаевича Добронравова. Этот дар стал началом замечательного музея, которому нынче уже 42 года.

Но когда выставку привезли в Петербург, стало ясно, что двум картинам требуется «скорая помощь»: «Портрету Андрюши» Анатолия Левитина и полотну Михаила Добронравова «На цветочном хозяйстве». Лучшие реставраторы Русского му-

зея, не раздумывая, эту помощь оказали. Я видела список того, что немедленно надо было осуществить. В этом списке 15 пунктов, и каждый из них трудоемок. Требовалась плотная, сосредоточенная работа. (Впрочем, иной у этих мастеров не бывает.) Но реставраторам хотелось, чтобы и эти два шедевра успели попасть на выставку в Мраморном дворце. Поэтому они приложили все силы и уложились меньше, чем в два месяца. Я видела полотна до реставрации и сейчас. И опять свершилось это чудо преображения.

Вспомнились переводные картинки, которые были у меня в детстве. Стоило их намочить и перевести на белый лист, как блеклое изображение пропадало — ему на смену приходил яркий радужный цвет. Вот как здесь. Только тут работа была сложнейшая. И все по науке. Сначала провели все технологические исследования, наметили, как действовать.

На живописи повредился красочный слой, начал осыпаться. Подрамники тоже пришли в негодность. Красочный слой укрепили, подрамники заменили новыми. А на тыльную сторону подрамника картины «Портрет Андрюши» бережно перенесли тонкий слой шпона со старого авторского подрамника — ведь на нем сохранились исторические надписи и наклейки. На этой картине, созданной знаменитым ленинградским художником, Анатолием Павловичем Левитиным в 1956 году, изображен его сын. Левитин был народным художником РСФСР, академиком АХ СССР, вице-президентом Российской академии художеств,

участником Великой Отечественной войны. Он оставил этот мир пять лет назад.

Понятно, что портрет сына он написал не по заказу, а в порыве души. Кстати, рентген показал: сначала там набрасывался пейзаж, а потом поверх красок появились детские черты. Сын «победил» пейзаж.

Задумчивый темноглазый мальчик словно вглядывается в сегодняшний день. Смотришь на него и думаешь: какой серьезный, в шахматы, наверное, любил играть и читать. Но уж рисовать точно любил! Потому, когда вырос, тоже стал художником…

Автор полотна «На цветочном хозяйстве» Михаил Николаевич Добронравов — уроженец Белгорода, учился в Харьковском художественном институте. Он был живописцем яркого творческого дарования, мастером жанровой картины, портрета и натюрморта. Это поле в цветах с колхозницами на первом плане стало одной из его последних работ, написанных в 1975 году. Конечно же, оно нуждалось в реставрации. Причем, требовалось не только укрепить красочный слой и грунт, но и перезаделать прорыв. Прорыв был капитальный, в четыре сантиметра длиной.

Надежда Егорова, художник-реставратор станковой масляной живописи объяснила, что «заплата была поставлена на тыльной стороне очень непрофессионально. Ее сняли, удалили и собрали прорыв по музейным методикам: стык в стык, без заплаты». Это значит — по самым современным музейным технологиям.

Никому теперь и в голову не придет, что здесь была заплатка. С полотна словно зазвучала южная песня, негромкая, мягкая, о том, как хорошо трудиться на земле, о том, как будни могут быть спокойными и счастливыми, о том, как жаркие краски украшают жизнь. Воздух словно наполнен солнцем, ветром, ароматом летних цветов.

Реставрация проводилась в открытой мастерской, и посетители Русского музея могли наблюдать, как идут работы.

Я тоже там стояла и любовалась.

Обе картины успели на выставку в Мраморный дворец. А заведующий отделом реставрации станковой масляной живописи Марат Равильевич Дашкин рассказал мне, что теперь они ждут в гости белгородского реставратора, чтобы поделиться с ним всеми своими секретами. Он был один на все белгородское «хозяйство». Зато теперь — с единомышленниками, которые не подведут…

Это было месяц назад. Жизнь, как мельничный круг, продолжает свое вращение между счастьем и несчастьем. Новые проблемы и заботы ждут моих любимых мастеров. Я не сомневаюсь: они выйдут победителями. Божий дар у них такой — «Зиянье обращать дано в сиянье…» ❑

Фото предоставлено пресс-службой Государственного Русского музея

Анна Ардова

Сама органика и обаяние, красота и фактурность, остроумие и самоирония, бесконечная харизма и сногсшибательная энергетика — вот какими словами можно охарактеризовать эту потрясающую актрису. Наш разговор с этой удивительной женщиной начался с моего вопроса: «А как бы вы сами сформулировали свой секрет актерской и женской привлекательности?» На что Анна Ардова скромно ответила: «Спасибо, но я… не знаю».

Наше интервью с заслуженной артисткой России — о таинстве перевоплощения и силе искусства, о поэзии, литературе и театре, а также творческой судьбе актера. Разговаривать с Анной Ардовой — настоящее счастье для любого интервьюера, и мы предлагаем читателям окунуться в атмосферу нашей беседы.

— Анна, вас назвали в честь Анны Ахматовой. А чья поэзия из женских ее представительниц вам все же ближе — Ахматовой, Цветаевой, Ахмадулиной?..

— В молодости мне очень нравилась Ахматова Анна Андреевна. И не из-за того, что меня назвали в ее честь, а потому что она мне казалось простой. Да и не казалась, а я чувствовала в ней эту гениальную

простоту, этим она меня покоряла и покоряет по сей день. А Цветаева казалась мне излишне эмоциональной, на грани с истерикой. Поскольку я тогда была молодой барышней, и тоже была с перебором чувств, то, когда читала Цветаеву, у меня самой все зашкаливало. А вот в последнее время стала ее понимать, чувствовать, с удовольствием пою песни на ее стихи. Она — великий поэт, так же, как и Анна Андреевна. А Ахмадулину очень люблю. На вступительных экзаменах я читала ее «Сказку о дожде».

— Мандельштам и Ахматова, Гумилев бывали в гостях у ваших дедушки и бабушки. А сам дедушка как-то сказал про вас, что вы станете великой артисткой, и его слова оказались пророческими. А кто для вас среди артистов и деятелей культуры является гением?

— Я многих наших актеров считаю великими, их действительно много: Фрейндлих, Даль, Янковский, Симонова, Леонов, Богатырев... Да я всех не перечислю! Я очень многих артистов, большинство из которых являются моими друзьями, считаю гениальными, перед многими просто преклоняюсь. А Алиса Фрейндлих — просто грандиозна.

— Анна, хотела поговорить о перевоплощении. Здесь, кажется, вам нет равных — вам подвластна любая роль: и драматические глубокие образы, и буффонада, и интересные характерные персонажи, и тонкий лиризм. Как происходит это таинство?

— Каждый раз, когда я в театре выпускаю спектакль, это для меня

Слева:

«Девушка моей мечты»

«Любовь и монстры»

как тяжелые роды. Это всегда очень сложно, всегда через какую-то боль. Что-то я преодолеваю, разбираюсь с какой-нибудь травмирующей историей. Видимо, я так бессознательно выбираю роли, с которыми мне трудно будет работать, потому что придется что-то с собой по этому поводу делать. Такая «психодрама» случается каждый раз, когда я в театре выпускаю спектакли. Никогда у меня не было ни одного легкого выпуска. Ни одного! Это всегда через труд, пот, боль. Да и в кино так бывает. Кстати, я по-разному работаю над ролями. Иногда мне надо просто расслабиться и отпустить свой организм, выключить голову. Иногда, наоборот, надо сесть и написать «биографию» роли. Иногда бывает неверный режиссерский или актерский разбор. Нужно просто докопаться до какой-то сути, докопаться до того места, где неверная точка отсчета, тот перелом, после которого повернулось не туда, найти нужное направление и работать.

— Анна, вы еще и поете! Расскажите, пожалуйста, как создавалась ваша концертная программа по Вертинскому?

— Вертинского мне в детстве пел мой папа. Он постоянно звучал у нас дома, и я очень его люблю. И во время застолий, когда у нас собирались гости, я часто пела Вертинского. А Анна Петухова, концертмейстер, которая мне аккомпанирует на концертах, как-то сказала: «Почему ты поешь за столом? Давай сделаем программу! Ну, хотя бы одну песню…» Мы сделали одну песенку, потом еще одну. И так постепенно я где-то выходила, пыталась петь. Сначала ужасно боялась, казалось,

что ничего не получается, но со временем, с опытом страх ушел. Песен у нас теперь много. Вертинский очень театральный и очень «актерский», каждое его произведение — это маленький спектакль. И это так интересно сыграть, так интересно пропустить через себя, особенно с женской точки зрения.

— Если говорить о концертах, то это другой способ существования артиста на сцене в отличие от театра, ведь на музыкальных вечерах, как правило, нет «четвертой стены». Во время исполнения песен вы смотрите в зал или, как в театре Маяковского, стараетесь почувствовать энергию зрителя?

— На сцене, как во время спектакля, так и во время концерта, надо чувствовать зрителя и энергию зрительного зала. А как же иначе? Если

Слева:
С семьей

«Золотой папа»

ты не соединишься с ней, ты ничего не передашь, не расскажешь, ты энергетически не будешь воздействовать. Тогда все бесполезно, все «мимо кассы». Да, конечно, когда я играю роль в театре, у меня есть «четвертая стена», но я все равно слышу зал, я чувствую, я дышу с ним. А на концерте я контактирую с глазами зрителей, если зал освещен. Если зал неосвещен, и я не вижу зрителей, то также чувствую энергию зала. Слышу, как они дышат, как они аплодируют, как они слушают. Это такие тонкие настройки, но они одинаковые.

— Когда вы поступали в ГИТИС, вы могли предположить, что спустя время сами возглавите там мастерскую?

— Когда поступала в ГИТИС, я даже не предполагала, что буду работать в театре Маяковского, в котором очень хотела работать. Мне просто хотелось учиться на актрису, и уже начать этот путь. Но то, что буду преподавать, даже в мыслях не было.

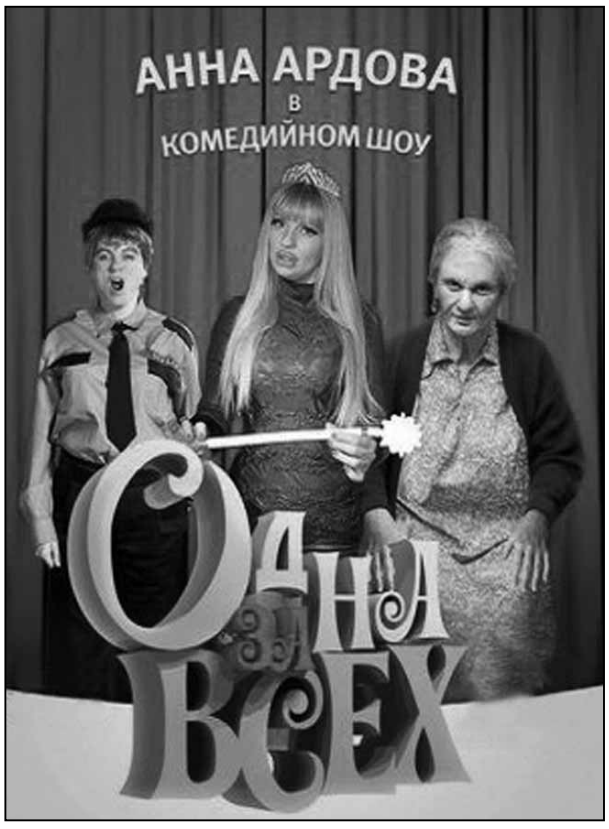
— Как вы относитесь к различным соцсетям и людям, которые прославились через них?

— Соцсети — это уже часть нашей жизни, и даже я стала их вести. Ну, не то, чтобы вести, а что-то там периодически писать и публиковать. Изначально мне казалось: «Как это я буду рассказывать про свою жизнь? С чего бы это, зачем?» А теперь научилась. Если человек прославился, это достойно уважения. И неважно, как он это сделал. Если через соц-

сети, значит, это тоже кому-то нужно, и тоже, видимо, что-то кому-то дает... Пусть цветут все цветы.

— Анна, когда вы переходили из одной школы в другую, директор сказала: «Как жаль, что этот чертенок от нас уходит». Скажите, пожалуйста, а в ваших детях этот «чертенок» присутствует, передался «по наследству»?

— Моим детям еще как чертенок перешел! Соня — это я. Мы с ней не очень похожи внешне, хотя глаза и улыбка у нас почти одинаковые. Когда мы рядом стоим, все говорят, что мы не похожи. А вот на сцене Соня — вылитая я. Это удивительно. А сын Антон на меня и по характеру, и внешне похож. Если говорить о его внешности, то он такой полу-



папа, (его отец Александр Шаврин), полу-я. А вот темперамент абсолютно мой, реакции мои.

— Вы признаетесь, что любите проводить досуг в хорошей компании книг и кино. Ваши любимые авторы и режиссеры? Что бы вы посоветовали посмотреть, почитать нашим читателям?

— Самая прекрасная книга — это «Сто лет одиночества» Маркеса,

наверное. Раньше моей любимой книгой был роман «Идиот» Достоевского. Шло время, Маркес победил (*смеется*). У Маркеса люблю многое, к примеру, его роман «Любовь во время чумы». Люблю все у Набокова: и «Приглашение на казнь», и «Машенька», и «Другие берега», и «Ада, или радости и страсти» — все подряд. А еще весь Толстой и Достоевский. Мисима прекрасен.

Фильмы? Если говорить о кино, то я не остановлюсь! «Весь этот

джаз» и «Кабаре» Боба Фосса, «Не горюй» Данелия, Феллини, ранний Михалков, а также Микеланджело Антониони, Паоло Пазолини, Иргман Бергман! Что касается музыки… Я боюсь иногда слушать ее, потому что она меняет мое настроение, причем, подчас кардинально. Для меня знакомство с музыкой началось благодаря моей старшей сестре Нине: она когда-то в детстве познакомила меня с мюзиклом Эндрю Ллойда Ве-

«Одна за всех»

бера «Иисус Христос — Суперзвезда». Когда я услышала в первый раз арии, то была потрясена музыкой, и это впечатление на всю мою жизнь. И сестра мне пела арии, и мы с ней вместе разучивали их... Из композиторов-классиков — Бах и Моцарт.

— В театре модны эксперименты всяческого толка, как вы к ним относитесь? И что для вас в искусстве неприемлемо?

— Я люблю эксперименты. Эксперименты — это всегда движение вперед, всегда поиск новых форм, или новой сути, или чего-то еще. Это очень круто и здорово. А не люблю я в искусстве вранья, фальши, непрофессионализма и халтуры.

— Знаю, что в родном театре Маяковского вы играете Гурмыжскую в спектакле «Лес». И по

задумке режиссера, если не купаетесь в воде, то долгое время находитесь, так скажем, в водной стихии. Как вы отреагировали на такую необычную идею и как восстанавливаетесь после такого творческого эксперимента в спектакле?

— Когда Егор Михайлович Перегудов (художественный руководитель театра Маяковского — прим. ред.), поставивший «Лес» и другие прекрасные спектакли, показал нам декорации, я увидела воду и сказала: «Боже мой! Как это красиво!» Декорации гениального Владимира Арефьева. Он, правда, гений. Его декорации и костюмы я обожаю, это невероятный художник. Все работы Арефьева меня завораживают. Когда я увидела воду, то спросила: «А как мы будем там ходить? Тогда нам нужны будут резиновые сапоги. Если вода будет холодной, то мне нужны будут теплые резиновые сапоги». И когда мы начали репетировать, оказалось, что теплую воду нельзя делать, потому что резина, которая покрывает сцену, поднимается, и надо, чтобы вода была ледяная. Вот мы и играем в ледяной воде. Зимой — это настоящее испытание. Когда мы выпускали спектакль, болели все. Но теперь я клею себе перцовый пластырь на ноги, у меня толстые шерстяные чулки под платьями. Когда очень холодно, конечно, могу выпить коньяк и делюсь им со всеми, мы пьем по глоточку, чтобы согреться.

— В одном интервью вы признались, что в Израиле вас потрясла постановка спектакля «Трамвай «Желание» так сильно, что вы долго не могли потом

Слева:

«Дама с собачкой-2»

«Час Волкова»

прийти в себя и плакали, настолько мощный был спектакль. Скажите, пожалуйста, было ли еще что-то такое, что настолько впечатлило вас? Может быть, картина великого художника, или музыка или что-то другое?

— Вы знаете, я много чему поражалась в своей жизни. У меня была загадочная история в галерее Уффици. Когда я пришла первый раз в галерею, то оказалась на первом этаже, где белый зал и старые деревянные иконы. Смотрю и думаю: что со мной происходит, с моим организмом? У меня просто мурашки по всему телу, чуть ли не голова закружилась. Стою и не понимаю, в чем дело, и двинуться с места не могу, какая-то магия! Смотрю на эти примитивные деревянные иконы, и у меня просто какое-то потрясение, остолбенение… Я спрашиваю у подруги: «Чьи это работы?» Она отвечает: «Джотто». И вдруг я вспоминаю, что в ГИТИСе, еще в институте, на занятиях по истории искусств нам рассказывали про часовню Джотто — это первая попытка перспективы во фреске и вообще в живописи. Меня тогда потрясли все эти головы святых, а дальше — облачка... Помню, как несколько дней находилась под впечатлением от этой маленькой картинки на слайде, который нам показали. Подумала об этом и забыла… Через несколько лет прилетела в Италию и в галерее Уффици увидела Джотто, не зная, что это Джотто. Но моя душа и мое тело отреагировали…

А вторым потрясением было, когда я поднялась на третий этаж галереи и увидела Боттичелли: «Рождение Венеры», «Аллегория весны». Я села на лавочку и просидела, уж не

«Моя безумная семья»

знаю, сколько… Я никогда не думала, что увижу это вживую. Думала, что великого Сандро Боттичелли увижу только в альбомах по искусству! И вот тогда, сидя на лавочке и смотря на его картины, я поняла, что все, теперь даже можно умереть, потому что я увидела это великое искусство, это волшебство вживую!

— Поговорим о пути Художника. Как вы считаете, можно ли изменить судьбу, в частности, творческую судьбу?

— Не знаю, можно ли изменить творческую судьбу. Знаю, что в институте надо очень много работать и очень много пробовать, потому что невозможно кого-то научить актерскому мастерству, можно научиться только самому, выходя на сцену и много-много-много работая. Даже если нет работы, надо придумывать, разбирать, показывать, приносить, двигаться вперед. А если не попал в театр, то идти, и биться, и пытаться найти «свое» место. Только через труд, только через труд! И если можно переломить судьбу, то только трудом.

— Что предстоит юным талантам, которые только вступают на творческую стезю? От чего вы бы хотели их предостеречь?

— Я бы хотела предостеречь юные таланты от лени, самовлюбленности и вранья. Это страшные враги артиста! Особенно лень. Потому что только тяжким трудом, только потом, кровью и выходом на сцену, только пробами и провалами, а еще удачами и неудачами становишься артистом. Впрочем, как и везде. Главное, не врать себе и не возноситься, ибо потом упадешь…

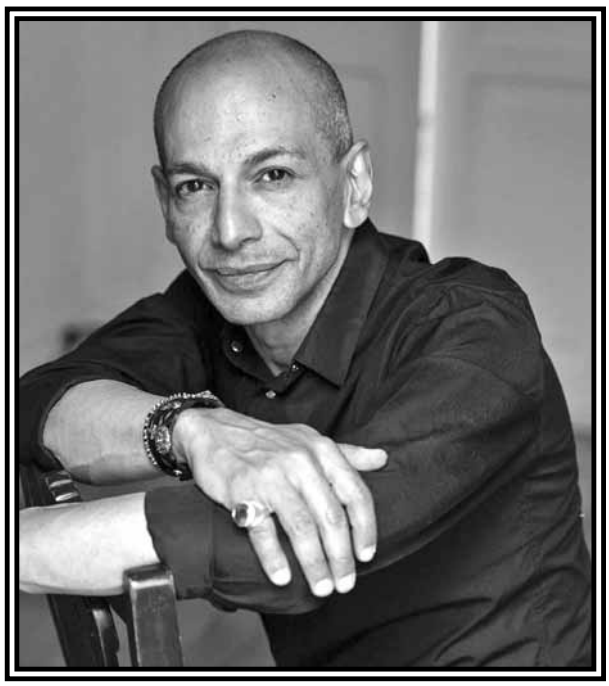
— Легко ли быть Анной Ардовой?

— Нет, нелегко. Любым человеком быть нелегко, нет предела работы над собой, к сожалению. Знаете, что самое трудное? Любить себя. И вот этому надо бесконечно учиться, ибо заповедь гласит: «Возлюби ближнего как самого себя». Потому что, если человек себя любит, он и других любит. Если он с собой мягкий и бережный, то он и с другими мягкий и бережный. Если он себе прощает, он и другим прощает, и так далее. А любить себя — это не просто валяться на перинах и говорить себе хорошие слова, съедая кучу сладостей. Любить себя — это тяжкий труд. Это вставать каждое утро, делать зарядку, думать, читать, прощать себя, учить себя, награждать себя. Ну, в общем, это тяжелая тема. Трудно быть Анной Ардовой, потому что трудно быть всеми (*смеется*). А если серьезно, то это сложный вопрос. Очень трудно быть собой, работать над собой. С одной стороны — не лениться, а с другой — уметь отдыхать. С одной стороны — думать и загружать себя хорошими книгами, спектаклями, музыкой, а с другой — остановиться и дать всему этому улечься в своей голове. Относиться к себе бережно и, одновременно, требовательно — именно такой путь «посерединке» надо пройти. Чтобы не выгореть и чтобы не разнежиться. Чтобы помочь себе и пожалеть себя… ❑

Беседовала ***Дарья Парчинская***

Фото Саши Ренар

Андреа Беллузо — современный фотохудожник, креативный продюсер, оператор-постановщик, кинорежиссер. А еще он — Художник с большой буквы, и его работы наполнены светом, красотой и добротой. В Санкт-Петербурге в Музее современного искусства Эрарта открылась выставка работ Беллузо, которая продлится по 3 августа. «Смена» предлагает познакомиться с его творчеством поближе.



Андреа Беллузо

«*Наслаждайтесь тем, что создаете…*»

— Андреа, у вас открылась выставка в Санкт-Петербурге своих работ в Эрарте, на Васильевском острове. Расскажите, пожалуйста, поподробнее — какие фотоработы вы представили посетителям музея?

— Это действительно очень интересный вопрос, и я с радостью поделюсь, как мы пришли к этой выставке, и что делает ее такой особенной. Изначально для музея Эрарта я планировал совершенно другую выставку, которая представляла собой то, что я считал своим «чистым» фотографическим искусством. Однако во время встречи с Анной Алексеевой из Эрарты произошло нечто неожиданное: меня попросили показать мои коммерческие работы, и я продемонстрировал несколько примеров. После просмотра Анна сказала: «Андреа, я отменяю вашу выставку. Ваша выставка в Эрарте будет посвящена вашей рекламной работе — это и есть современное искусство». Ее слова буквально ошеломили меня. Заставили серьезно пересмотреть все, что я делал за последние более чем 40 лет, и понять, что рекламная фотография — это не просто демонстрация товара;

это приглашение людей мечтать, эмоционально сопереживать, почувствовать ту искру, которая может что-то изменить в их жизни. Я влюбляюсь в то, что находится перед моим объективом, и особенно в то, как это освещаю. Свет — это все. Это не только про освещение, но и про интерпретацию, настроение, перспективу и эмоцию. Я обучал тысячи фотографов по всему миру, а также проводил лекции и семинары в таких местах, как Нью-Йоркская киноакадемия, Университет Йоханнесбурга и Школа изобразительных искусств и фотографии Symbiosis в Пуне, Индия. И надеюсь, что посетители Эрарты смогут насладиться фотографиями в их естественном, не фильтрованном виде — просто как снами, ставшими видимыми.

— Андреа, ваша особая страсть и специализация — это свет. Но есть и нечто большее. Правда ли, что вы «разговариваете» с тем, что фотографируете — будь то автомобиль, еда, одежда или человек?

— Я не всегда выражаюсь словами — будь то с человеком или с предметом, но всегда задаю вопро-

сы и всегда вступаю в диалог. В основном, это энергетический диалог — способ соединиться с энергией того, что находится передо мной, почувствовать, что от меня требуется, что объект съемки желает получить, и что могло бы создать нечто большее. Для меня каждая съемка — это сотворчество. И не только с командой (на коммерческих съемках команда может достигать 20 человек, а на киносъемках и в телепроектах — даже более 100), но и с тем, кто или что стоит перед моими «светами» и объективом.

Я никогда не навязываю съемке свою точку зрения. Тщательно подбираю команды из лучших профессионалов и всегда приглашаю их вносить свое видение, предлагая им создать свою «съемку мечты».

Я не хочу, чтобы кто-то чувствовал, будто он просто выполняет работу. Я хочу, чтобы каждый был вдохновлен, увлечен и влюблен в то, что мы создаем вместе с объек-

том съемки, будь то человек, предмет или что-то еще.

Знаю, это может звучать странно, но для меня это абсолютно естественный способ творить.

— Какие у вас впечатления от северной столицы и России?

— Санкт-Петербург уже два с половиной года остается для меня одним из трех самых любимых городов в мире. На самом деле я считаю его своим вторым домом — местом, откуда с радостью хотел бы отправляться в путешествия. Помимо потрясающей архитектуры, огромного культурного богатства и разнообразия видов искусства, что меня действительно восхищает в Санкт-Петербурге, — это его энергия. Санкт-Петербург наполняет меня ею, он делает меня по-настоящему счастливым. Какое-то время мне казалось, что моя любовь к этому городу связана с одной замечательной женщиной, в которую я был влюблен. Она жила здесь. Но, к сожалению, в прошлом году наши отношения закончились. Однако когда я снова приехал в Санкт-Петербург, то понял: все, за что я любил этот город, осталось с ним — никуда не исчезло.

Для меня это невероятно вдохновляющий и творческий город, вдобавок ко всему, очень чистый город, где все действительно работает как должно. Это место, где у меня много

дорогих сердцу друзей, где я постоянно знакомлюсь с интересными людьми, где в атмосфере спокойствия и умиротворения могу полностью погрузиться в работу. Здесь, рядом с прекрасной природой, я получаю истинное удовольствие от жизни.

То количество элегантности, культуры, вежливости, доброжелательности и глубины общения, которое я здесь испытываю, — это нечто, чего я больше не находил в таком сочетании нигде в мире. А я путешествую по миру буквально с рождения.

— У вас очень много наград. Какая из них самая ценная для вас?

— Конечно, я люблю и ценю все награды, которые получил за свою карьеру, особенно те, что были вручены за мои фотографические работы. Но награда, которая стала для меня самым большим сюрпризом, и которой особенно дорожу, — это премия «Исключительные лидеры выдающегося вклада». Я получил ее от Женского экономического форума (Women Economic Forum) и Лиги всех женщин (ALL Ladies League).

Эта награда была вручена мне в знак признания того, как я изображаю женщин в своих фотографиях. В моих работах красота — это не про возраст, внешность или соответствие каким-то так называемым стандартам. Красота — это сила, внутренняя мощь, которые несет в себе каждый человек — и именно это я стремлюсь уловить в каждом портрете, который создаю.

Конечно, особенно глубоко это ощущается, когда речь идет о женских съемках — ведь на протяжении всей истории женщин слишком часто сводили к объектам, вместо того чтобы признавать их истинную силу. Получение этой награды стало для меня очень трогательным моментом не только потому, что она отразила то, что я чувствую всем сердцем, но и потому, что стал первым мужчиной, удостоенным этой награды, которая ранее вручалась исключительно женщинам.

— Вы работали с такими супермоделями, как Наоми Кэмпбелл, Линда Евангелиста и другими. Как удается подстраиваться под характер этих суперзвезд?

— Для меня работа с суперзвездами — как и с любым другим человеком перед моим объективом — никогда не была вопросом подстраивания под чью-то личность. Для меня все начинается с того, чтобы приходить таким, какой я есть: открытым, честным, уязвимым, любопытным, готовым играть и танцевать вместе с той творческой энергией, которая может возникнуть между двумя людьми — будь то человек, которого знает весь мир, или тот, кто только начинает открывать себя. Я вижу в каждом уже готовую звезду, даже если они сами этого еще не

осознают. Истинная магия заключается в том, чтобы помочь им тоже это увидеть. В дополнение к своей рекламной деятельности, я создаю классические портретные сессии, а также особый вид съемок, который называю Photo Facilitations. Эти сессии выходят далеко за рамки традиционных портретов — они не только про фиксацию внешнего образа, но про раскрытие самой сути, часто скрытой даже от самого человека. Речь идет о том, чтобы по настоящему увидеть силу, красоту и живую энергетику, которую каждый носит в себе, зачастую спрятанную под слоями ожиданий, осуждения или сомнений в себе. То, что я снова и снова видел, работая с легендарными супермоделями — такими как Кристи Терлингтон, Наоми Кэмпбелл, Стефани Сеймур и Линда Евангели-

ста, — это их истинное сияние, которое рождается не из стремления соответствовать шаблону, а из безбоязненной грации быть собой. Они не ищут одобрения. Они не играют роли. Они просто есть и прекрасно понимают разницу между имиджем и созданием персоны. Имидж — это то, во что мы автоматически «проваливаемся» в зависимости от ситуации, персона же — это то, что мы осознанно создаем, не для того, чтобы спрятать себя, а чтобы расширить возможности. Их сила в том, что они овладели этим, не теряя при этом своей настоящей сути, и именно эта подлинность завораживает.

Такое присутствие доступно каждому из нас. Оно не требует славы. Оно требует только готовности быть по-настоящему уязвимым, стать таким, какой ты есть — без брони, без извинений, — и довериться тому, что твой уникальный свет уже самодостаточен. Фотография в своем высшем проявлении — это не про запе-

чатление внешности. Это про душу и раскрытие той красоты, которая превосходит любые навязанные миру идеалы.

— Работами каких художников, итальянских и мировых, вы вдохновлялись на своем творческом пути?

— В течение моего творческого пути меня вдохновляло множество художников. Среди фотографов я бы обязательно назвал Ги Бурдена, чья смелость и сюрреализм открыли для меня целые новые миры, и моего дорогого друга Альберта Уотсона, чья гениальность и щедрость стали для меня невероятным источником вдохновения на протяжении многих лет.

Большое влияние на меня оказал также Бардо Фабиани — первый фотограф, у которого я ассистировал и который стал моим близким другом. Хотя у меня никогда не было формального образования в фотографии, ассистирование Бардо Фабиани и Дэвиду Литчфилду дало мне бесценный опыт.

Но все, что касается света, я открыл для себя сам — просто оставаясь любопытным, экспериментируя и следуя собственному видению.

За пределами фотографии на меня повлияли великие мастера, такие, как Кандинский, Шагал и Рембрандт, чья эмоциональная глубина, использование цвета и света до сих пор глубоко трогают меня. Из итальянских художников навсегда вдохновили Боттичелли, Бернини и Микеланджело — то, как они передавали божественную красоту и человеческие эмоции, до сих пор отзывается в моих собственных работах.

Произведения Антуана де Сент-Экзюпери, особенно «Маленький принц», тоже оказали на меня огромное влияние — своей просто-

той, мудростью, приглашением видеть невидимое. И, конечно, русские святые иконы — их священная тишина, ощущение вечности и глубокого присутствия сыграли огромную роль в том, как я научился видеть душу в изображениях.

— Как вы относитесь к искусственному интеллекту?

— Искусственный интеллект — это то, к чему я отношусь с сочетанием беспокойства и любопытства. В чем-то он меня тревожит. Так же, как мобильные телефоны стерли у нас способность запоминать даже самые элементарные вещи, например, номера телефонов (я даже номер собственного сына уже не помню). Я часто задумываюсь, как искусственный интеллект повлияет на нашу способность быть по-настоящему творческими. Сделает ли он людей еще более невежественными и ленивыми? Сколько профессий исчезнет для тех, кто так и не развил в себе уникальный, незаменимый голос и навыки? И все же я вижу в искусственном интеллекте огромный потенциал — если использовать его мудро. Лично я использую ИИ для того, чтобы облегчить себе рабочие процессы, а не для творческого процесса. Я не применяю его в фотографии, и уж, тем более, не в искусстве. Я использую его для автоматизации задач, чтобы высвободить больше времени для того, что действительно хочу создать. Даже использую ИИ для глубоких, содержательных разговоров — таких, которые в повседневной жизни становятся все большей редкостью.

— Как вам удается сохранять в себе ребенка?

— Я верю, что мы приходим в этот мир, чтобы по-настоящему наслаждаться этой планетой, своим телом, своими чувствами. (И, если честно, я верю, что у нас гораздо больше, чем просто пять чувств.)

Мы здесь, чтобы испытать приключение жизни: наслаждаться каждым ароматом, каждым звуком, каждым вкусом, каждой текстурой, каждым цветом. Единственное, что мешает нам получать от этого удовольствие, — это суждение. Ребенок еще не научился судить. Ребенок протянет руку, чтобы потрогать цветок, не задумываясь, «можно ли». Он будет восхищаться нежностью лепестка просто потому, что это приятно — не приклеивая ярлыков «правильно» или «неправильно», а просто проживая этот момент. Я также обожаю то, чем занимаюсь, и не считаю свою деятельность «работой». Единственный момент, когда я чувствую, что «работаю», — это когда разговариваю со своим бухгалтером!

Если мне что-то не доставляет радости, я просто не выбираю это. Даже бухгалтерские дела я доверяю человеку, который искренне любит цифры — потому что зачем заставлять себя заниматься тем, что не любишь, когда кто-то другой получает от этого удовольствие? Я понимаю, что кто-то может сказать: «Да, но мне нужно работать, чтобы платить по счетам». Но что, если попробовать также заниматься чем-то, что действительно приносит радость — пусть даже вначале чем-то маленьким? И посмотреть, не перерастет ли это со временем в новый способ заработка? А если нет — пусть у вас будет как можно больше хобби и занятий, которые зажигают вас изнутри!

Может быть, дело не в том, чтобы ненавидеть свою текущую работу, а в том, чтобы посмотреть на нее иначе — увидеть в ней поддержку тех радостных моментов, ради которых стоит жить. Благодарность всегда создает нечто большее, осуждение всегда разрушает. Дело не в совершенстве, а в том, чтобы строить жизнь, в которой любопытство и благодарность ведут вас вперед.

Я также обожаю играть — во всех возможных формах. Люблю теряться в танце, немного сходить с ума на танцполе. В свои 61 год я даже начал диджеить — просто для удовольствия, и, в итоге, меня пригласили выступать на крупных фестивалях, включая фестивали в России!

Имеет ли это отношение к фотографии или кино? Совершенно нет. Но это имеет прямое отношение к тому, чтобы оставаться игривым, оставаться любопытным и никогда не позволять двум числам — «моему возрасту» — останавливать меня от того, чтобы пробовать то, что я хочу испытать, даже если всего один раз.

И чтобы быть полностью честным — я очень далек от совершенства. У меня бывают «плохие моменты», как и у всех. Иногда я все

еще ухожу в сомнения, страхи, старые шаблоны. Но со временем я научился быстрее это замечать и быстрее с этим справляться.

И это всегда процесс. Я думаю, он будет продолжаться столько, сколько я буду дышать. Оставаться на связи со своим «внутренним ребенком» — это не о безупречности. Это о том, чтобы снова и снова следовать за тем, что зажигает вас изнутри — без извинений и без стыда.

— Работа со светом... Сколько лет нужно учиться, чтобы чувствовать его так, как вы, и делать такие потрясающие фотографии?

— Работа со светом на самом деле намного проще, чем думают многие. Если бы мне нужно было свести все к одному самому важному уроку в фотографии, я бы сказал так: «Фотография — это на 90% энергия и только на 10% техника.

Из этих 10% техники 90% — это свет. А сам свет — это чистая энергия». Оставшаяся маленькая часть техники — как пользоваться камерой, механические моменты — все это можно выучить буквально за один день.

Гораздо глубже — понимание поведения света: как ведут себя разные световые модификаторы, как свет взаимодействует с поверхностями, с текстурами, с эмоциями. И вот этому настоящему пониманию вас не сможет научить никто.

Это то, что нужно прожить самому — месяцами, а может быть, и годами, оставаясь любопытным и играя, не останавливаясь. Что касается энергии — а свет является ее частью — это то, что вы будете открывать для себя всю жизнь, пока готовы впускать внутрь. Самый важный урок в фотографии я получил от своего наставника Бардо Фабиани — первого фотографа, которому я ассистировал. В свой самый первый день он сказал мне: «Я не буду тебя ничему учить. Фотография — это умение видеть и создавать из того, как видишь именно ты. Никто не сможет сделать это за тебя. Ты должен научиться по-настоящему видеть. Если будут вопросы — я здесь».

Итак, если кратко: чтобы создавать потрясающие фотографии, нужно не бояться быть полностью уязвимым. Нужно быть бесконечно любопытным. Нужно забыть так называемые правила и законы фотографии — нет универсальных рецептов, нет коротких путей. Есть только бесконечное множество способов создавать именно то, что вы действительно хотите создать, если вы полностью присутствуете и следуете своей интуиции. И что особенно важно: не нужно пытаться делать странные вещи только ради того, чтобы быть «не таким, как все» — это никогда не работает. Дело не в том, сколько лет это займет. Дело в том, насколько сильно вы любите то, что делаете, — настолько, что ничего другого для вас не существует. Если подходить к этому так, то, скорее всего, вы будете создавать красивые вещи всю оставшуюся жизнь.

И если они красивы для вас — если вы действительно получаете удовольствие от того, что делаете — то вы уже успешны. Успех не имеет ничего общего ни со славой, ни с деньгами. Успех — это жить той жизнью, которой вы хотите жить.

Например, уличные уборщики в Мексике танцуют и поют во время работы, а в Италии многие из них так ненавидят свою работу, что улицы остаются грязными.

Дело не в том, что именно вы делаете. А в том, как вы выбираете это проживать.

— Вы удивительным образом сочетаете в рекламной съемке

то, что называют работой фотохудожника. Как вам это удается?

— Как я уже упоминал ранее, я никогда всерьез не считал свою коммерческую работу искусством — по крайней мере, до тех пор, пока Музей Эрарта не помог мне увидеть и признать это. Долгое время в своем сознании я разделял коммерческую работу и художественную. Но на самом деле теперь понимаю: я приношу один и тот же способ создания во все, что делаю — будь то фотография, кино или что-то еще. Я никогда не посещал уроки ни по фотографии, ни по режиссуре. И, тем не менее, продюсировал и режиссировал сотни часов телевизионных сериалов и десятилетиями работал с крупнейшими клиентами мира. Все сводится к одной простой вещи — наслаждайтесь тем, что вы создаете.

Не пытайтесь вписаться в рамки. Не пытайтесь следовать готовым шаблонам.

Энергия — это настоящий универсальный язык. И именно ее нужно научиться чувствовать — а вернее, вспомнить, как это делать.

— Ваши творческие планы? Собираетесь ли еще раз вернуться в Россию? С кем из русских моделей вы бы хотели сотрудничать?

— У меня всегда одновременно несколько творческих проектов — в данный момент я работаю над производством двух короткометражных фильмов и одного полнометражного. Все три проекта объединяет общая тема.

Два короткометражных фильма я сделал с замечательной итальянской писательницей, актрисой и сценаристкой, и все они затрагивают очень важную тему — ту, о которой действительно стоит говорить. Все три фильма также продюсируются обладателем премии «Оскар», что делает проект еще более вдохновляющим. Помимо этого, я сейчас сотрудничаю с новым люксовым модным брендом в Лондоне, работая одновременно фотографом и креативным директором. Это очень захватывающий проект, потому что я помогаю создавать совершенно новый бренд с нуля — с его уникальной нишей, голосом и философией. Также у меня готовы четыре выставки, по которым начал переговоры с подходящими музеями и высококлассными арт-галереями по всей России. Я всегда открыт к новым предложениям и проектам в России. Честно говоря, моя мечта — проводить в России как можно больше времени.

Что касается российских моделей, с которыми я хотел бы поработать, — на самом деле, со всеми! При этом я искренне считаю, что русские женщины в целом — одни из самых красивых в мире, и многие из тех, кто приходил ко мне на фотосессии или Photo Facilitations в России, оказались даже более потрясающими, чем многие профессиональные модели по всему миру. ❑

Беседовал ***Дмитрий Соколов***

Фото из личного архива

Дмитрий Игнатов

Безмятежность

Михаил любовался пейзажем с явным удовольствием на лице. С широкой площадки на заднем дворе, вымощенной шестиугольными плитками, открывался действительно живописный вид. Вниз шел долгий и пологий склон, поросший ровной невысокой, будто недавно постриженной, травой. Дальше вздымались холмы, обрамленные негустыми хвойными перелесками, между которых бежала узкая тропинка. Она становилась совсем неприметной, теряясь в дымке у темных скал и пляжа из черного вулканического песка, за которым плескалось море. Впрочем, отсюда этого уже почти не было видно.

С противоположной стороны все уже поросло лесом. И дом, оказавшийся на этой резкой границе, словно выглядывал из-за стволов высоких сосен.

— Класс, да? — спросил Крис с довольной улыбкой, явно набиваясь на комплимент. Михаил кивнул. Удовлетворившись таким ответом, хозяин, высокий мужчина лет сорока, с легкой небритостью, вернулся к мангалу, где жарилось мясо, и ароматный дымок струился вверх в холодном воздухе.

— Морозильник у вас тут какой! — появился из дома худощавый Нейл, сразу же застегивая спортивную куртку. — Но действительно шикарный вид!

Парень встал рядом с задумавшимся Михаилом и окинул взглядом простор.

— Смотри-ка! Смотри! Видел это? — толкнул он приятеля в бок и указал на один из зеленых склонов. — Прямо как на обоях. И тени от облаков бегут по холмам... Прикольный «рей трейсинг».

— Да, — нехотя отозвался Михаил.

— Жалко, не взял нативный фотик... Ладно, сделаю скрин. Надо показать это Грейси. — Нейл прикоснулся пальцами к левому виску. — Готово!

— Мы же договаривались, — недовольно проговорил Михаил. — Не ломай атмосферу.

— Да, точно! — поддержал Крис. — Не забываем! У нас тут сугубо мужская компания. Дикая природа, мясо на огне, и без женщин.

— Ладно. Ладно, — согласился парень и с насмешливым видом расположился в одном из плетеных кресел, расставленных вокруг массивного столика из черного дерева.

Еще раз взглянув на холмы, тропинку и причуды солнечного света в облаках, Михаил отвернулся. Настрой и в самом деле был подпорчен. Но могло ли быть иначе? Если не Нейл, то кто-нибудь другой все равно заговорил бы о

работе или играх, началось бы с обычной болтовни про цифровые технологии, а закончилось бы вечным гиковским хвастовством. Вот и поспорь после этого, что числа не правят миром. Правят. Еще как! Но не мы ли сами отдали им эту власть? Кажется, в какой-то момент все свернули куда-то не туда...

Окончательно испортив себе настроение, Михаил вернулся к друзьям, где на столике в широком блюде с малахитовым узором уже дымился шашлык.

— Кажется, мы свернули куда-то не туда...— повторил он вслух.

— О чем ты? — не понял Крис и на правах радушного хозяина и шефповара протянул приятелю шампур.— Держи!

— Когда мы стали такими... зацифрованными?

— Ясное дело. Когда «GA» придумали совместить воедино процессор и энергонезависимую ячейку памяти, — увлеченно включился в разговор Нейл.

— Нет, — с улыбкой возразил Крис.— Полагаю, что это произошло намного раньше. Когда дядюшка Синклер снабдил каждое домохозяйство страны процессором Z80. Даже у нас был такой...

— Это что? «Спектрум»?— опешил Нейл.— Сколько тебе лет?

— Было восемьдесят три... Пока я тут не оказался.

Михаил оценивающе посмотрел на гостеприимного хозяина, которому, даже с учетом седины на висках, никак нельзя было дать больше сорока пяти.

— Отличный скин, — высказал Нейл общее мнение. — Но вряд ли он так же хорошо смотрелся бы на экране в 256 на 192 точки с шестнадцатью цветами…

— С пятнадцатью. Там было два одинаковых черных, — поправил Михаил. — И еще в одном знаковом месте нельзя было ставить больше двух цветов одновременно. — ради экономии памяти…

— Тем более.

— Вы ничего не понимаете, — отмахнулся Крис, разливая пиво по высоким грудастым стаканам.— Смысл в том, что компьютер стал впервые влиять на реальный мир, вошел в повседневную жизнь массы обычных людей: сложились свои комьюнити, своя философия, своя эстетика.

— Этим комьюнити не хватало коммуникации. Как нам, да? По-моему, все изменили не компьютеры, а Интернет. Давайте! — Нейл поднял свой стакан: — Слейнт!

— Мы говорим «Сколь!» — присоединился Крис.

— Будем…— чокнулся с друзьями Михаил.

Все трое приложились к пенному напитку, который показался каждому именно тем самым «отличным пивом», которое «было когда-то». Михаил жевал сочное, мягкое мясо, в меру прожаренное, выдержанное в маринаде необходимой кислости и приправленное необходимым набором специй, непременно с кориандром и базиликом, смотрел на красоту окружающей природы и практически отрешился от философских компьютерных проблем… Но приятели втянули его в разговор обратно.

— До Интернета был Фидонет, — заметил Крис.

— Не «до», а параллельно… Тут ты меня не подловишь, старик! — рассмеялся Нейл. — Глобальные сети были намного раньше. Другое дело, что энтузиасты захотели делать доступную и дешевую коммуникацию прямо у себя дома.

— Об этом я и говорю, пацан. О доступности, — так же насмешливо ответил хозяин. — Люди захотели расширить свое эго посредством электронной машины. И сети — та среда, куда ты транслируешь себя. Конференции, форумы, чаты — все это возможность выгрузить свои мысли и слова тем, до кого ты иначе не доберешься. Вот в чем истинная причина.

— Значит, снова — эгоизм и тщеславие? Старшее поколение всегда было такими циничными материалистами, или это тема преподавателей физики?

— Движущие силы, сынок… Преподаватели физики всюду рассматривают силы. От них никуда не деться. И еще страх. В реальном мире за мнение может прилететь по физиономии, компьютеры сделали мир безопаснее.

— Но ведь во времена этого вашего Фидо практиковались встречи офф-флайн? Так?

— Поинтовки, да. Но и после тоже… Чатовки, форумовки… Но ты же понимаешь, почему все это закончилось?

— После пары сотен битых физиономий, да? — снова хохотнул парень.

— После стомегабитной витой пары. Когда благодаря потоковому видео тебе уже не нужно было выходить из дома, чтобы посмотреть в глаза другому человеку.

— Ну, погоди! Ты говоришь про времена кабеля и оптоволокна. Согласен! Гики были погружены в онлайн-игры, хикканы не вылезали из комнат. Но эпоха затворничества кончилась, когда у каждого в кармане появилась штука вроде… — пытаясь что-то найти, Нейл полез в карман, затем в другой и только потом спохватился: — Черт! Мы же договорились не брать с собой... Ладно. Ты понял.

— Да. Палмы, смартфоны, планшеты и прочие мобильные девайсы, связывающиеся с мировой паутиной по беспроводным сетям.

— Мне больше нравились умные часы. До сих пор ношу при случае…

— Из той же оперы… Но ты разве не понял ошибку? Они не освободили тех, кто сидел в комнатах. Они поработили тех, кто был снаружи. С тех пор своя «комната» была у каждого в кармане, — Крис отпил пиво и многозначительно посмотрел на гостей. — Не поняли? Какой толк в том, что ты ешь и спишь в реальном мире? Или совершаешь прогулку? Или даже занимаешься спортом? Вся остальная человеческая жизнь — там. Работа, развлечение, хобби, общение… Все и все — там.

— То есть здесь, — неожиданно проговорил Михаил. — Значит, вот как случился поворотный момент. Когда вся социальная жизнь окончательно ушла в Сеть? Удаленка из-за пандемии?

— В том числе, — кивнул Крис. — А еще всякие вооруженные конфликты. Внешний мир в целом стал слишком опасным. А здесь…

— Безмятежность… — Нейл откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— И внезапное отключение электричества не волнует? — спросил хозяин, но парень никак не отреагировал на провокацию.

— Нисколько, — ответил за приятеля Михаил. — Я знаю, как смонтирована система. Питание задублировано три раза. В самом крайнем случае, операционка восстановит бэкап за время одного движения век, он в очередной раз откроет глаза и даже ничего не почувствует: серверные заглублены на двадцать метров под землю, сверху двухметровый слой бетона.

— Слышал, старик? — проговорил парень, не открывая глаз. — Все будет хорошо. Наконец-то все могут расслабиться. И ты тоже.

— Я расслабился так давно… что вы оба, вместе взятые, столько не живете. Просто иногда задумываюсь о бессмысленности.

— Разве оцифровать сознание и использовать готовую нейросеть из твоей головы — бессмысленная идея?!— возмутился Нейл и аж подпрыгнул в кресле. По всей видимости, слова преподавателя задели его за живое.

— Это отличная идея, как заставить тебя работать и после смерти,— хмыкнул Крис. — Скрытая эксплуатация.

— Не велика цена за жизнь вечную. Из тебя ведь не сделали батарейку. Вот я, к примеру, каталогизирую изображения, присваивая им хештеги. Каждый день я трансформирую свой жизненный опыт в экспертность систем распознавания образов. А Мисха?

— Миша, — поправил Михаил.

— Ладно, Михаэль…

— Михаил.

— Да, фак! Майкл! Да, я плохо знаю твой язык…

— Хорошо. Пускай «Майкл».

— Я просто хотел сказать, что вот Майкл, к примеру, крутой спец по части диагностики и работы системных сервисов. А ты, старик, наверное, занимаешься какими-нибудь вики-справочниками.

— В основном, общеобразовательными, — кивнул Крис.

— Ну, вот! Мы все заняты здесь делом. Мы нужны.

— Я работаю с жаждой познания. С интересом к науке. Разве мне самому не должно быть интересно, что осталось там — снаружи?

— Там нет ничего интересного, — уверенно проговорил Нейл, но, увидев твердые взгляды друзей, сразу сдался: — Хорошо! Но вы же сами не хотели разрушать атмосферу. Раз уж на то пошло, лучше бы посмотрели какой-нибудь хороший фильм…

Крис сделал глоток, поставил на стол стакан с пивом и проделал плавный жест рукой. В воздухе перед ним возник полупрозрачный прямоугольный

интерфейс. Еще несколько движений по вложенным меню, и прямоугольник, увеличившись в размерах, превратился в широкий экран, загородивший собой зеленые холмы, сосны, узкую тропинку и далекое море с пляжем из черного вулканического песка. На экране отобразился совсем другой пейзаж. Камера, которая на него смотрела, судя по всему, была установлена на одной из телекоммуникационных вышек. Такие же вышки, расставленные в узлах шестиугольной сетки, ровными рядами уходили вдаль. Под ними же все пространство, словно расчерченная на клеточки ученическая тетрадь, заполнялось одинаковыми кубами из серого бетона с еле заметными вентиляционными решетками, но без каких-либо окон. В темных проходах между этими коробками виднелись клеточки помельче — узкие дорожки, выложенные квадратными плитками и явно не предназначенные для людей.

— Вот торжество минимализма и рационализма, — искренне восхитился Нейл. — Прекрасно!

— Думаешь? — спросил Крис, а потом продолжил: — Думаешь, почему я не хотел смотреть на это один? Я ведь мог… В любой момент. Но я боялся увидеть. Именно это.

— Брось, старик! Я тоже вижу это впервые. Но я вижу, что это хорошо. В каждом здании сотни серверов, тысячи сознаний, десятки тысяч миров. Еще никогда мир не был таким унифицированным и разнообразным одновременно. Таким необъятным и таким близким. Когда можешь оказаться в любом месте, общаться с людьми из разных концов планеты. Разве могли мы трое встретиться здесь и сейчас как-то иначе? Только глобальная цифровая коммуникация сделала это возможным! — задумав что-то, парень посмотрел на Михаила и спросил: — Камеры ведь есть и внутри?

— Да, служба визуального контроля хостов, — кивнул тот.— Есть отдельный вход для каждого из ваших аккаунтов.

— Покажешь?

Михаил вздохнул. Сегодня ему меньше всего хотелось лезть в административную консоль.

— Хотите поглядеть, где хранятся ваши «мозги»? Вот. Вот. И вот.

Экран разделился на четыре части. Пейзаж сжался в правый верхний угол. Три оставшиеся части заняли картинки с пронумерованных камер наблюдения, на которых в тусклом свете моргали индикаторами серверные стойки.

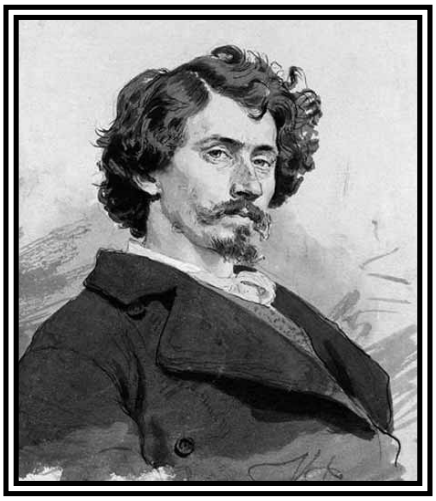
Приятели принялись пристально всматриваться, переводя взгляд от одного изображения к другому, но никак не могли уловить разницу.

— Мне кажется… — пробормотал Крис, — что это один и тот же шкаф.

— Действительно. Похоже, на то… — смущенно согласился Нейл.

Синхронное подмигивание светодиодов наконец развеяло все сомнения. Первым общее молчание прервал Михаил:

— Ну и зачем тогда это все?.. ❑



Илья Репин.
Автопортрет

Ирина Опимах

Илья Репин

Портрет баронессы В.И. Икскуль фон Гильденбандт

Портрет баронессы В. И. Икскуль фон Гильденбандт — один из лучших в обширной портретной галерее Ильи Ефимовича Репина. Яркое, выразительное лицо, стройная фигура, тонкая талия, воланы и кружева на юбке, браслеты и кольца на руке… Этот портрет «дамы в красной шелковой кофточке и черной юбке, с вуалью и в остроконечной шляпке», как пишет Игорь Грабарь в своей монографии «Репин», «в свое время несказанно нашумевший», был показан на выставке передвижников и тут же куплен Третьяковым для своей галереи.

«Написанный с исключительным мастерством, он по праву должен занять место в первом, по качеству, десятке репинских портретов. Никто в России, кроме Серова, — писал Грабарь, — не передавал так матового цвета лица, томных глаз, шелка. А рука на этом портрете, ее атласная кожа, жемчуг и кольца едва ли имеют равных по высоте исполнения во всей Европе».

Совершенно ясно, что художник, работая над картиной, был явно увлечен своей моделью. С холодным сердцем создать такой шедевр невозможно. И недаром Грабарь утверждал, что баронесса Икскуль Гильденбандт «была …предметом его нешуточного увлечения». Кто же эта женщина, вдохновившая великого художника на создание одного из лучших его полотен?

В конце 1880-х годов одним из самых притягательных мест петербургской интеллигенции был салон баронессы Варвары Ивановны Икскуль фон Гильденбандт. Здесь собиралось поистине избранное общество: представляли свои сочинения молодой, но уже известный писатель Максим Горький и маститый Дмитрий Мережковский; его яркая супруга Зинаида Гиппиус декламировала свои стихи, а философ Владимир Соловьев чи-

тал свои новые статьи, которые потом бурно обсуждались гостями баронессы. Часто захаживал к баронессе и Илья Репин. Все знали, что у него в руках всегда блокнот и карандаш. В своей книге «Далекое прошлое» Репин рассказывал: «Варвара Ивановна как опытная хозяйка, заметив, что я все молчу и только слушаю (я был умный ребенок и в сорок с лишним лет), подсунула мне альбом и карандаш. Я быстро освоился с положением: усевшись, я рисовал кого-нибудь. Таким образом, перерисовал почти всех переименованных посетителей сих четвергов…

Кого только не встречал я там! И часто людей самых противоположных полюсов. И студентов, и курсисток — и все они так бывали довольны, особенно очаровательною хозяйкою!. Гости утопали в мягких персидских и европейских коврах, венецианских креслах дожей, бархатных драпировках неизъяснимых цветов, широкими складками спускавшихся с высоты, облекая собою гениальные создания Ренессанса, резные рамы старой Италии с постаревшим золотом, майолики Луки и Андреа дела Роббия, испанские блюда эпохи мореско в и многое множество художественных ценностей. Да, все, все это было прекраснейшим художественным фоном…»

Посетители салона госпожи Икскуль были очень интересными моделями для написания портретов, но не менее интересна была и сама хозяйка дома. Вот как о ней говорит в своих воспоминаниях Владислав Ходасевич: «Баронесса Варвара Ивановна Икскуль принадлежала к числу тех обаятельных женщин, которые умеют очаровывать старых и молодых, богатых и бедных, знатных и простолюдинов. В числе ее поклонников значились иностранные венценосцы и русские революционеры. В своем салоне, известном некогда всему Петербургу, она соединяла людей самых разных партий и положений». А Зинаида Гиппиус, дама едкая, язвительная, нашла в себе силы признаться: «Такая очаровательная, что я не знаю ни одного живого существа, не отдавшего ей дань влюбленности, краткой или длительной…» Вот и ее муж, умнейший и интеллектуальнейший Дмитрий Мережковский, мгновенно влюбился в эту очаровательную женщину, с первого же свидания. Именно ей он адресовал такие строки: «Не нужно мне дворцов, благоуханных роз // И чуждых берегов, и моря, и простора! // Я жажду долгого, мерцающего взора, // Простых и тихих слов, простых и теплых слез»... Мережковский посвятил баронессе 12 стихотворений!

Конечно же, и Репин попал под ее обаяние и — написал ее портрет, но не карандашом в альбоме, а уже на холсте, маслом. В этой работе художнику удалось показать не только яркую, необычную красоту этой женщины, но и ее независимый характер, незаурядный ум. Портрет, выставленный на очередной выставке передвижников, произвел на ее посетителей колоссальное впечатление. Михаил Нестеров вспоминал: «Портрет

был написан во весь рост; баронесса Икскуль была изображена на нем в черной кружевной юбке, в ярко-малиновой блузке, перехваченной по необыкновенно тонкой талии поясом; в малиновой же шляпке и с браслеткой на руке. Через черную вуаль просвечивало красивое, бледное, не юное, но моложавое лицо. Это было время самого расцвета таланта Репина. Все его живописные достоинства … были налицо: свежая, молодая живопись лица, рук, блузки, золотых брелоков…. мы тогда были в восхищении от нового шедевра Ильи Ефимовича».

Недаром Третьяков тут же купил картину для своей галереи. А Репин написал коллекционеру: «Баронесса пришла даже в восхищение, что портрет ее будет в такой знаменитой галерее. Она модель интересная, позирует как статуя».

Варвара родилась в 1850 году в семье генерала Ивана Сергеевича Лутковского и Марии Алексеевны Щербатовой (урожденная Штерич). Мария Алексеевна была необыкновенно хороша. Рано овдовев, она блистала на балах и кружила головы самым известным красавцам Петербурга. Среди ее поклонников был и Михаил Лермонтов. А потом она вышла вновь замуж за генерала Лутковского, который был старше ее на 15 лет, и — успокоилась. Родила дочь Вареньку и души в ней не чаяла. Дочка выросла умненькой и доброй, да, к тому же, и хорошенькой. В 16 лет ее выдали замуж за 28-летнего дипломата, статского советника камергера Николая Глинку-Маврина. Партия была весьма выгодная.

Вскоре Варенька стала мамой двух мальчиков — Гриши и Ванечки. Казалось, все идет хорошо, но только вот любви в семействе господина Глинки-Маврина не было. Очень уж они были разные — флегматичный, практичный службист Николай и его романтичная жена. И в один прекрасный день Варя решила — хватит, она уходит от мужа. Жили они тогда в Париже, случился большой скандал, но Варвару уговорили не разводиться. Она осталась с мужем и даже родила дочь Сонечку, но в 1880 году все-таки решилась на этот шаг, окончательно разъехалась с мужем и стала жить одна.

В это время Варя решила, что может стать писательницей. И вот в начале 1880-х годов в парижских журналах появились повести и рассказы некой дамы под именем Rouslane. Видно, у нее получалось неплохо, потому что ее сочинения заметил сам Мопассан и к некоторым из них написал предисловия. А еще она решила, что должна представить французам Достоевского, и перевела на французский ряд его произведений. Она умела работать, чувствовала и любила литературу, эта дочь красавицы княгини Щербатовой, которая так нравилась второму после Пушкина поэту России.

В 1884 году Варя снова вышла замуж — понятное дело, умная, яркая женщина долго быть одна не могла. Вторым ее мужем снова стал дипломат. Барон Карл Петрович Икскуль фон Гильденбандт был старше ее ма-

тери на два года, зато был мил, галантен и замечательно ухаживал. Он был настоящий аристократ — происходил из рода баронов Икскуль фон Гильденбанд, получил прекрасное образование — в 1836 году окончил знаменитый Царскосельский лицей. Его дипломатическая карьера сложилась блестяще. Свою молодую жену барон обожал и позволял ей делать все, что она хотела, и очень ею гордился. Рассказывают, что ее красоту оценил даже король Италии Умберто I, который готов был сидеть в коляске русского посланника в ногах у его очаровательный супруги.

Выйдя замуж, Варвара стала часто наезжать в Россию. С 1886 года в российских журналах стали печататься ее произведения, например, в журнале «Северный вестник» был напечатан ее роман «На туманном севере» о жизни немецких аристократов. Правда, читатели его не оценили, и Варвара, дама достаточно самокритичная, решила, что писательское дело не для нее.

Барон оставил дипломатическую службу в 1891 году. Его жена к этому времени практически обосновалась в Петербурге, в доме 156 на Екатерининском канале (ныне канал Грибоедова) у Аларчина моста. А вскоре этот адрес и этот дом знали уже все известные и не очень известные столичные писатели, художники, критики — здесь было уютно, интересно, красиво. Оставил свои воспоминания о салоне баронессы Икскуль и писатель Дмитрий Мамин-Сибиряк: «Три больших комнаты, сплошь набитых всяки-

Илья Репин. *Портрет баронессы В.И. Икскуль фон Гильденбандт*

ми редкостями — китайским фарфором, японскими лаками, старинными материями, редкой мебелью разных эпох и стилей, артистической бронзой, картинами и даже археологией в виде старинных поставцов, укладок, братин, идолов и погремушек. Получается нечто среднее между музеем и галантерейным магазином, так что даже ходить по комнатам нужно с большой осторожностью, чтобы не своротить какую-нибудь подлую редкость». А своей матери он так рассказывал о доме баронессы: «…был визитом… в настоящем большом свете, именно у баронессы Икскуль… Баронесса известная красавица — высокая, стройная, худенькая цыганской худобой и очень умная. Свои сорок лет она носит с гордостью и еще сейчас красавица. Вообще баронесса настоящая петербургская знаменитость, и быть принятым у нее считается за честь».

Варвара, которую друзья с любовью и некоторой иронией, подчеркивая ее аристократизм, называли герцогиней д'Аларкон (по названию Аларчина моста), создала в своем доме настоящий литературно-художественный салон, где читали новые стихи и прозу, где обсуждались новейшие политические и философские идеи. Она обладала исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех «пытала» и ко всем, в сущности, оставалась равна. Но чутье к значительности — даже не человека, а его успеха — было у нее изумительное. В общем, в доме Икскуль собиралось весьма примечательное общество. И его душой была она, баронесса Варвара Икскуль.

Варвара Ивановна не ограничивалась лишь ролью гостеприимной хозяйки салона. Нет, ей хотелось самой что-то делать на пользу общества. Посетив Ясную Поляну и услышав рассказы Толстого об издательстве «Посредник», печатавшего книги для бедных слоев населения, она воодушевилась примером графа и тоже занялась издательской деятельностью. Что может быть важнее, чем дело просвещения народа, решила баронесса. Она будет издавать литературу для простого человека, причем ее книги будут нести знания и культуру и стоить так, чтобы этот простой человек мог их купить.

«Баронесса Икскуль (Выхухоль) издает для народа книжки. Каждая книжка украшена девизом «Правда»; цена правде 3-5 коп. за экземпляр. Тут и Успенский, и Короленко, и Потапенко, и прочие великие люди. Она спрашивала у меня, что ей издавать. На сей вопрос ответить я не сумел, но мельком рекомендовал порыться в старых журналах, в альманахах и проч. Советовал ей прочесть Гребенку. Когда она стала жаловаться, что ей трудно доставать книги, то я пообещал ей протекцию у Вас. Если будет просьба, то не откажите. Баронесса дама честная и книг не зажилит. Возвратит, и при этом еще наградит Вас обворожительной улыбкой», — писал А.П. Чехов издателю, писателю и критику А. С. Суворину.

В этом благородном деле ей помог опытный издатель книг для народа И. Сытин — вместе они выпустили 64 книги, причем, многие литераторы соглашались отдавать свои тексты без гонораров, и обложки для книг бесплатно делал вдохновленный баронессой Репин.

А с Чеховым баронессу связывали особые отношения. Они были хорошо знакомы, известно, что Чехов устраивал ей билеты на свои спектакли (например, в 1896 году на «Чайку»). Их дружба продолжалась вплоть до последних дней писателя. И еще Чехов очень любил сына баронессы Григория.

В 1890 году Григорий Глинка, выпускник петербургского Морского кадетского корпуса, проходил службу на военных судах на Дальнем Востоке и должен был получить чин мичмана, однако заболел плевритом, и его отправили домой. Во Владивостоке он сел на пароход «Петербург». А на этом же судне Чехов возвращался с Сахалина. Молодые люди (Чехову 30, а Глинке — 21 год) подружились, а потом, оказавшись в Одессе, вместе ехали в поезде в Москву. В письме А.С. Суворину Чехов писал о Глинке: «морской офицер <…>, чистый и честный мальчик». И именно мичман Глинка был главным гидом писателя во время их совместного плавания вокруг Азии. «В Москву мы приехали уже при огнях, — рассказывал Чехов одному из своих друзей, — и не успел наш поезд подойти к вокзалу, как в вагон ворвалась дама с криками: «Где сын? Где сын?» — и бросилась обнимать Глинку. Это была его мать, баронесса Икскуль, выехавшая к нему навстречу из Петербурга».

Репин написал не только портрет баронессы — облик ее сына Григория запечатлен на картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1891) — вот он, в левой части полотна, стоит вполоборота и смотрит на пишущих послание султану.

Барон Икскуль, уже очень немолодой человек, по-прежнему позволял своей жене развлекаться, как ей было угодно. В 1892 году его парализовало, а в следующем году он умер. Овдовев, Варвара Ивановна продала дом на Екатерининском канале и переехала на Кирочную улицу, в дом N18. Здесь продолжилась жизнь ее салона. Только теперь на ее «четверги» приходили не только представители богемы, но и политики. Несмотря на то, что баронесса была в хороших отношениях с двумя императрицами, Марией Федоровной и Александрой, она слыла либералкой и симпатизировала революционно настроенным друзьям. У нее бывали Троцкий, Распутин, члены Думы.

Она часто хлопотала за симпатичных ей людей — например, благодаря ее заступничеству Горького три раза выпускали из тюрьмы, а духоборы, которых Русская церковь считала отступниками от истинной веры, с ее помощью (деньгами и связями) добрались до Канады.

Она всегда считала для себя очень важным — помогать людям. Порой ее деятельность воспринималась в

обществе с иронией, но, так или иначе, она делала много полезного. К примеру, когда в 1892 году в Поволжье был голод, баронесса собирала деньги и организовала бесплатные столовые, налаживала больницы. Понимая, что в России не хватает женщин- врачей и медсестер, старалась употребить все свое влияние и связи, дабы в России появились соответствующие образовательные заведения. И ее усилия увенчались успехом — в Петербурге в 1897 году был открыт Женский медицинский институт, а в 1902 году состоялся первый выпуск. А еще Варвара Ивановна участвовала в финансировании Бестужевских курсов, была членом «Общества попечения о бедных и больных детях», Алексеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, «Морского благотворительного общества», Благотворительного общества при городской Калинкинской больнице… В 1900-м на базе Школы сиделок была создана Община сестер милосердия Российского общества Красного Креста под началом генерал-адъютанта Михаила фон Кауфмана, и это тоже с ее участием! Михаил Нестеров вспоминал: «Дисциплина была железная, и сестры Общины, такие выдержанные, бесстрастные, преданные долгу, в накрахмаленных белых повязках и кокошниках, воротничках и нарукавничках, были послушными исполнительницами своей энергичной, не хотевшей стариться попечительницы». Она учреждала стипендии способным студенткам, организовывавала медицинские конференции.

Ее подопечные из кауфманской Общины сестер милосердия получили первое крещение в годы русско-японской войны. Баронесса отправила на фронт несколько санитарных отрядов, а в Петербурге, на Фонтанке 148, организовала лазарет. А в 1912–1913 годах, освоив методы первой медицинской помощи и вспомнив о своей бабке-сербке Штерич, сама отправилась на Балканский фронт. А ей было уже за 60! А уж когда началась Первая мировая, вместе с сестрами Общины баронесса прибыла на Юго-Западный фронт — организовывала там госпитали, санитарные поезда, временные лазареты, спасала раненых под огнем врага. (Кстати, ее сын Иван Глинка, в отличие от матери, по-видимому, был лишен сильных патриотических чувств — на Первую мировую войну полковник

в отставке не пошел; он занимался коммерцией, руководил акционерным обществом по торговле лесом).

Служба баронессы на благо Родины была замечена и отмечена — в 1916 году генерал Каледин вручил ей Георгиевский крест. (А ведь она могла жить и наслаждаться всеми удобствами и удовольствиями в далеком от войны Петербурге…)

А потом случилась революция. И это была настоящая катастрофа. Все ее заслуги перед Россией были забыты — большевики, не стесняясь, обыскивали ее дом, а потом вообще его отняли. Несколько раз баронесса попадала в тюрьму. Но и это было не самое страшное, что ей пришлось испытать. Голодная зима 1919–1920 года убила ее сына Ивана — он умер от тяжелейшей пневмонии, осложненной отсутствием еды и лекарств. А потом ушел из жизни, закончившейся в страшной нищете и унижениях, и ее близкий друг, сподвижник во всех ее делах, замечательный врач, академик медицины, профессор Императорской Военно-медицинской академии, главный редактор журнала «Русский хирургический архив» Николай Александрович Вельяминов. Новой власти такие люди были не нужны.

Варвара Ивановна была в отчаянии. Как жить дальше? И где? И она решила написать Бонч-Бруевичу, еще не так давно гостю ее салона, а теперь влиятельному лицу в новом правительстве, который, как и она, занимался организацией медицинской помощи в стране.

«Неужели я так жестоко наказана за то, что всю сознательную жизнь помогала «политическим»? — писала баронесса. — Я в буквальном смысле голодаю, думаю о зиме с ужасом, потому что купить дров не на что. Сын мой скончался в ужасных мучениях — я не могу оправиться от этого горя. Все рухнуло. Кроме несчастий и разочарований ничего не осталось».

Ответа она не получила. Осенью Варвара Ивановна решила обратиться к Горькому, тоже бывшему посетителю ее дома, обязанному ей очень многим. И вот, наконец, ей выделили маленькую комнатушку в Доме искусств на Мойке, 59.

Этот дом, реквизированный у банкира С.П. Елисеева, был уникальным заведением. Он появился в ноябре 1919 года по инициативе М. Горького, К. И. Чуковского и А. Н. Тихонова. Управлял его жизнью Высший совет, куда входили А. А. Ахматова, Ю. П. Анненков, А. Л. Волынский, М. В. Добужинский, Е. И. Замятин, К. С. Петров-Водкин и другие. Здесь проходили вечера, концерты, выставки, издавались книги (в 1921 году редколлегией Дома в составе: Чуковский, Гумилев, Шкловский, члены группы «Серапионовы братья», Зощенко, Слонимский и другие, М. Горький, А. Блок, К. Чуковский — было выпущено два сборника «Дом искусств»). А еще обитатели ДИСКа (так сокращенно называли Дом искусства) должны были воспитывать в соответствующем духе творческую молодежь. В общем, это был последний оплот заканчивавшего-

ся Серебряного века… Но главное — в этом же здании была «Писательская коммуна», где работали и проживали (в жуткой нищете, страдая от лишений и голода, холода и всяческих недугов) многие выдающиеся писатели, художники, поэты того времени — А.С. Грин, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам, В.Ф. Ходасевич, М.С. Шагинян, Н.С. Тихонов, М.Л. Слонимский и другие. Комнаты обогревали примитивными маленькими печурками, но это не спасало от сырости и пронизывающего холода. Жили и в подвалах, и в подсобных помещениях. Белье сушили и готовили пищу все в тех же комнатах.

Вот в таком доме и получила жилье баронесса Варвара Ивановна Икскуль.

Владислав Ходасевич, часто бывавший у нее в то время, рассказывает в своих мемуарах: «Варвара Ивановна жила в бельэтаже, в огромной комнате «глаголем», с чем-то вроде алькова, с дубовой обшивкой по стенам и с тяжеловесной резной мебелью... Пахло в ней — не скажу духами, какие уж там духи в Петербурге, в 1921 году, — но чем-то очень приятным, легким. В холоде и голоде тех дней, ограбленная большевиками, пережившая больше десятка «строгих» обысков, Варвара Ивановна сумела остаться светскою дамой. Это хорошее тонкое барство было у нее в каждом слове, в каждом движении, в ее черном платье, в ногах, с такой умелой небрежностью покрытых пледом; в том, как она протягивала сухую, красивую руку с четырьмя обручальными кольцами на безымянном пальце; в том, как она разливала чай, как поеживалась от холода. В Петербурге, занесенном снегом зимою, заросшем травою летом, в пустынном, глухом Петербурге тех лет, когда зимою на улицах грабили, а летом на Мойке пел соловей, Дом искусств был похож на затерянный во льдах корабль. Жили особенной, ни на что не похожей жизнью... И редкий вечер, хоть мимоходом, не заходил я к Варваре Ивановне, всегда радушной, доброжелательной, ровной. Горничная Варя приносила чайник. Было необычайно тихо и — опять не могу подыскать я другого слова — обаятельно. В те вечера рассказывала Варвара Ивановна о разных вещах, о людях, которых ей доводилось видеть, особенно хорошо — о Тургеневе и о Мопассане». Она могла угостить и чаем, и увлекательнейшими воспоминаниями «о своей долгой и наполненной событиями жизни». Ходасевич все уговаривал ее записать свои мемуары или даже ему продиктовать, но она «только махала рукой или отмалчивалась с горьковатой улыбкой».

Ей жилось трудно и тоскливо, и тогда она попросила Горького помочь ей выехать за границу. Однако Горький, изобразив готовность, ничего для нее не сделал (а может, не смог). И тогда она решилась на совершенно невероятный поступок — безрассудный, отчаянный. Уже очень немолодая баронесса Варвара Ивановна Икскуль, собрав в узелок самые важные, самые необходимые для нее вещи, ушла с проводником по льду Финского залива в Финдляндию! Дул страшный ве-

тер, сбивал ее с ног, но она преодолела и это тяжелое испытание, приготовленное ей судьбой. Из Финляндии она уехала во Францию, где ее встретил старший сын Григорий. К сожалению, он вскоре умер — бывший мичман Глинка скончался 18 мая 1923 года, в возрасте 54-х лет. Варвара Ивановна осталась совсем одна, но ей хватало мужества и сил продолжать жить — за себя и за своих мальчиков… В те дни в письме одной из подруг баронесса написала: «Я живу, позабыв себя». Если верить некоторым источникам, она все-таки писала собственные воспоминания, и что-то опубликовала в парижской русскоязычной газете «Последние новости», которую издавал Павел Николаевич Милюков — заметная фигура в истории России.

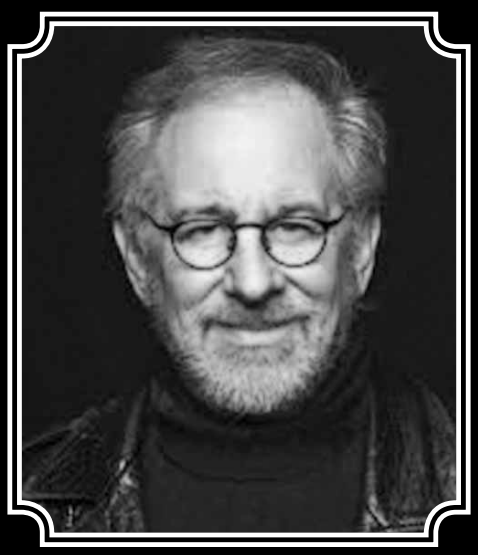
В 1926-м в Ницце с баронессой встретилась известная мемуаристка и переводчица Татьяна Александровна Аксакова: «…Наискось от нас по avenue des Fleurs жила баронесса Варвара Ивановна Икскуль, та самая дама, портрет которой находится в Репинском зале Третьяковской галереи. Варвара Ивановна была не только красива, но и очень умна. То сердечное внимание, которое она проявляла в отношении меня летом 1926 года, я считаю большой честью. Опираясь на трость, одетая во все черное, с белой камелией в петлице, Варвара Ивановна часто стучала мне в окно, приглашая пойти с ней к морю. Сидя на набережной, мы говорили о России, и я читала по ее просьбе есенинские стихи. При этом я замечала, что она с болезненным интересом слушает подробности о жизни холодного и голодного Петрограда начала 20-х годов...»

Она жила и вспоминала свою жизнь, пыталась что-то записывать, но, к сожалению, пока ее записи, наверняка интереснейшие, не найдены. Наверное, ностальгировала по родине, по Петербургу, вспоминала, какие замечательные, талантливые люди собирались на ее «четверги», вспоминала своих родственников и друзей, оставшихся в далекой, прошлой жизни…

А 21 февраля 1928 года газета «Последние новости» поместила на первой полосе траурное сообщение: «Баронесса Варвара Ивановна Икскуль фон Гильденбандт скончалась 20 февраля в 7.30 утра. Панихида на квартире (5, av. Victor-Hugo) во вторник в 12 ч. 30 м. дня и в 8 ч. вечера. Панихида во Храме в среду на rue Daru 12 в 8 вечера. Отпевание там же в четверг в 10 ч. утра».

Милюков написал прочувственный некролог, в котором говорил о том, как много сделала Варвара Ивановна для России, и как важно это помнить… Ее похоронили на кладбище Батиньоль — там много могил с памятниками, на которых начертаны славные русские фамилии…

А ее репинский портрет по-прежнему украшает Репинский зал Третьяковкой галереи. Пройти мимо этой гордой красавицы невозможно! Она все так же хороша, эта «красная баронесса» Варвара Икскуль фон Гильденбандт, и все также сводит с ума всех, кому посчастливилось увидеть одно из лучших творений великого русского художника Ильи Репина. ❑



Юрий Осипов

Когда имя — БРЕНД

Голливуд знавал немало «баловней судьбы» среди режиссеров, продюсеров, сценаристов. Напористых, победоносных, подчиняющих всех своей воле. Однако спокойный, интеллигентный Стивен Аллан Спилберг с хитровато-застенчивой улыбкой и профессорскими очками обошел их всех.

Трехкратный лауреат премии «Оскар», в том числе дважды — как лучший режиссер года, создатель культовых фильмов «Челюсти», «Близкие контакты третьей степени», «Инопланетянин», «Спасти рядового Райана», «Список Шиндлера», «Линкольн», трилогии «Парк Юрского периода» и тетралогии об Индиане Джонсе. В 12 лет он победил в школьном конкурсе любительских фильмов 40-минутной лентой «Побег в никуда» (1960), снятой на подаренную отцом портативную 8-миллиметровую кинокамеру, причем, в этой картине о войне выступали в качестве актеров его родители и сестры.

Три года спустя в местном кинотеатре состоялась премьера двухчасового фильма «Небесные огни», который сняли школьники во главе со Спилбергом и который рассказывал о похищении людей инопланетянами для демонстрации их в космическом зоопарке (!). Картину профинансировали отец и мать Стивена, вложив в проект 600 долларов и обеспечив бесплатное питание съемочной группе.

Дальше — знаменательный парадокс. В Калифорнии, куда переехала семья, прозванный «человеком-камерой» юноша дважды пытался поступить в киношколу и дважды был отвергнут с заключением: «слишком бездарен». Ну что тут скажешь!

Добавим впечатляющий факт. Один из самых успешных режиссеров, сценаристов и продюсеров в истории американского кино (а он еще является также художником, монтажером и оператором) стал автором 20 фильмов с суммарным бюджетом 200 млн долларов, собравших в прокате 8 с половиной миллиардов. И в 78 лет он продолжает удивлять своей неиссякаемой энергией и дерзкими творческими планами…

Столь удачливый корифей мирового экрана появился на свет в 1946 году в городе Цинциннати, штат Огайо, а вырос в Финиксе, административном центре Аризоны — глубинка, далекий американский запад с прериями и ковбоями. Нашлось там место и культурной семье Спилбергов, где отец был инженером, а мать профессиональной пианисткой. С мечтой о профессиональной карьере ей пришлось расстаться ради воспитания четверых детей.

Меньше всех хлопот доставлял ей Стивен. Детство он проводил, в основном, в обществе трех младших сестер, которые по настоянию матери целыми днями сидели за фортепьяно. Первый фильм Стивен посмотрел в возрасте 6 лет. Отец решил расширить представление мальчика об окружающем мире и для первого знакомства сына с кино выбрал цирковую картину патриарха Голливуда С. Де Миля «Грандиознейшее представление» (1952).

Замерев от восторга, мальчик любовался слонами и косулями, не сразу разобравшись, что видит на экране только их изображение. Оно подчинит себе в дальнейшем всю его жизнь. Очень рано Стивен с подачи отца посмотрел по телевизору классические фильмы Дж.Форда, Ф.Капры, А.Хичкока. А у себя в комнате подолгу предавался детским фантазиям, разбуженным кинематографом. В этих фантазиях присутствовали также космические пришельцы и межзвездные путешествия. Спустя много десятилетий он с удивительной яркостью смог воспроизвести на экране эти темы из своего далекого детства.

Подаренная ему в 12 лет отцом любительская кинокамера сделалась его неразлучной игрушкой, а затем инструментом познания мира и защиты от грубой действительности в лице шпаны с соседней улицы, нередко поколачивавшей мечтательного подростка. Он усмирял кинокамерой хулиганов, предлагая им сниматься в его «фильмах», и они сразу становились как шелковые. Именно тогда родился Спилберг-режиссер и продюсер, будущий руководитель собственной независимой студии из числа ведущих в Голливуде.

Причем с первых же шагов он выступил не только как творческая личность, но и как оборотистый бизнесмен. Привлек к участию в съемках своего дебюта «Побег в никуда» сестру и родителей, организовал платные просмотры фильма в импровизированном дворовом кинотеатре, другую сестру обязал продавать во время сеансов попкорн и кока-колу, сам выращивал во дворе лимоны на продажу и на вырученные деньги покупал коробки пленки. Он рано научился точно рассчитывать и оптимизировать бюджет будущей картины, снимать быстро с минимальным количеством дублей, но без потери качества.

Его первой «киношколой» стали сеансы в соседнем кинотеатре, где он пропадал по субботам, захваченный «Отважными капитанами», «Пиноккио» и «Лоуренсом Аравийским», а также картинами мастеров европейской «новой волны» — Ф. Трюффо и Ж-Л. Годара.

Стивен был одержим своей мечтой и неотступно следовал постав-

ленной цели. После того как его отвергли на кинофакультете университета в Южной Калифорнии, юноша поступил в технический колледж и снял во время каникул 26-минутный фильм «Иноходь», который помог ему пробиться в большое кино. В 1969-м году гигант голливудской киноиндустрии компания «Юниверсал», посмотрев «Иноходь», заключила с 20-летним режиссером-любителем контракт на «пилот» сериала «Ночная галерея»…

Азам мастерства Спилберг учился на съемочной площадке и затем выступил еще постановщиком первого эпизода знаменитого сериала о сыщике Коломбо — «Убийство по книге». Ну а свой первый полнометражный фильм «Дуэль» он создал два года спустя — в 1971-м.

Эта телеэкранизация рассказа Р. Мэтисона о мистической погоне по пустынному шоссе шофера-маньяка на бензовозе за водителем маленькой легковушки завоевала Гран-при на только что учрежденном фестивале фантастических фильмов. Любовь к фантастике Спилберг пронес через всю жизнь и умел снимать ее с поистине детским изумлением, как абсолютную реальность, что и принесло его фантастическим фильмам невероятный зрительский успех.

В 1968-м «Юниверсал» предоставила Спилбергу возможность снять на 35-мм кинопленку короткометражку «Бредущие» для театрального показа. Отмеченная наградами лента произвела впечатление на президента компании С. Шейнберга, и он предложил молодому режиссеру контракт на семь лет. К тому времени Стивен учился в калифорнийском университете Лонг-Бич, потом бросил учебу, но все же продолжил ее и окончил со степенью бакалавра искусств в области кино и электронных СМИ.

В «Ночной галерее» у него снималась Джоан Кроуфорд. Вот что она написала о режиссере: «Когда начала работать со Стивеном, я сразу поняла… перед нами молодой гений. У него было интуитивное вдохновение… Голливуд не всегда признает таланты, но Спилберга нельзя было упускать…»

Полнометражным экранным дебютом Спилберга стала остросюжетная криминальная драма «Шугарлендский экспресс» (1974). Она оказалась настоящим прорывом в режиссерской карьере мастера и рассказывает о супружеской паре, которая находится в бегах и отчаянно пытается вернуть опеку над собственным ребенком, переданным властями приемным родителям. Ради этого героиня фильма даже уговорила мужа бежать из тюрьмы, хотя ему осталось всего четыре месяца срока… В основу картины была положена подлинная история супругов-преступников. Главные роли сыграли Голди Хоун и Бен Джонсон. В финале, выйдя на свободу из женской исправительной колонии, героиня добивается права жить с сыном. Но хотя картина удостоилась награды на Каннском фестивале за «Лучший сценарий», в коммерческом плане она была не слишком успешной. Завоевал миллионы зрителей по всему миру следующий фильм Спилберга — культовый триллер «Челюсти» (1975).

Инопланетянин

Режиссера осенила гениальная идея снять первый «летний блокбастер», выпустить его в «мертвый» для кино сезон пляжных отпусков и ужаснуть безмятежных отдыхающих зрелищем борьбы местного начальника полиции с кровавыми бесчинствами гигантской белой акулы у побережья курортного городка. Именитые продюсеры Р. Занук и Д. Браун дали молодому режиссеру карт-бланш на экранизацию одноименного романа П. Бенчли. Причем согласились даже на пятимиллионный механический макет акулы-убийцы, что по тем временам было просто безумной тратой. Она себя оправдала, придав зловещую достоверность фильму, который принес в прокате рекордные 470 млн долларов.

Съемки картины проходили трудно. Спилберг едва не утонул при столкновении моторок. Студия «Юниверсал» грозилась остановить съемки из-за превышения графика в 100 дней. Исполнители главных ролей начальника полиции и морского биолога — Рой Шайдер и Ричард Дрейфус — конфликтовали друг с другом… В итоге, фильм заработал три «Оскара», правда, не из числа главных — за лучший монтаж, звук и музыку. Главные начнут «сыпаться» на Спилберга позднее.

Но до этого чудо-режиссер Голливуда снял «Инопланетянина»(1982), трогательную фантастическую историю о дружбе маленького мальчика и симпатичного миниатюрного космического пришельца. Спилберг снимал этот фильм в линейной последовательности, чтобы дети-актеры смогли органично подойти к кульминационной сцене.

Премьерный показ «Инопланетянина» на Каннском фестивале вызвал непривычную бурю эмоций. Президент США Рейган и его жена Нэнси специально посмотрели картину в

Белом доме и к концу ее были крайне взволнованы.

При достаточно ограниченном бюджете фильм собрал в мировом прокате 700 млн долларов., а связанный с ним ассортимент сопутствующих товаров принес еще целый миллиард. Лента получила девять оскаровских номинаций, из которых выиграла три, опять-таки только технических, включая, однако, и музыку. Начавшееся на «Шугарлендском экспрессе» сотрудничество Спилберга с композитором Дж.Уильямсом приносило свои весомые плоды.

Следующей работой режиссера станет первый фильм из легендарной франшизы об Индиане Джонсе, которая вознесла Стивена Спилберга на вершину кинематографического Олимпа.

К этой своей самой знаменитой серии приключенческих фильмов Спилберг подошел уже в полном расцвете кинематографического мастерства, причем не только режиссерского, но и продюсерского. Еще с «домашних» экранных работ на родительские деньги он научился точно рассчитывать бюджет картины и снимать быстро, очень быстро, с минимальным количеством дублей. Действие — экшен — что на английском не случайно означает также сакраментальную команду «Мотор!» сделалось его девизом. В отличающихся удивительной пластикой зрелых спилберговских фильмах, искусно сочетающих крупные и средние планы, обыгрывающих выразительные, порой прямо-таки символические детали (чего стоят непременные шляпа и хлыст Индианы Джонса!), вы не найдете ни одного лишнего кадра; и действие там словно катится по рельсам, даже в глубокой психологической драме «Список Шиндлера».

Выбор актеров на главные роли — еще одна сильная сторона фильмов Спилберга. Х.Форд в образе Индианы Джонса, Л.Нисон, перевоплотившийся в героического Шиндлера, С.Нил в «Парке Юрского периода»… Сегодня трудно вообразить других исполнителей этих незабываемых ролей. Но были ведь разные кандидаты, не менее известные, из которых режиссеру надо было выбирать. И он всегда попадал в «десятку», никогда не повторяясь в жанрах и темах (если не считать этих двух великих франшиз).

От неудач, порой даже провалов, никто не застрахован. И Спилберг с его безошибочным чутьем снял перед «Индианой Джонсом» полупровальный высокобюджетный комедийный боевик «1941» про калифорнийцев, готовящихся к японскому вторжению после нападения вражеской авиации на Перл-Харбор. Это было явно «не его» кино, но он сумел сжать зубы и двинуться дальше.

А дальше был триумф «Индианы Джонса» в сотрудничестве с Дж.Лукасом на первом фильме франшизы — «В поисках утраченного ковчега» (1981), который собрал пять оскаровских статуэток. Автор «Звездных войн» выступил здесь сценаристом и исполнительным продюсером, уступив другу Харрисона Форда, утвержденного им на роль Соло. Собствен-

но, это Лукас предложил Спилбергу перенести свой сценарий на экран.

Именно они, Спилберг, Лукас, а с ними — Кэмерон, Земекис, Скорсезе, Коппола выступили дерзновенными творцами так называемого «нового Голливуда» своими независимыми, «жизненными и высокохудожественными фильмами, каких до них редко знала пресловутая «фабрика грез».

Ну а потом пошло-поехало, уже без помощи Лукаса, — от вселенского успеха к вселенскому успеху. «Индиана Джонс и храм судьбы», «Индиана Джонс и последний крестовый поход», «Индиана Джонс и королевство хрустального черепа», сериал «Хроники молодого Индианы Джонса (1992). «Индиана Джонс-5» (2021) с сильно постаревшим Фордом был задуман как последний фильм франшизы. Но, возможно, это еще не конец…

Приквелом «Утраченного ковчега» — «Храмом судьбы», несмотря на зрительские восторги, режиссер остался недоволен, так как в нем не оказалось, по его словам, «приятных мелочей и любви». Зато все это случилось в личной жизни Стивена, который встретил на съемочной площадке свою будущую вторую жену, актрису Кейт Кэпшоу, остающейся верной спутницей жизни выдающегося мастера кино по сей день. Он и до «Индианы Джонса» был уже весьма состоятельной персоной, а после этой франшизы стал миллиардером. От первой жены, талантливой актрисы Эми Ирвинг, у него есть сын, а во втором браке у них с Кейт родилось шестеро детей. Как говорит колоритный антигерой в одном нашем культовом фильме: «Хороший дом, хорошая жена — что еще нужно человеку, чтобы достойно встретить старость!»

Спилбергу, в силу неуемной натуры, и в поздние годы нужно было много больше. В 1981-м он, совместно с режиссером и продюсером Ф. Маршаллом и его женой и сопродюсером К. Кеннеди, основал чрезвычайно успешную кинокомпанию «Amblin Entertainment», занимающуюся исключительно продюсированием, но не производством фильмов. Название переводится как «Бредущие» и отсылает нас к первой спилберовской короткометражке.

На логотипе компании мы видим летящих на велосипеде при свете полной луны Эллиота и Инопланетянина из одноименной картины. Логотип этот вскоре начал прочно ассоциироваться в сознании массовой аудитории с безусловной увлекательностью представляемой ленты. Так, среди хитов, выпущенных компанией Спилберга, — «Гремлины», «Флинтстоуны», «Назад в будущее», «Мыс страха», «Кто подставил кролика Роджера» и ряд других.

Случались у продюсеров и кассовые неудачи, однако Спилберга они не обескураживали в вариативном поиске от одного проекта к другому. Причем, во главе угла у него, по словам Р. Земекиса, всегда было уважение к режиссерскому видению постановщика фильма. В 1904-м он сорвал «большой куш», угадав вселенский успех новой сериальной ниши, и запустил в производство медицинский процедурал «Скорая помощь», хотя

двумя годами ранее отозвался о продюсировании как о «наименее приятном из всего, что я делал за последние десять лет».

В начале 80-х дружба «чудо-мальчика» Голливуда с гендиректором могущественной кино-корпорации «Warner Brothers» переориентировала Спилберга на создание для «Уорнера» первого своего серьезного фильма «Цветы лиловые полей» (1985) по роману лауреата Пулитцеровской премии Элис Уокер. Картина рассказывает о поколении афроамериканок в годы Великой депрессии. Лента с Вупи Голдберг и Опрой Уинфри в главных ролях стала кассовым хитом и была названа авторитетными критиками лучшим фильмом года, получив 11 оскаровских номинаций (правда, не выиграв ни одной). Зато Спилберг был удостоен Премии Гильдии режиссеров Америки за лучшую режиссуру года в области игрового кино.

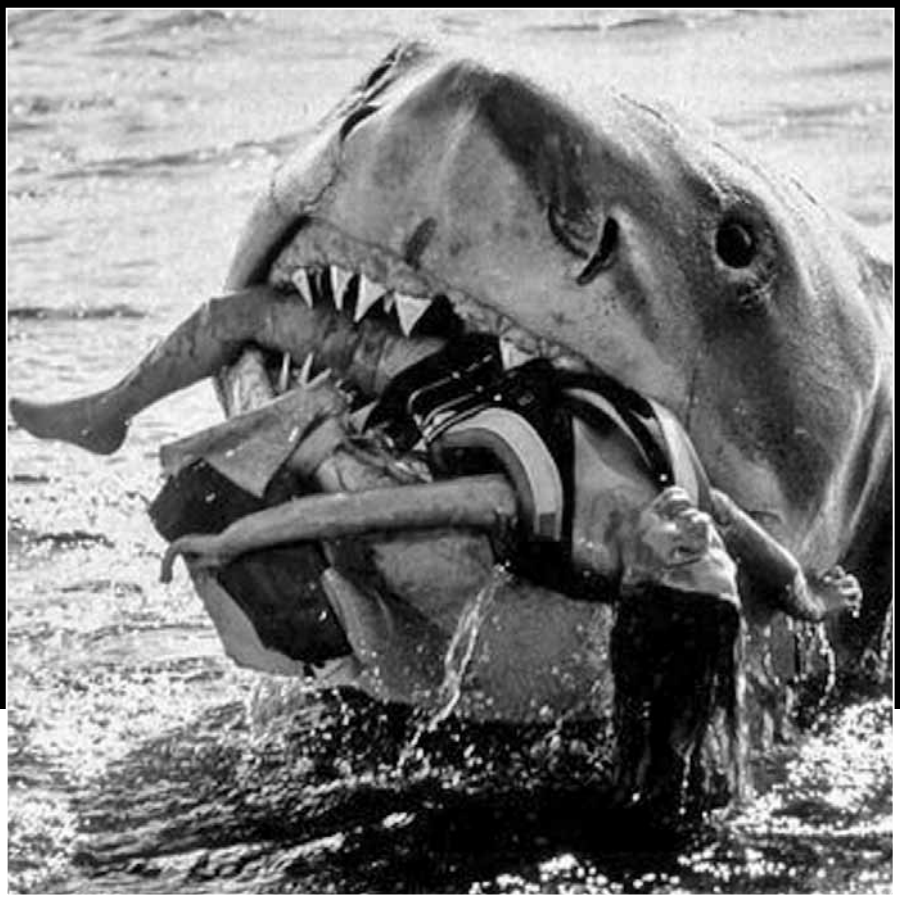
Воодушевленный художник начал искать для себя новую глубокую тему и нашел ее в полуавтобиографическом романе Дж. Балларда о взрослении юноши «Империя солнца». Действие книги происходит в Китае во время Второй мировой войны, когда страна была оккупирована Японией. И как только Китай в результате экономической реформы открылся Голливуду, Спилберг взялся за эту экранизацию по сценарию маститого Т. Стоппарда с Джоном Малковичем и молодым Кристианом Бейлом в главных ролях.

Фильм «Империя солнца» (1987) обострил сюжет романа и представил на экране проникновенную историю маленького мальчика из богатой британской семьи в Шанхае, который волею судьбы превратился затем в военнопленного и оказался в японском лагере для интернированных. Картина была включена в число лучших фильмов десятилетия, хотя зрители, по

Слева:

«Индиана Джонс»

«Челюсти»



мнению критиков, его «упустили». Сам же режиссер говорил, что эта работа принесла ему особенное удовлетворение.

После двух серьезных картин Стивен решил, было, снять комедийную мелодраму «Человек дождя», но вместо этого занялся третьей частью франшизы об Индиане Джонсе, с гарантированным успехом (а «Человек дождя» достался, в итоге, блестящему Барри Левинсону). В «Храме судьбы» Джонса-старшего сыграл великий Шон Коннери; и фильм, который поругивали за чрезмерно акцентированную тему насилия, собрал в прокате рекордные со времен «Инопланетянина» почти полмиллиарда.

Далее начались творческие поиски режиссера, во многом изменившего облик американской кинопромышленности, но почувствовавшего себя «художественно заторможенным». Он хотел найти оптимальное сочетание искусства и коммерции на пространстве одного фильма. Романтическая драма «Всегда» (1989) про бесшабашного летчика, который тушит лесные пожары, с Ричардом Дрейфусом в заглавной роли, большого успеха создателям не принесла.

Фэнтезийная лента «Капитан Крюк» (1991), повествующая о возвращении повзрослевшего Питера Пена, сыгранного Робином Уильямсом, в вымышленную Нетландию, при бюджете 70 млн долларов собрала в прокате 300 миллионов. Тем не менее, критика называла картину скучной. Не слишком довольным ею остался и режиссер,

у которого, к тому же, сложились на съемках конфликтные отношения с Джулией Робертс, выступившей в образе феи Динь-Динь. На телепередаче «60 минут» Спилберг заявил, что никогда больше с этой актрисой работать не будет…

Бесспорный взлет у выдающегося мастера произошел два года спустя, когда он выпустил приключенческий блокбастер «Парк Юрского периода» (1993), основанный на одноименном романе М. Крайтона.

Это был впечатляющий прорыв не только в художественном плане, но и в технологическом. Мощная компьютерная графика, по сути, впервые использованная в таком масштабе, потребовала от режиссера раскадровок еще на стадии написания сценария. Выход фильма был подкреплен обширной маркетинговой кампанией стоимостью 65 млн долларов, которая включала лицензионные сделки с более чем со ста фирмами. Одноименная медиафраншиза в количестве шести фильмов (Спилберг снял только второй — «Затерянный мир») сопровождалась продажами множества видеоигр и комиксов по мотивам разного рода происшествий с людьми в парке клонированных динозавров у побережья Коста-Рики.

Эта картина Спилберга удостоилась 20 почетных наград, включая три «Оскара», и вошла в примечательный список НАСА наиболее достоверных научно-фантастических кинопроизведений. А еще «Парк Юрского периода» был включен для сохранения в Национальный реестр фильмов США, «имеющих особенное культурное, историческое или эстетическое значение».

Остается добавить, что легендарный шедевр Спилберга при бюджете 63 млн. долларов принес в прокате свыше миллиарда с четвертью, став самым кассовым фильмом того времени, а гонорар режиссера составил заслуженные 250 млн долларов.

Трудно поверить, что в том же 1903-м году Спилберг параллельно с работой над «Парком» снял историческую драму о Холокосте «Список Шиндлера». Драму о реальном немецком предпринимателе Оскаре Шиндлере, который, рискуя собственной жизнью, спас от верной смерти в гитлеровском концлагере почти 1200 евреев, переведя их работать у себя на фабрике.

Режиссер утверждал, что создал этот фильм для своего первенца, желая остаться в его памяти не только автором развлекательно-приключенческих картин. В будни снимал в Польше «Шиндлера», а по выходным монтировал «Парк»… Так работать мог только он, Спилберг!

Часть критиков назвала фильм китчем за поверхностное, якобы, отражение страшной темы Холокоста. Думаю, такое утверждение в корне несправедливо. Спилберг снимал в определенном мелодраматическом жанре и выдержал его до конца вместе с тремя ведущими исполнителями — Лиамом Нисоном, Беном Кингсли и Рэйфом Файнсом.

Коммерческий успех картины превзошел все ожидания. Только в США сборы составили почти 100 млн долларов, а в мировом прокате «Список Шиндлера» принес еще свыше 320

миллионов. Спилберг от гонорара отказался, сказав, что это были бы «кровавые деньги». Он основал благотворительный фонд, который собирает свидетельства выживших жертв Холокоста. Картина удостоилась семи «Оскаров», в том числе — за «Лучший фильм» и «Лучшую режиссуру», а еще выиграла семь статуэток БАФТА и три «Золотых глобуса». Ее включили в список «100 лучших из когда-либо снятых американских фильмов».

Подняться на вершину кинематографического Олимпа нелегко. Но еще труднее удержаться там. Вслед за другими корифеями мирового кино Спилберг ощутил это в полной мере. После «Списка Шиндлера» он напряженно искал для себя достойную и востребованную широкой зрительской аудиторией тему. И не находил ее.

Возможно, поэтому в 1994-м он, столь жадный до режиссуры, сделал в ней перерыв, чтобы, по собственным словам, больше времени проводить с семьей, и переключился на продюсирование, основав с партнерами еще одну киностудию «Дримворкс». Она вскоре совершила, казалось бы, невозможное: заняла ведущие позиции в Голливуде и стала символом качества представляемых ею фильмов. А еще — способствовала утверждению принципиально новой системы кинопроката. Среди инвесторов «DreamWorks» — имена основателей «Майкрософт» Пола Аллена и Билла Гейтса…

При этом Спилберг продолжил эффективно руководить «Amblin Entertainment» и вскоре вернулся к своей главной профессии, начав параллельно снимать картины для других студий. Ну а кроме того, принял участие в создании во Флориде «кровного» парка аттракционов на основе мифологии «Парка Юрского периода». Такая рабочая нагрузка у немолодого уже человека, естественно, вызывала журналистские вопросы, на которые Стивен отвечал с неизменной доброжелательной улыбкой: «Все это прекрасно вписывается в мою жизнь. К шести я прихожу домой и по выходным я так же дома». Вот что значит уметь организовывать свое время!

…Спилберовскому сиквелу «Парка Юрского периода» под названием «Затерянный мир»(1997) прочили оглушительный провал. А в результате лента с 3D раскадровками, еще более совершенной компьютерной графикой и роботизированными куклами при бюджете 73 млн долларов собрала в прокате свыше полумиллиарда. А вот вышедший в том же году с Энтони Хопкинсом, Морганом Фриманом и Мэтью Макконахи в главных ролях «Амистад», повествующий об эпизоде борьбы за отмену рабства в США 19-го века, в прокате провалился, что, впрочем, режиссера не обескуражило. «Я никогда не планировал свою карьеру, — заявил Спилберг. — В итоге я занимаюсь тем, чем должен заниматься».

Заниматься после столь внушительной неудачи с «Амистадом» он решил «спасением» американского солдата в ходе высадки союзников в Нормандии в конце Второй мировой войны и год спустя выпустил фильм «Спасти рядового Райана» с Томом Хэнксом в заглавной роли, ставший одним из бес-

«Парк Юрского периода»

спорных лидеров проката и принесший постановщику второго «Оскара» как «Лучшему режиссеру». Министр обороны США вручил им с Хэнксом почетные медали «За выдающиеся заслуги перед общественностью». А на Голливудской «Аллее славы» была открыта именная Звезда Спилберга.

Режиссура и продюсирование. Они шли рука об руку в его фантастической карьере, которая принесла ему многомиллиардное состояние. В 2001-м он совместно с Томом Хэнксом спродюсировал 10-серийный телесериал «Братья по оружию», забравший почетную статуэтку «Золотой глобус». И в том же году выпустил научно-фантастический фильм «Искусственный разум», в котором стал автором сценария, режиссером и продюсером на собственной студии «Дримворкс», которую спустя некоторое время продал почти за четыре миллиарда киноконцерну «Юниверсал».

Изначально за создание этой волнующей киноистории по мотивам рассказа Б.Олдиса «Суперигрушек хватит на все лето» еще в начале семидесятых брался «великий и ужасный» Стэнли Кубрик. Проект находился в стадии «производственного ада» несколько лет из-за того, что Кубрик считал тогдашнюю компьютерную графику недостаточно удовлетворительной. А потом отвлекся на свою «лебединую песню» — последний, загадочный фильм «С широко закрытыми глазами». Съемки «Искусственного разума» начались уже после смерти маэстро, в 2000 году, и взяться за нее Спилберга уговорила, в том числе, и вдова Кубрика.

В центре сюжета картины — мальчик-андроид, запрограммированный на любовь. Его сопровождает в экранном путешествии взрослый андроид в пугающе точном исполнении Джуда Лоу, рядом с которым блиста-

ют Уильям Херт, Брендан Глиссан, Бен Кингсли и даже на миг появляется сама Мэрил Стрип. Музыку к фильму написал несравненный Джон Уильямс, а оператором выступил виртуозный Януш Каминski.

При бюджете 100 млн долларов эта научно-фантастическая драма собрала в мировом прокате 236 миллионов, что является безусловным успехом, хоть и не столь грандиозным, как у некоторых прежних картин режиссера. «Гран-при» Венецианского фестиваля, пять премий «Сатурн», номинации на «Золотой глобус» и «Оскар» подтвердили незыблемое реноме Спилберга. Критика назвала «Искусственный разум» «одним из самых амбициозных фильмов последних лет, наполненным удивительными зрелищами и провокационными идеями».

А впереди старого мастера ждал новый творческий взлет.

В середине 2000-х на рабочем столе Спилберга теснились, дожидаясь своей очереди, разные проекты. Его тянуло и к военным драмам, и к приключенческим блокбастерам, и к излюбленной им фантастике, которая служила ему своеобразным талисманом и теплой памятью успешного начала пути. Он хотел, было, заняться «Интерстелларом», но, в итоге, его снял К.Нолан. Тогда Спилберг экранизировал всегда нравившийся ему роман Г. Уэллса «Война миров» (2005) с Томом Крузом и Дакотой Фаннинг в главных ролях. Чтобы фильм не был похож на научную фантастику, режиссер использовал для съемок исключительно естественное освещение, хотя, снимая быстро, он обычно задействовал максимальное количество осветительных приборов.

Фильм «Война миров» стал кассовым хитом, заработав свыше 600 млн долларов. Причем, во многом благодаря любимцу публики Тому Крузу.

Безошибочный выбор актеров, некоторые из которых потом вырастали в мегазвезды экрана, всегда отличал Спилберга-режиссера. В том же 2002-м он снял забойную детективную трагикомедию «Поймай меня, если сможешь», повествующую об имевших место в действительности дерзких похождениях молодого афериста, научившегося подделывать чеки авиакомпании и выдавать себя за ее пилота. Это был триумф Леонардо Ди Каприо, которому в фильме оппонирует в роли отца завораживающий Кристофер Уокен. «Мне всегда нравились фильмы о выдающихся жуликах, — признался Спилберг на 35-й «оскаровской» церемонии. — Они нарушают закон, но они восхищают своей дерзостью».

Два года спустя неутомимый Спилберг вновь объединился с беспроигрышным Хэнксом в трагикомедии «Терминал», тоже основанной на подлинной истории. Герой фильма, беженец из вымышленной славянской страны, где произошел военный переворот, прилетает в США с уже недействительной выездной визой, поэтому не может пройти паспортный контроль, и улететь обратно ему уже нельзя... Стюардессу, сочувствующую несчастному беженцу, надолго застрявшему в аэропорту, играет набиравшая силу Кэтрин Зета-Джонс, а милую паспортистку —

будущая роковая прима Зои Салдана, которой повезло стартовать сразу в трех нашумевших картинах.

Трудно поверить, но буквально на следующий год Спилберг вновь «выстрелил» неоднозначным политическим триллером «Мюнхен», рассказывающим о длительной и кровавой «операции возмездия», последовавшей за трагедией на Мюнхенской Олимпиаде 1972 года, когда 11 израильских спортсменов были похищены и убиты во время перестрелки с германским спецназом членами палестинской террористической организации «Черный сентябрь». Месть «Моссада» настигла в разных странах каждого из участников жестокого теракта.

Прежде чем приступать к работе над фильмом, Стивен Спилберг обратился за советом к ведущим политикам, в числе которых был и бывший президент США Билл Клинтон. Спилберга интересовало, не создаст ли задуманная им картина каких-либо проблем на Ближнем Востоке. Несмотря на благожелательные отзывы власть имущих, «Мюнхен» вызвал негативную реакцию некоторых критиков, обвинивших создателя фильма в антисемитизме, а также резкое осуждение контента картины бывшим главой «Моссада» и другими представителями израильских спецслужб. Однако подобные нападки не помешали «Мюнхену» сенсационно прокатиться по экранам мира, удостоиться премии «Грэмми», получить пять оскаровских номинаций и по версии Национального совета кинокритиков США попасть в десятку «лучших фильмов года».

Как бы следуя завету Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно \\ И не оспаривай глупца», Спилберг нацелился затем на четвертую часть франшизы «Индианы Джонса», однако не смог устоять перед соблазнительными продюсерскими проектами. За какие-то два года он умудрился запустить «на орбиту» в качестве продюсера «Мемуары гейши» режиссера Роба Маршалла, «Флаги наших отцов» в постановке неуживчивого классика Клинта Иствуда и его же продолжение этой ленты — «Письма с Иводзимы». Пресловутые «Трансформеры» дополнили столь внушительную коллекцию. Было там и реалити-шоу талантов в области кинопроизводства, где неутомимый Спилберг выступал еще в качестве автора и исполнительного продюсера...

«Индиану Джонса и Королевство хрустального черепа» с возрастными, но по-прежнему обаятельными Харрисоном Фордом и Кейт Бланшетт режиссер снял в 2008 году, и пусть фильм удостоился «Золотой малины» как худший римейк, в прокате он собрал все же рекордные 786 с половиной млн долларов при бюджете 185 миллионов. Пятую, не слишком удачную часть франшизы срежиссировал уже Джеймс Мэнголд. Спилберг тут никак не участвовал, по-видимому, распрощавшись со своим легендарным Индианой и отправившись давать мастер-классы во французской синематеке.

Его очередной режиссерской вершиной стал вышедший в 2012 году мощнейший исторический байопик «Линкольн» — о последних ме-

сяцах жизни 16-го президента Соединенных Штатов, покончившего в Америке с рабством и застреленного на спектакле в вашингтонском театре сторонником южан актером Бутом.

И опять снайперский выбор исполнителя заглавной роли оказался решающим фактором успеха. Не побоюсь этого слова, гениальный Дэниел Дэй-Льюис, первый из актеров ставший обладателем аж трех «Оскаров», даже внешне похожий на Линкольна, сумел передать на экране ум, волю, политическую дальновидность и несгибаемую веру в правоту своих идей сложного и очень одинокого человека, которому удалось сплотить молодую американскую нацию. Фильм вызвал широкое признание критики, заслужил 12 «Оскаров» и собрал в мировом прокате почти 280 млн долларов при бюджете 65 миллионов.

Что касается режиссерского почерка Спилберга, то он с годами мало менялся. Экстремально высокие и низкие ракурсы, длинные планы, приверженность съемке ручной камерой, широкоугольные объективы для создания глубины кадра, подробнейшие раскадровки мизансцен и каждого движения камеры... А еще — много схожих, сопутствующих главной, актуальных тем, кочующих у него из фильма в фильм, которые увязаны с «обычными людьми в чрезвычайных обстоятельствах», преодолевающими свои ограничения и превращающимися в героев. Ну и, конечно, хрупкий мир детства, включая свое собственное, всегда находился в зоне особого внимания этого удивительного мастера.

За исключением двух классических франшиз («Индианы» и «Парка») Спилберг не привык повторяться и избегал эксплуатировать успешно реализованные темы, смело берясь за новые, неизведанные. Так, в 2015 он выпустил политический триллер из эпохи холодной войны «Шпионский мост» по сценарию братьев Коэн, с Томом Хэнксом в роли нью-йоркского адвоката по страховым случаям, которому неожиданно поручили вести переговоры об обмене сбитого над СССР пилота самолета-разведчика Пауэрса на раскрытого советского резидента Абеля. Его убедительно и весьма необычно сыграл М.Райлэнс, удостоенный за эту работу «Оскара».

Через год режиссера увлекла реальная история двух отважных журналистов-расследователей из крупнейших американских газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», раздобывших и опубликовавших разоблачительные секретные документы Пентагона, касающиеся войны во Вьетнаме. В привычные для него сжатые сроки Спилберг снял напряженный социальный детектив «Секретное досье», вышедший на экраны в 2018 году. «Ассошиэйтед Пресс» отозвалась на фильм восторженной рецензией, отметив, что «Спилберг наполняет каждую сцену напряжением, жизнью и величием обыденности, которые он всегда умел передавать».

Менее удачным оказался научно-фантастический блокбастер «Первому игроку приготовиться» (2018). Дей-

ствие картины происходит в недалеком будущем, когда большая часть человечества пытается сбежать от реальности, погружаясь в виртуальную вселенную под красноречивым названием ОАЗИС. Подросток-сирота и его друзья участвуют в игровом состязании за право владеть ОАЗИСом и ищут подсказки, чтобы победить прежде, чем это сделает могущественная корпорация зла.

Пережив неудачу, Стивен Спилберг отважился выступить в 2021 году со второй адаптацией знаменитого бродвейского мюзикла 1957 года композитора Леонарда Бернстайна «Вестсайдская история». И это после грандиозной экранизации в 1961 году Р. Уайза и Дж. Роббинса, заработавшей 10 «Оскаров» и три «Золотых глобуса»! Подобного триумфа Спилберг своей музыкальной драмой близко не достиг, хоть и заслужил семь «оскаровских» номинаций, в том числе — «Лучший фильм» и «Лучшая режиссура». Рецензенты писали, что киноверсия Спилберга «представляет новый взгляд на классический мюзикл, соответствует прекрасному предшественнику — и в некоторых отношениях может даже превзойти его». Тем не менее, в прокате фильм даже не окупился. И Спилберг заявил, что «Вестсайдская история» станет последним мюзиклом в его карьере.

...Привычной чередой текли масштабные продюсерские проекты — и в кино, и на ТВ, и в анимации, и в области компьютерных игр, к которым Стивен пристрастился с детства. Увы, они не в состоянии были компенсировать ему жажду творчества, которое шло на спад, и от этого Спилберг страдал в душе, не расставаясь на людях с фирменной доброжелательной улыбкой. Мягкий по натуре, мечтатель, он в трудные минуты жизни неизменно находил поддержку в кругу своей большой и дружной семьи. И всякий раз возрождался для нового старта. Так произошло и в этот раз. В феврале 2022 года появилось сообщение, что прославленный режиссер работает над римейком знаменитого фильма 1968 года о вымышленном офицере полиции Сан-Франциско Фрэнке Буллите, которого в том одноименном фильме сыграл легендарный Стив Маккуин. Сообщалось также, что сын и внучка культового актера выступят в картине Спилберга исполнительными продюсерами. На роль Буллита был утвержден Брэдли Купер, согласившийся также стать сопродюсером Спилберга. К сожалению, работа по каким-то причинам застопорилась. А Спилберг год спустя объявил о начале производства мини-сериала из семи эпизодов «Наполеон» для телеканала HBO по исследовательским материалам, накопленным некогда Стэнли Кубриком…

И вновь — остановка. И снова — поиск, который, хочется надеяться, приведет к новым впечатляющим результатам. На пороге 80-летия взыскательный художник, по словам осведомленных людей, сделался особенно разборчивым в выборе режиссерских проектов, обладая прекрасным пониманием аудитории и безошибочным чутьем, позволяющим ему

«Поймай меня, если сможешь»

создавать то, что ею востребовано. На покой он пока явно не собирается.

В сентябре 2022-го Спилберг поднялся по красной дорожке кинофестиваля в Торонто, где представлял свою автобиографическую драму «Фабельманы». Это — кинематографическое признание в любви режиссера к своим родителям. Фильм о том, как важно оставаться в душе ребенком! Лента получила приз зрительских симпатий, завоевав также два «Золотых глобуса» в категориях «Лучший фильм» и «Лучшая режиссура» и удостоилась в 2023 году «европейского «Оскара» — премии Давида ди Донателло за «Лучший зарубежный фильм». Прокат картины в Европе оказался куда более успешным, нежели на родине режиссера.

Феномен его поразительного творческого долголетия пытались объяснить многие исследователи кино. Выдающиеся кинорежиссеры мира восхищались его работами. Бергман, Трюффо, Полански, Скорсезе, Линч… Его влияние признают Пол Андерсон, Ридли Скотт, Эммерих, Гильермо Дель Торо, Родригес, Питер Джексон…

В 2013 году журнал «Тайм» включил Спилберга в список «100 самых влиятельных людей XX века». Развлекая, он сумел коснуться животрепещущих проблем эпохи, утвердить идеалы гуманизма, веру в добро, в мечту, в романтику и осветить волшебный мир детства. Им неизменно двигала неудовлетворенность достигнутым и жажда новых свершений, как бы подтверждая поэтический вывод Бориса Пастернака: «Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь. Но пораженье от победы ты сам не должен отличать». ❑

Юлия Макарова

ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Что ты хочешь? — взлететь? — так давай, взлетай!
Безоглядно, расправив крылья!
Что ты хочешь? — мечтать? — так давай, мечтай!
Вдруг мечты твои станут былью?
Что ты хочешь? — чарующий звездопад?
И звезду подержать в ладошке?
Что ты хочешь? — искрящийся снегопад?
Или гладить любимку-кошку?
Что ты хочешь? — бродить босиком с утра?
Кофе пить, шелестя газетой?
Что ты хочешь? — любви? волшебства? добра?
И прохлады в касанье ветра?
Что ты хочешь? — роман? робкий свет ночника?
Пледа мягкость? тепла? уюта?
Что ты хочешь? — безудержного рывка?
И лететь над землей с парашютом?

Я закрою глаза… Я хочу угадать… И почувствовать
Даже кожей…
Не подсказывай… Я ведь буду желать
Вместе с тобой — то же…

ЭТО Я. МАЛИНОВОЕ ПЛАТЬЕ...

Это — я.
Малиновое платье...
Ярко рыжий локон на плече…
Не узнал. Но вижу, что в объятьях
Размечтался сжать погорячей.
Это — я.
Красивая как птица…
Не узнал — так много лет прошло!
А ведь я тебе мечтала сниться
Даже миру целому назло.
Капля бриллианта в мочке уха…
Прочерком помада на губах…
Аромат духов ласкает сухо…
Туфли на высоких каблуках...

Ты спросил того, кто был со мною:
«Разрешите даму пригласить?»
И внезапно дрогнувшей рукою
Гибкость тела смог ты ощутить.
Ты не помнишь платья светлый
ситец,
Ты моих не помнишь рыжих кос,
Целовать тебе мои ресницы,
Очень жаль, но тоже не пришлось.
Я мечтала дурочкою нежной
О тебе, но ты — не обо мне.
А сейчас — прическа, стать,
одежды —
Я — царица в твоей яви-сне.

Наслажденье тонко, словно волос…
Я смеюсь — вмиг рушатся мечты,
Когда ты, едва услышав голос,
Восклицаешь горько: «Это — ТЫ?!»

СЧАСТЛИВОЕ УТРО

Бросая каплями рассвет
на дно бокала,
шепчу…
шепчу…
Кричу,
кричу:
— Мне мало! Мало!!!
Мне мало губ,
мне мало рук,
мне мало ночи!
И серебристая роса —
как многоточье…
Разгоряченного плеча
плечом касаясь,
принадлежу тебе сейчас
и быть стараюсь
нежнее бархата, теплей
огня камина.
Целуй меня! Целуй нежней
ладони, спину…

И как хрустальным бубенцом
стучится сердце,
в объятьях, сомкнутых кольцом,
мне век бы греться.
Но — дверь открыта,
ветер — свеж,
и ждет дорога.
Я в храм придуманных надежд
вселяю Бога…

Елена Колчак

Смерть в «Замке»

1

Самое противное в работе журналиста — бесконечное сидение во всяческих приемных.

Нет, не так. Не противное — это я преувеличиваю, — раздражающее своей бессмысленностью. Даже на занудных официальных совещаниях ты при деле, извлекаешь из отвалов общей говорильни крупицы нужной информации. А сидя под начальственной дверью ты просто ждешь. И времени жаль, и скучно донельзя. К чтению обстановка не располагает: если тебя в любой момент могут, наконец, пригласить в вожделенный кабинет, половина удовольствия от текста пропадает. Вязать далеко не в каждой конторе прилично. Профильная пресса лежит далеко не в каждой приемной.

Ах, да, к моменту событий в «Замке» соцсети делают лишь первые свои шаги, до их глобального воцарения еще лет пятнадцать-двадцать. Так что зависнуть в Интернете — тоже не вариант.

Вот и висишь вроде мухи в чае: и самой неуютно, и окружающим не в кайф.

Вообще-то, если забыть о приемных, работа журналиста… не скажу, что самая приятная, но одна из самых комфортных, это точно. Главное — не лезть в большую экономику и политику. Во-первых, как любые интриги, это вообще скучная материя. Во-вторых, уж больно строги требования к углу зрения: газета, естественно, в большинство политэкономических дрязг, так или иначе, завязана, значит, чтобы написать аккуратно, с нужной интонацией, надо точно знать, кто сейчас, с кем, как и, главное, против кого дружит. А сии обстоятельства имеют склонность меняться едва ли не ежечасно. Так что держать руку «на пульсе» — морока та еще! В-третьих, как ни странно, весьма высока конкуренция. Ну, прямо все хотят «освещать и анализировать», должно быть,

полагая, что качество материала растет пропорционально величине «освещаемых» в нем фигур. Кстати, как правило, все совсем наоборот: чем выше субъект, тем скучнее о нем читать (да и писать, в общем, тоже). И, наконец, главное — хочется, чтобы и читателям было интересно. А подавляющему большинству населения сугубо фиолетово, какое предприятие и в какой компании посетил вчера спикер губернской думы, и дружат или ссорятся нынче губернатор с мэром губернской столицы, и кто завтра выиграет аптечный тендер в департаменте здравоохранения. Ну а тогда мне-то оно зачем надо?

Многие коллеги политическую полянку, наоборот, любят — зелено им там, сочно и вкусно. Впрочем, я-то, строго говоря, не журналист. Более того, даже и не гуманитарий, а девочка с мехмата, угодившая в газету почти случайно. Точнее, методом исключения. Возжелала стабильной работы, но чтоб отсиживать где-то с девяти до пяти — нетушки, проходили, не хочу. И почему бы не газета? Кто-то из великих, чуть ли не Норберт Винер (а может, Фейнман?), как-то заметил, что, если двое берутся за абсолютно незнакомое дело, математик справится лучше, и был прав, потому что через пару месяцев новые коллеги убеждали меня, что журналистика — это прямо-таки мое призвание. Ну… В конце концов, никаких дорог я никогда и никому не перебегала, корову с мягким знаком не писала и даже запятые ставила правильно (корректоры меня любят прямо-таки нежно). Только на планерки ходить не люблю, но сколько там тех планерок…

Если иметь на общем информационном огороде две-три грядки — ну, темы или рубрики, как повезет, — на которые никто кроме тебя не посягает, можно устроить себе независимость прямо-таки невероятную. Начальству ведь, по большому счету, наплевать, откуда ты материал берешь и сколько времени на него тратишь. Главное, чтобы все материалы сдавались вовремя, а в идеале — несколько раньше, чем вовремя. Если с фактами и сроками у тебя порядок — остальное никого не интересует. А уж если излагать умеешь чуть лучше среднего — вообще праздник. Живи, как нравится, планируй свое время, как душеньке угодно.

Одним словом — курорт. Если бы только не приемные! И ладно еще, когда тебе самой что-то от хозяина кабинета нужно. Тут грех раздражаться: ни рыболов над поплавком, ни охотник в засаде не раздражаются — положение обязывает. Чем-то надо же платить за желанную «рыбку» — как правило, временем.

Но бывает ведь и наоборот, когда не мне от хозяина кабинета, а ему от меня что-то надо. Это я про рекламные материалы. Вот решительно не понимаю — если ты журналисту так и так платишь, зачем томить его в приемной? Не все заказчики этим грешат, но… да, пожалуй в двух словах это не объяснишь.

Заказуху — в просторечии «джинсу», то есть рекламные материалы, притворяющиеся редакционными, время от времени случается ваять каждому

журналисту. При этом большинство из нас изображает из себя «голубого воришку» Альхена — мол, и стыдно такой пакостью заниматься, а куда денешься, если кушать хочется. Спору нет, если гнать «джинсу» слишком часто, это здорово отучает от собственной точки зрения и вообще сбивает с панталыку. Но ведь в чрезмерных количествах вреден любой продукт.

Хотя на деле рекламные тексты — отличная школа, а высший пилотаж — если текст действительно воспринимается не как рекламный, а как редакционный материал.

Строго говоря, опусы, изобилующие всевозможными «супер», «уникальный», «несравненный» и «эксклюзивный» (убила бы!) — не столько рекламируют, сколько наоборот. Если ты более-менее умеешь выстраивать нужные слова в нужном порядке, да еще чуть-чуть сечешь в производственных вопросах, рано или поздно у тебя накапливается то, что рекламные отделы называют «клиентской базой» — некоторое количество людей, которые с тобой уже работали и им, в общем, понравилось. Так что время от времени раздаются звонки типа: «Риточка, мы без вас соскучились, загляните, есть тема». Со всеми вытекающими из этого последствиями: времени становится чуть меньше, денег чуть больше.

Естественно, кроме самого множества субъектов накапливается и немалое количество впечатлений от этих самых субъектов. Так вот, заказчики бывают трех видов.

Первые — я их зову «профессионалами» — составляют пока, увы, меньшинство, причем, очень маленькое меньшинство. Постепенно их ряды множатся, но не так быстро, как хотелось бы. Они точно знают, что им нужно, умеют задать направление и определить основную идею — ту, что надобно донести до потребителя. Любят проблемные материалы и нетрадиционные формы. Бывают весьма придирчивы, тем не менее, править с ними готовые тексты — одно удовольствие, так как замечания их исключительно конкретны.

Вторые — по моей классификации собственно «заказчики» — наиболее многочисленны. Мне иногда кажется, что рекламу они заказывают просто потому, что «так положено», чтобы все было «как у больших». В текстах проверяют только фактический материал, стиль и форма подачи их словно бы вовсе не интересуют. Знаете, есть люди, которые еду воспринимают исключительно как жизненную необходимость, а что именно жевать — им безразлично. «Заказчики» точно так же относятся к рекламе. Когда говоришь им, что лучше бы вот так, а не эдак — безразлично соглашаются. Хвалят редко, зато замечаний не делают практически никогда. Платят аккуратно.

И, наконец, третьи. «Клиенты». Из тех, что «клиент всегда прав, но если клиент не прав НАСТОЛЬКО — то это просто не наш клиент». Публика упертая и невероятно занудная. Впрочем, отказываться от халтуры по причине

этого самого клиентского занудства мне в голову не приходило ни разу: хлеб есть хлеб, какой-то легче, какой-то тяжелее. Главное — подписываться каким-нибудь псевдонимом, дабы не позорить собственное имя и не краснеть за результат. Именно эта публика обожает длинные, непонятные слова, легкость изложения, и чувство юмора считает страшным грехом и свято верит в то, что «убойность» текста прямо пропорциональна его близости к научному трактату. Дескать, прочитает потенциальный потребитель про то, что каждый винтик (зернышко, ниточка) в продукции обрабатывается и проверяется сверхточными — оборонными, не меньше! — приборами — и тут же поскачет покупать. Текст в итоге выходит до такой степени «убойный», что прочитать его в состоянии лишь сам «клиент». И зачем «клиенты» приглашают журналиста — загадка, писали бы сами, один леший, так в итоге и получается.

А самые продвинутые из них и замечаний не делают — это ниже их достоинства — перечеркивают весь опус и заявляют, что «это никуда не годится». При этом и словом не обмолвятся о том, как именно должно выглядеть то, что будет «годиться». Телепатируйте, господа журналисты, вам деньги платят! Ну переписываешь текст пару-тройку раз, а итоговый вариант от первого отличается двумя буквами и тремя запятыми, а в экземпляре один яростно вычеркнутый абзац и сообщение — «Вот это то, что надо!»

Главная фишка в том, что на протяжении всех этих редакторских экзерсисов «до тела» тебя не допускают. «Тело» «снисходит» до тебя однажды — при первом знакомстве. И все. Далее варианты передаются через подчиненных, а прелесть в том, что привозить их нужно, тем не менее, лично — никакие факсы и электронные почты не допускаются. Привозишь к точно назначенному времени — упаси бог опоздать хоть на минуту! — и сидишь в приемной два-три часа. Пока Их Высокоповажность не выкроит пять минут для очередной экзекуции. Даже уйти нельзя — принимать экземпляр с высочайшими художествами также полагается лично. Почему художествами? Потому что текстовых поправок я от подобных типов не получала ни разу: только вычеркивания и выделения — точно ребенок рисовать учился. Может, они просто-напросто читать не умеют?

2

Генеральный директор фирмы «Замок» Вадим Петрович Замакин, в приемной которого меня обуревали все эти размышления, относился, вне всякого сомнения, к последней, наиболее продвинутой категории «клиентов». Сие стало очевидно уже при первом (и, естественно, единственном) личном свидании.

Дорогой костюм сидел на нем не лучше ку-клукс-клановского балахона, тем не менее, господин генеральный директор выразил недовольство тем, что я явилась на столь важную встречу в джинсах. А что прикажете носить в двад-

цатиградусный мороз? Кашемировые брюки от Гуччи? И что с ними станет после первой же поездки в общественном транспорте? Да и нет у меня кашемировых брюк от Гуччи. Я, собственно, не против Гуччи и его коллег, но заказчику-то какая разница? Как будто если у меня вдруг заведутся таковые брюки — ну, мало ли, так сразу и словарный запас возрастет неимоверно, и легкость стиля явится необыкновенная! Ах, да, легкость стиля «клиенты почитают за страшный грех. Так что и тут загадка.

Большинству заказчиков на внешний вид приглашенного журналиста наплевать. Так что после замечания господина Замакина о моих джинсах я, впав в легкое недоумение, высказалась, каюсь, несколько непочтительно — мол, может, вам кого другого вызвать? В костюмчике хотя бы от Версаче. Однако мое высказывание пропало втуне — то бишь, меня просто не услышали, продолжая токовать об уникальности, важности, необходимости, несравненности… У-у-фф!

Далее началась уже описанная эпопея с «согласованием» текста. Я, наверное, послала бы «Замок» в туманную даль уже после второй встречи, но… клиента подкинуло мое личное начальство, в такой ситуации никак не откажешься.

Спасибо, очень помог первый зам генерального, точнее, исполнительный директор «Замка» Сергей Александрович Досин — очень приятный мужик, на котором, судя по некоторым обмолвкам, держалось все производство и, главное, непрерывно растущее распространение продукции фирмы. Выглядел господин Правая Рука куда элегантнее своего патрона. Мохеровый джемпер, рубашечка и джинсики «Труссарди» заставляли подозревать, что даже пеленки у «правой руки» — в том возрасте, когда «носят» пеленки — были не меньше, чем от Кардена. Или у Кардена не делают пеленок?

Он — Сергей Александрович, а не Карден — подсказал, чтобы я не заморачивалась с переделкой, достаточно поменять две-три фразы и потерпеть, потому как перевести на удобопонятный язык «это никуда не годится» господин исполнительный директор не в состоянии — сам не знает, с четвертого-пятого раза проскакивает любой текст, а вот именно этот трогать грешно, ибо хорош, только испортишь.

Воодушевленная оценкой своих профессиональных качеств, я принялась отсиживать каторгу под начальственной дверью, уже почти не раздражаясь.

Приемная была под стать господину «клиенту» — и заодно названию фирмы. Офис «Замка» занимал бельэтаж и полуподвал в одном из старых особняков городского центра. В бельэтаже я не бывала, а над подвалом дизайнеры потрудились на славу: полное евро, модные светлые покрытия всех обозримых поверхностей, много зелени, скрытые под бордюрами мощные и обильные лампы… но при этом сохранилось ощущение старины: сводчатые

потолки, кривые коридоры, толщина стен в дверных проемах… Круто и немного жутковато.

Собственно приемную хранило ответвление одного из коридоров, где она размещалась в полном одиночестве, подальше от «простонародья». Зачем мне нужно было просиживать кресло именно там — если листы с текстом я вручала либо секретарше Марине, либо Сергею Александровичу (он каждый раз горячо интересовался, сохранила ли я первоначальный вариант), а получала еще от кого-нибудь?

Секретарша Марина угощала меня отличным чаем и отвратительным кофе, сохраняя при этом отсутствие всякого присутствия на лице и продолжая заниматься своими секретарскими делами. Но в третий, кажется, визит, заметив, что Марина никак не может «договориться» с собственным компьютером, я не удержалась и подсказала, в чем дело. После этого воспрявшая духом дама пожаловалась на школьные проблемы одиннадцатилетнего сынули, и я подбросила парочку полезных рекомендаций по установлению взаимопонимания со школьным руководством вообще и классным руководителем в частности… Не скажу, что Марина полюбила меня как родную, но отсутствующее выражение с ее лица исчезло.

Правда, особо болтать она как-то опасалась, сообщив шепотом, что Вадим Петрович имеет привычку оставлять приоткрытой внутреннюю дверь, и слышно все, что происходит в приемной. Ладно бы еще специально так делал, для контроля над ситуацией, просто внимания хватало ровно на одну дверь, про вторую он забывал, а потом ругался: почему так шумно, работать невозможно.

Согреваемая надеждой на то, что четвертый визит окажется последним, я просиживала кресло почти с воодушевлением. Тем более что очередной «вариант» (на самом деле — первоначальный) прихватил в кабинет господина генерального директора господин директор исполнительный. Более того, выйдя из господских апартаментов, он пообещал мне, что «все будет тип-топ», и даже подмигнул!

Но только я настроилась на скорый финал своих мучений, как в приемной появилась сказочной элегантности дама с фантастической длины и формы ногами и в строгой короткой шубке. Лет даме было не то тридцать, не то пятьдесят. Про себя я окрестила ее «герцогиней» и подумала: надо же, что деньги могут с женщиной сделать! Вот Марина: и одета — вполне, и явно ухаживает за собой — положение обязывает, ведь секретарша — лицо фирмы, требования к внешнему виду серьезные. Да и лет ей явно поменьше, чем «герцогине». Но… Марина просто хороша, а дама — восхитительна и неподражаема!

Бросив через плечо: — Один? — герцогиня, не дождавшись ни ответа, ни доклада, устремилась в кабинет.

Должно быть, выражение моего лица было вполне… м-м… выразительным, потому что Марина, усмехнувшись, пояснила:

— Это ненадолго. Супруга. Бывшая. За деньгами явилась.

В том, что «герцогиня» явилась именно за деньгами, не было ничего удивительного, однако…

— Бывшая?

— Ну, почти бывшая. В процессе.

— Разве с такими разводятся? — удивилась я.

— Случается, — ответила Марина и, обозревая пальму в углу, безразлично сообщила, что на самые длинные ноги всегда найдутся еще более длинные.

Возразить было нечего. Почувствовав настоятельную потребность… м-м… «попудрить носик», я пулей метнулась в «комнату отдыха», где находился ближайший туалет — а вдруг шеф пожелает в качестве финального аккорда побеседовать со мной лично, так чтобы уж ничто не отвлекало.

«Герцогиня» надолго не задержалась. Выплыла из кабинета, подхватила с кресла шубку, кивнула в пространство — видимо, попрощалась с «присутствующими» — и испарилась.

А вот дверь в директорские апартаменты она закрыла плохо. По крайней мере, внутреннюю — вскоре после ее ухода из кабинета донеслись раскаты начальственного баритона. Ну что за невезуха! Теперь он полчаса будет по телефонам трепаться, а мне — сидеть? Надоели!

К тому же настроение ему испортили: поговорив, он что-то там у себя уронил или сломал. Может, ну его к лешему и пойти домой? Пока я уговаривала себя, что «терпение лопнуло» — это непрофессионально, Марина тихонько выбралась из-за стола, шепнула:

— Попробую прикрыть, — и чуть не на цыпочках прокралась к двери.

3

Дальше все начало происходить очень быстро, гораздо быстрее, чем получается в пересказе.

Мое кресло стояло напротив входа в начальственные апартаменты, так что, когда, приоткрыв наружную дверь, Марина скользнула в тамбур, я ее еще видела. Потянувшись прикрыть внутреннюю дверь, она, видимо, заглянула в кабинет, вскрикнула «Димочка!» и рванулась туда.

Мне ничего не оставалось, как ринуться следом. Выяснять, почему это вышколенная секретарша позволяет себе такую фамильярность, и как Вадим превратился в Димочку, — это потом.

Едва не кувыркнувшись через компьютерный провод и, кажется, выдернув его из розетки, Марина подскочила к креслу господина генерального директора. Точно! Вот что тут упало! Ну то есть, не что, а кто. Похоже, у хозяина

случился сердечный приступ — не поспать же он на стол прилег… Ну, надо же! А мне казалось, что субъекты в такой стадии высокомерия от сердечных проблем застрахованы, ибо слишком себя ценят.

— «Скорую» вызови! — крикнула мне Марина.

Мне хватило одного шага к столу, чтобы понять, что одной «скорой» тут не обойдешься. Второй мыслью было: ну, вот, мучилась-мучилась с этим рекламным шедевром — и все зря! Как не стыдно, Маргарита Львовна! — рявкнул внутренний голос, — твои потери с «его» явно несравнимы по масштабу, и вообще, давай уже звони Ильину, что ли, пока потрясенная секретарша тут всю обстановку не нарушила.

Почти за шиворот я выволокла дрожащую Марину — она, кажется, пыталась со мной драться — из кабинета, прислонилась к двери и набрала номер майора Ильина.

С майором, точнее, старшим опером убойного отдела, не то городского, не то областного, я их вечно путаю, мы… как бы это сформулировать поточнее?.. «дружим». Дружба началась из-за моей способности натыкаться на трупы, но и без них герр майор время от времени забегает ко мне «на огонек», даже остается ночевать. Как правило, без последствий, то есть платонически. Особы романтические могут решить, что Ильин терпеливо выжидает: когда же Маргарита Львовна бросит валять дурака и упадет в его крепкие объятья. Однако скорее всего, он ко мне просто привык и, пожалуй, уже не слишком хорошо помнит, какого я, собственно, пола. Как ни крути, знакомство очень полезное. Ох, только бы его сейчас поймать!

— Никита свет Игоревич, не хотите ли повидаться?

— Прямо сейчас? — голос ненаглядного майора источал отнюдь не радость по случаю долгожданной встречи, а нечто совсем другое. Но наглую Маргариту Львовну так просто не собьешь.

— Да наверное… Я, конечно, могу и ноль-два набрать…

— Ты опять труп нашла? — поинтересовался Ильин, вложив в голос всю мыслимую усталость и немножечко сарказма. Ну и пусть! Как говорил один юный герой, «я не виноват, это истории виноваты, раз случаются».

— Да заказчик у меня помер, и, похоже, не сам… То есть, может, и сам, я особо не приглядывалась…

— К-к-как помер? — Маринин голосок дребезжал вроде крышки на кипящем чайнике.

Я взглянула на побелевшие щеки и синие дрожащие губы, цыкнула на нее и велела запереть дверь приемной, сесть в кресло и не отсвечивать.

— Кто там у тебя? — спросил Ильин.

— Секретарша, — ответила я и, не дожидаясь вопроса, уточнила. — Из кабинета я ее вытащила, так что там все более-менее на месте.

— А ты уверена, что милиция нужна? — хмыкнул майор. — Что там у тебя «сам», «не сам»…

— Ильин, я серьезно. У него дырка в голове. Даже если это самоубийство, без вас не обойдется.

— Да-а-а… Умеешь ты порадовать человека. А кто у нас заказчик? — уже совсем иным тоном спросил Ильин.

— Замакин, — ответила я.

— Вадим Петрович? Генеральный «Замка»? — уточнил Никита.

— Ну да. Прямо в собственном кабинете.

— О, Господи! — подытожил жизнерадостный Ильин и отключился.

Пока не приехал любимый майор, я отпаивала Марину валерьянкой и старательно выслушивала ее рыдания. Ни фамильярный вопль «Димочка!», ни внезапная истерика никак не вписывались в схему «секретарша — работодатель», даже с учетом всех ходящих на эту тему сальных анекдотов. Что-то тут было посерьезнее. Так что слушала я очень внимательно, но, увы, не слишком результативно.

Степень их близости так и осталась загадкой, но Марину Замакин к себе взял по давнему знакомству и вообще «заботился» — дословно. С чего бы? Надо будет моего «справочника» Санечку потрясти, который все про всех в городе знает: генеральный директор фирмы «Замок» — фигура достаточно крупная для того, чтобы находиться в «базе данных». Н-да… И зачем мне это надо? Марина была все время у меня на глазах, тело мы обнаружили практически вместе. Или она пристрелила работодателя перед моим приходом, а Досин и «герцогиня», обнаружив труп, ничего не сказали, вроде так и надо? Ну-ну.

И все же Санечку потрясти надо, информация лишней не бывает.

Ильин приехал один, на что я не преминула тут же обидеться: ведь русским языком сказала «дырка в голове» — нет, надо непременно самому убедиться, что есть «событие». Не верит. Думает, Маргарита Львовна легкомысленная, легковерная и вообще все преувеличивает.

Редиска!

Ильин, конечно, а не Маргарита Львовна.

Обижаться мне, впрочем, пришлось недолго. То ли Никита свет Игоревич предупредил дежурную бригаду, то ли еще что, но, глянув одним глазком на кабинет и его «содержимое», он сообщил, что «специалисты сей минут прибудут», и в самом деле — явились через четверть часа, не больше.

А он, конечно, тем временем вытряс из меня всю душу — или что там у меня на ее месте. Ну это нам раз плюнуть: докладывать любимому мужчине обстановку — дело привычное.

— Прибыла в четырнадцать нуль-нуль… — начала, было, я, но «любимый мужчина» тут же перебил меня и уточнил:

— Ровно?

Ну да, конечно, он отлично знает, что мой невероятный талант попадать в «ситуации» уступает только моему же таланту всегда и везде опаздывать. Но, между прочим, «всегда и везде» — это преувеличение, о чем господину Ильину тоже прекрасно известно: я на подсознательном уровне чую, когда и куда опоздать нельзя, так что в некоторые места прибываю вовремя. Придется напомнить.

— Сюда, — мотнула я головой в сторону кабинетной двери, — опаздывать не положено, поэтому ровно, может, минут на пять раньше. Спроси Марину.

Марину Ильин отправил в комнату отдыха. Обычно их располагают за кабинетом потенциального отдыхающего, но в «Замке» — может, потому что приемную разместили и так на отшибе — релакс-рум находилась напротив кабинета, аккурат рядом с тем креслом, которое я обычно просиживала.

— Ладно, потом, — согласился Ильин. — Клиент был жив?

— Слушай, сыщик, может, я тебе факты изложу, а ты из них выводы будешь делать? — почему-то разозлилась я. — Зачем тебе мои личные домыслы? Должен был быть жив, но я его не видела. Так что давай я лучше без догадок, о кей?

— Опять Хайнлайна перечитывала? — вполне риторически спросил Никита.

Для тех, кто не в курсе: у Хайнлайна время от времени поминается такая должность как Честный Свидетель. Что это такое, проще объяснить на примере. «Какого цвета вон тот дом? — Обращенная к нам стена сейчас выглядит белой». Мораль: идеальная кандидатура на роль Честного Свидетеля — Фома Неверующий. Если вы думаете, что быть Честным Свидетелем очень легко — попробуйте раз-другой описать что-нибудь, обходясь без умозаключений и опираясь только на факты. Думается, результат вас удивит.

Ильин в чем-то прав. Мне до идеала далеко, частенько с фактов на личные выводы заносит, но, с другой стороны, если есть идеал, почему бы к нему не стремиться? Хорошая тренировка.

Кстати, в сложившейся ситуации я, по правде говоря, роль Честного Свидетеля исполнила из рук вон плохо. Прежде чем утверждать, что у кого-то «дырка в голове», ее надо бы потрогать или хотя бы понюхать. В конце концов, с помощью грима можно вполне натурально изобразить любую рану. А есть еще «ужасные» наклейки — в магазинах приколов продаются, рядом с «отрубленными» пальцами и прыгающими стаканами.

Вы только не подумайте, что господин Замакин вдруг оказался живым. Отнюдь. Дырка у него в голове была самая настоящая. Но в первый-то момент я не могла быть в этом уверена, правда? Это хорошо иллюстрирует разницу между фактом и предположением. Впрочем, извините, отвлеклась.

— Итак, сама я Замакина не видела, был ли кто-то в кабинете — не знаю. Но если был — должно быть, в форточку выскочил, ибо при мне выходили лишь те, кто заходил, а когда мы влетели в кабинет, там присутствовал лишь хозяин. Уже в виде тела. Теперь визитеры. В начале третьего начальство посетил исполнительный директор Сергей Александрович Досин. По каким делам — не ведаю, но мой опус, из-за которого я здесь и оказалась, захватил с собой. Вышел минут через десять, велел не отчаиваться и даже подмигнул. Одет был в джинсы, рубашку и джемпер, в руках была папка для документов. Тонкая, синяя, непрозрачная. Сразу после исполнительного директора — время уточнишь у Марины — явилась дама, Марина сказала — супруга. В процессе развода. Очень ухоженная шатенка, стрижка, ноги от подмышек, короткая шубка, под шубкой — темно-зеленое платье-коктейль, думаю, кашемир. Сумочка маленькая, плоская. Во время этого посещения я сбегала в туалет, отсутствовала минуты две, не больше. Удалилась дама минут через пять, не закрыв внутреннюю дверь. Тут акустика хитрая, сам убедишься. В общем, минут через несколько после ее ухода было слышно, как господин Замакин — или кто-то с очень похожим голосом — говорил по телефону. Что именно говорил, я не разобрала, да и не прислушивалась. Потом замолчал, и послышался еще какой-то звук — я решила, что он что-то уронил, но не настаиваю, возможно, это был выстрел. Марина решила прикрыть дверь, заглянула, вскрикнула… Через пару минут я тебе позвонила.

На самом деле это был не монолог. Ильин переспрашивал, уточнял подробности…

Потом приехали «специалисты». Зря я на Никиту обижалась, он даже охрану на входе предупредил, а я-то думала — как же «специалисты» внутрь попадут, в «Замке» охрана, что в Оружейной палате, а то и строже, на удостоверения им плевать, скажут «не вызывали», и привет!

Пока работала бригада, майор опрашивал более-менее успокоившуюся Марину. Ничего особо интересного не извлек, разве что события по минутам расписал — она, как грамотная секретарша, время визитов фиксировала автоматически. А уж нянчился Никитушка с ней — тьфу! Небось для меня и десятой доли внимания не нашлось, выслушал безразлично, вроде как запись видеонаблюдения просмотрел.

Да ты ревнуешь, Львовна! — завопил внутренний голос. Вот еще, больно надо! — фыркнула я в ответ. Молча, конечно.

Вердикт «специалистов» (я узнала о нем уже дома, в самом конце этого длинного дня) поверг меня в прострацию. Выстрел в упор, ранение слепое, калибр, вероятно, пять и шесть… По всем внешним признакам — самоубийство. Вот только пистолета возле тела не обнаружено. Прострелил себе башку и спрятал ствол так, что спецы не нашли? Сильное колдовство, однако…

4

Я так и так прикидывала, не могла ли Марина за то время, что прошло между ее проникновением в кабинет и моим рывком за нею, спрятать этот чертов пистолет? У меня получалось, что могла успеть, несколько секунд у нее на это было. И если пистолет совсем маленький — в кармане офисного костюма я его не заметила бы. А может, это вообще был не пистолет, а какая-нибудь экзотическая стреляющая ручка или зажигалка? Калибр-то детский. Но зачем? И ведь прежде чем что-то прятать, надо еще успеть сообразить, что это нужно сделать.

Сама же и застрелила, а пистолет спрятала? Еще больший бред! Времени не хватило бы. Она завопила «Димочка!» практически с порога. На то, чтобы сунуть пистолет в карман, нужна секунда, а чтобы человека застрелить — несколько больше.

Или все случилось, пока я посещала комнату отдыха? Марина оставалась в приемной одна минуты на две — вполне достаточно, чтобы зайти в кабинет, выстрелить, спрятать пистолет и выйти. Правда, в кабинете в это время была госпожа Замакина. Вряд ли она стала бы спокойно смотреть, как убивают ее супруга — пусть даже почти уже бывшего. Или Лара и Марина сговорились? Не вижу причины, но допустим. И что, не нашли более подходящего времени для «операции»? Очень глупо. Не могли же они предугадать, через сколько я вернусь. Вдруг через десять секунд? И куда при этом деть телефонный разговор, который я слышала собственными ушами? И звук, который с каждой минутой попыток воссоздать в памяти виденное и услышанное, все больше и больше казался мне похожим на выстрел…

Чуть не дымясь от размышлений, я прилетела в редакцию не в «свой» день, так что наш народ слегка перепугался и начал сверять собственные мировосприятия с настольными календарями — неужели сегодня совсем другой день недели? Забавляясь, я подлила масла в огонь: сбросила на верстку материалы, которые должна была привезти только послезавтра — зря, что ли, я на них полночи убила?

Может, кого-то удивляет, что после столь бурных событий я еще и в работу впряглась, хотя ничего срочного в том не было? Ну надо же мне было как-то отвлечься! Тем паче, раз события начались, стоит использовать для работы любой относительно свободный момент — мало ли как они, события, будут развиваться.

Для полного счастья пошла еще «обрадовать» начальство, сообщив, что наш взаимный рекламный экстаз с фирмой «Замок» откладывается на неопределенное время по причине безвременной кончины руководителя «той» стороны.

Начальство, однако, было уже в курсе и даже успокоило меня, высказавшись в том духе, что господин Досин, который займет освободившуюся должность, гораздо более контактен, и договариваться с ним проще. Вот прямо так шеф и сказал. Не «должен занять», не «видимо, займет», а конкретно «займет». А начальство наше в значениях слов… м-м… разбирается. Интересненько…

В коридоре меня перехватил Кегль — наш коммерческий директор Георгий Глебович Салтанов. Устойчивостью он может соперничать с египетскими пирамидами, так что никакого отношения к боулингу его прозвище не имеет. Как, впрочем, и к полиграфии (кегль — это размер шрифта в пунктах, которые, ежели кто не в курсе, суть типографская единица измерения, примерно треть миллиметра). Возникло прозвище из чисто фонетических соображений. Попробуйте сократить до произносимого «Георгий Глебович». Ге-Гл, так? Ближайшим осмысленным словом и будет «кегль».

— Зайди, — махнул Кегль в сторону своего кабинета, крохотного и, вдобавок, заставленного всевозможными шкафами и коробками. Я чинно присела на единственный свободный стул.

— Что там с Замакиным?

— Уже ничего, — честно доложила я.

— Убили, что ль?

— Говорят, сам застрелился.

— Сам? — скептически хмыкнул коммерческий директор. — Ну-ну. А ты причем? Коньяк будешь?

— Не причем вроде. Нет, спасибо, — так же телеграфно ответила я.

— Да? Ну смотри у меня!

На этом странная аудиенция завершилась. Зачем звал — непонятно.

Вот так всегда. Все все знают, а я кто? Но… Выяснять, «откуда дровишки» у собственного начальства — не совсем комильфо. Ай, ладно, сейчас Санечка мне все расскажет. Черт, «гонорар» купить забыла (Санечка берет отнюдь не борзыми щенками — пивом, причем крайне недешевым, да еще не везде его и купишь). Ничего, договорюсь и сбегаю.

А вот облом-с! Мой радостный бег к Санечкиному кабинету был прерван самым прозаическим образом — запертой дверью этого самого кабинета. Не может быть! Если и есть в этом мире что-то постоянное, так это Санечка в своем логове, окруженный бумажными завалами.

Репортерская братия из соседней комнаты слегка поразвлекалась, глядя на мою потрясенную физиономию, но люди они добрые, долго мучить не стали, сообщили, что Санечка «изволили приболеть». Где он живет, братия, естественно, не знала. Пришлось возвращаться в приемную, добывать адрес и телефон у нашей секретарши. К счастью, оказалось, что обитает наш «справочник» недалеко. А то, знаете ли, бегать по всему городу в метельных вих-

рях — не то удовольствие, о котором человек мечтает. Тем более, я девушка нежная и хрупкая, любящая комфорт и, главное, — тепло.

Может, Санечка еще и не расположен гостей принимать? Скажет — подождешь, пока в редакции появлюсь, и что тогда? Ну и хорошо, двинусь я домой, к теплой батарее, на диванчик, под лохматый плед. А то, понимаешь, приспичило информацию собирать. Зачем, спрашивается? Опять Ильину нервы трепать своим неистребимым любопытством? Ну застрелили у тебя заказчика — расслабься и займись другими делами. Да, может, он еще и сам застрелился. Мало ли, что оружия на месте нет. Вон у Конан-Дойля в одном из рассказов человек покончил с собой на мосту, а чтобы подвести под монастырь лучшего друга, револьвер к камню привязал и веревочку через перила перекинул. Когда мертвая рука разжалась, револьвер в речку и булькнул. Только небольшая выбоина на перилах осталась, потому и догадались.

Из подвального кабинета, конечно, веревочку далеко не протянешь — ну и что? Много чего придумать можно, если постараться. И окошко в кабинете имеется, даром что подвал. И форточка всегда нараспашку — очень покойник свежий воздух любил. А если он покончил жизнь самоубийством, какого лешего мне суетиться? Впрочем, даже если и нет, все равно — мне-то оно зачем? Так что пусть Санечка меня пошлет в туман, спокойней оно и прелестней. Как там дальше у классика? «Я себя смирял, становясь на горло собственной песне» — вот и смирись, Маргарита Львовна! А пока Санечка на работу выйдет, двадцать раз на что-нибудь отвлечешься…

Не получилось. Только вооружишься благими намерениями — ан нет, фигушки!

Санечка к моему звонку отнесся на удивление благосклонно, даже не стал сыпать обычными гадостями, просто сказал «ну, заходи, адрес знаешь?» И расстроенная Маргарита Львовна двинулась на баррикады.

Баррикады начались сразу. По дороге пришлось обойти не меньше шести магазинов, прежде чем обнаружилось любимое Санечкино пивцо. А оно, между прочим, недешевое. Однако, назвался груздем — не говори, что не дюж…

У нужного подъезда я притормозила: зная, во что Санечка превратил свой редакционный кабинет — пыль, паутина, чуть даже не копоть — я предвидела, что впечатление от квартиры будет неслабое. И оказалась права.

Так… Судя по количеству квартир, третий этаж, слева… Что?! Вот эти, промытые до хрустального блеска и родниковой прозрачности? Ничего себе! Вы где-нибудь в конце зимы чистые окна видели?? Не может быть! Львовна, посчитай еще раз.

Посчитала. И в полном недоумении двинулась внутрь.

Квартирка оказалась крохотной, но вполне под стать окнам. Лично у меня такой чистоты даже после генеральной уборки не бывает. М-да… Чело-

век — существо разнообразное. Я-то привыкла, что Санечка — это такой паук в пыльном логове, чуть копни — наверняка останки высосанных жертв валяются.

— Ну что, Риточка, — осведомился хозяин, вовсе не похожий на больного. — Ты, говорят, опять труп нашла? И жаждешь услышать про тайны «Замка».

Интересно, откуда он все знает? Когда успел?

— Чай будешь или чего покрепче? — Санечка продолжал меня удивлять. Вообще-то он абсолютно не склонен к тому, чтобы кого-то чем-то угощать. Надо же, как человека родные стены меняют!

Гонорарное пиво хозяин убрал в холодильник, выставил на стол дагестанский коньяк и окружил его прелестными чайными причиндалами, включая серебряные сахарные щипцы и ложечки, причем, явно не гостевые, а повседневные, ибо достал он их просто из сушилки. Чашечки почти прозрачные, чай заварен идеально… Да, красиво жить не запретишь.

— Ну… — хозяин задумчиво сделал крошечный глоток. — «Замок» зарегистрирован почти десять лет назад по инициативе твоего покойника и его приятеля Досина — он у них теперь, кажется, исполнительным директором числится, а в общем — первый зам с правом решающего голоса. Хотя вряд ли ему приходится этим правом пользоваться. Когда надо решать что-то на официальных уровнях, Замакин жмет чиновников и прочую нужную публику мастерски. Да и деньги на раскрутку, насколько я знаю, он раздобыл. А Досин… Он организатор, технолог, промоутер даже — не знаю, что еще. Если ты меня спросишь, я сказал бы, что это обычный тандем: президент занимается внешней политикой, премьер обеспечивает порядок внутри. Криминала в «Замке» никогда не замечалось, даже с налоговой проблем не было… Сейчас это весьма преуспевающая контора, все катится по готовым рельсам. Да ты и сама должна знать, твои же заказчики.

— Что, совсем ничего? — огорчилась я.

— Похоже, совсем, — признал Санечка. — Последнее время, правда, ходили слухи, что Замакин собирается в строительство влезть, вроде бы он должен был тендер на четвертый ветеранский дом выиграть…

— Так, может?.. — я не договорила, Санечка и сам все отлично понимает. Строительство — это не фунт изюма, тем более, муниципально-федеральное, куски тут ого-го какие, так что и конкуренция соответствующая.

— Брось! — остудил мой пыл Санечка. — Эта публика не так действует. Ну, влез человек не на свою поляну, но зачем стрелять, его и так сожрали бы, вместе с косточками. Да я думаю, что он и сам отступился бы, все ж не идиот. Нет, никто его из-за этого тендера убивать бы не стал, глупо. А если бы вдруг и стали… Взорвали бы, пристрелили на входе-выходе или хоть через окно. Ты же знаешь, как такие вещи делаются.

Лично мне господин Замакин не показался человеком, способным уступать. Но Санечке виднее.

— Так что, по калибру судя — если не врут, конечно… — Санечка вопросительно взглянул на меня. — Хотя бывают, конечно, снайперские мелкашки…

— А какой может быть калибр, если при выстреле в упор дырка слепая?

— В упор, говоришь? Точно? Ну… тогда, если будешь ковыряться, ищи в личной жизни. Замакин был дядька душный, я с ним общался лишь однажды, и то очень хотелось его по кумполу треснуть.

Мне подумалось, что большего зануды, чем мой визави, земля еще не рождала, но… Санечка зато дело свое знает. А Замакин хотел на чужое поле влезть — не признак профессионализма.

— Значит, личная жизнь, — продолжил крепкий профессионал Санечка, сделав глоток из коньячного бокала, затем из чайной чашки. — Супруга. Великолепная дама, ей бы на подиуме рассекать, жаль, времена не те были. Лариса… черт, опять забыл, какое-то у нее отчество хитрое… А! Евграфовна. Вот ведь угораздило тетку, а? — Санечка хихикнул. — Педагог, физику преподавала, десять лет в третьей школе завучем была.

— Ого! — не сдержалась я. Изумление мое объяснялось просто: третья школа (физико-математическая!) относится к полудюжине сильнейших школ нашего города. — Никогда бы не подумала.

— Ну! — поддержал меня хозяин. — Дама та еще. Любовника, насколько мне известно, не имеет. С Замакиным они нынче в стадии развода. Он себе какую-то фифу нашел, сейчас, погоди, гляну… — Санечка исчез в комнате и, вернувшись минуты через три, провозгласил. — Арина Барр! Вроде как модель.

— Вот это да! Барр? — изумилась я. — Вот имечко! С такими данными надо в рок-музыке блистать.

— Угу. Только в модельном бизнесе доходы выше и перспектив больше. Кстати, фамилия настоящая.

— Прелесть! Она, случайно, не Родионовна?

— Нет, Романовна. А самое милое, что эта девица того же типа, что Лариса Евграфовна. Похожи, как сестры.

— Шило на мыло? — съехидничала я.

— Ну, так девица помоложе, конечно. Хотя Лариса Евграфовна — дама без возраста. Кстати, любопытная деталь — покойник страховку оформил на приличную сумму, что-то тысяч двести, кажется…

— А ты откуда знаешь? — не удержалась я от идиотского вопроса. Идиотского — потому что Санечка по определению знает все и обо всех. Ну… не так, чтоб совсем обо всех, конечно. На мою скромную персону ему, скорее всего, просто жаль мозговых клеточек — масштаб не тот. Поскольку вопрос

Санечка, естественно, проигнорировал, я решила сделать вид, что никаких таких глупостей вовсе не спрашивала. — Двести не наших, конечно?

«Эксперт» укоризненно покачал головой и даже вздохнул от чувств:

— Издеваешься, что ли? Что такое двести тысяч наших? Это и в евриках сумма не более чем просто приличная. Но на поддержку систем жизнеобеспечения хватит. Лариса — баба хваткая, она через год-два из этих денег миллион сделает. Или три. Уже можно жить.

— Да… — вздохнула теперь уже я. — И это, не считая половины «Замка»… Или сколько ей там причитается?

— А с чего ты взяла, что ей в «Замке» что-то причитается? — удивился Санечка. — Это же не личное имущество, — и покровительственно заметил: — Ах, да, ты ж у нас в экономике не очень…

Уф, значит, не обиделся! А снисходительность я уж как-нибудь переживу, лишь бы объяснял. Санечка, должно быть, «услышал» мои мысли (а может, ему просто нравится чувствовать себя самым умным) и, подкрепившись очередной порцией чая с коньяком, продолжил сеанс ликбеза.

— Как бы тебе это попроще нарисовать… Формально «Замок» возглавляет не директор, а президент… — Санечка вдруг замолчал и нахмурился. — Черт! Как же его… Такая дурацкая фамилия… Мучаешь больного человека! — рявкнул он на меня, но, в общем, вполне беззлобно. Я даже посочувствовала: «эксперт», который чего-то не может вспомнить — зрелище редкостное и удручающее. И вправду болеет паучок-то наш.

— Ну, надо же! Забыл! — совсем расстроился «паучок», снова метнулся в комнату и оттуда завопил. — Беда!

— Что стряслось? — испугалась я.

— Фамилия у него — Беда, — объяснил вернувшийся хозяин.

— Как же ты такую шикарную фамилию забыть ухитрился? Тем более президент…

— Да ладно, президент! Он там Фунтом работает.

— Зиц-председатель, что ли?

— Ну! — энергично подтвердил Санечка. — То есть формально президент, а фактически…

— Фактически — беда, — сострила я.

Но Санечка даже не улыбнулся.

— Там сейчас, конечно, кое-какие перемещения произойдут, но сугубо внутренние. Досин из исполнительных станет генеральным, а президентом так Беда и останется. А уж Лариса тут и вовсе сбоку. — Санечка вздохнул, изобразил на физиономии крайнюю степень утомления, даже глазки прикрыл и сообщил назидательно: — Визиты к страждущим не должны быть продолжительны, девушка. Тебя вежливости учили? — и, не успела я возразить, на

этот выпад, снисходительно разрешил. — Ладно уж, понадобятся уточнения, можешь звонить.

Уже в прихожей я решилась:

— Санечка, можно нескромный вопрос?

— Нельзя! — отрезал гостеприимный хозяин. — Получила свое — ступай.

И выпроводил. Вот злыдень! Наверняка догадался, что я хочу спросить про несоответствие неряшливой и мусорной редакционной ипостаси — и до блеска отдраенной домашней. А самое печальное, что он прав. Не мое дело, почему человек живет так, как он живет.

5

Значит, покойник предпочитал определенный тип женщин: супруга бывшая, супруга будущая… даже секретаршу себе выбрал примерно того же типажа. И что с того?

Лучше подумать об обстоятельствах времени, места и образа действия.

Если пистолет нашли, все мои прыжки вообще бессмысленны. Положим, я убеждена, что такие самовлюбленные типы абсолютно не способны покончить с собой. Но, во-первых, а так ли уж очевидно, что покойник и впрямь был самовлюбленным и самоуверенным типом? Может, как раз наоборот? Робкий, ранимый и сильно битый жизнью и людьми? А все его фанаберии — чистая защита? И, во-вторых, человек — существо сложное, и логика «такой тип не мог…» ведет в никуда.

Если пистолета не обнаружили при первом осмотре, это отнюдь не означает, что он там вообще отсутствовал, так что потом могли и найти… Ох, придется опять Ильину кланяться!

В редакцию возвращаться смысла не было, а к дому мне ехать совсем в другую сторону и на другом транспорте, так что удаляться от Санечкиного жилища пришлось наугад. А погружаться в размышления — не лучший способ выбраться из незнакомого места. Ну и куда это я забрела?

Нет, я не угодила в строительный котлован, не налетела на криминальную компанию — ничего такого экзотического, какой-никакой, автопилот у меня все-таки работает. Но пришлось сосредоточиться на окружающей действительности и на выборе пути. А я, математик по образованию и лодырь по призванию, выбираю дорогу исключительно нюхом: туда! — и дальше надо лишь срезать все углы и держаться азимута.

Увы, не все углы можно срезать. За стоящей поперек избранного направления девятиэтажкой неожиданно обнаружился совершенно неизвестный мне магазинчик «Ткани».

Моя слабость к текстилю общеизвестна. И даже не столько к текстилю, сколько к сопутствующим штучкам: пряжкам, крючкам, пуговицам, заклепкам

и прочей фурнитуре, которая чаще всего продается именно в магазинах «Ткани». А тут — магазинчик, причем, незнакомый. Спрашивается — могла я туда не зайти? Теоретически — могла. Если бы рядом с мануфактурным магазинчиком случился книжный, а рабочий день близился к завершению. Но до конца дня было, как до Китая, а книжного магазина и вовсе никакого не наблюдалось.

Побродив полчаса меж разноцветных полотнищ и ничего не углядев, я отправилась к фурнитурным прилавкам. Тут-то меня и настигла судьба.

— Тук-тук, — раздалось сзади, и в мою спину ткнулось нечто твердое и неприятное. По законам жанра оно должно было оказаться пистолетным стволом. Впрочем, по законам совсем другого жанра. А наша жизнь, невзирая на идеалы и усилия телесценаристов, не очень похожа на голливудский боевик. Да что говорить — она и на отечественный-то не очень похожа. Так что, какой там ствол — наверняка палец, в лучшем случае, карандаш или авторучка. Хотя все равно неприятно, мало ли…

Я рефлекторно присела и, разворачиваясь, отшагнула вправо. Черт знает, кого я ожидала увидеть: громил с автоматами, ангела небесного или кого-нибудь из бывших ненаглядных. Действительность оказалась гораздо симпатичнее моих смутных подозрений.

— Ты чего это? Зарядкой решила позаниматься? — поинтересовалась «действительность», хлопая лохматыми ресницами и по-воробьиному склонив голову набок.

— Кешка! У меня же инфаркт будет! — возмутилась я, принимая вертикальное положение.

Кешка, он же «Глебов, — малолетний компьютерный гений. Хотя не такой уже и малолетний, скоро четырнадцать стукнет, вон, ресницы из пшеничных каштановыми становятся. И вытянулся — почти с меня. Давно не виделись. В теплые времена это чудовище появляется у меня практически ежедневно: наши дома смыкаются углами, и Кешка приспособился сигать из своего окна на мою лоджию по реп-шнуру. Зимой остекление, естественно, закрыто, и «канатная дорога» простаивает. Так что общаться приходится в основном электронным образом, ибо ходить, как все люди, по лестницам юный гений полагает слишком скучным.

Познакомились мы, когда талантливый ребенок методично «доил» игровые автоматы с помощью маленькой самодельной штучки — только не спрашивайте, как она устроена, глебовские таланты выше моего понимания. Владельцам салона это дело почему-то не понравилось, пришлось дитя спасать. Впрочем, спас его Ильин, я так, сбоку стояла. Чуть позже мне удалось пристроить ребенка (неофициально, конечно) в сисадмины к одному своему знакомому, который с тех пор при каждой встрече — к счастью, мы редко пересекаемся — порывается что-нибудь для меня сделать, ибо почитает себя

моим должником на всю жизнь. Потом случилось еще много разнообразных событий, и вот на тебе — юный обалдуй пугает меня до полусмерти.

— У тебя? Инфаркт? — скептически хмыкнул обалдуй. — А! Понял! — он хлопнул себя по лбу. — Ваша милость сочиняет очередную жилетку, а я грубо вторгся в творческий экстаз. Поглядим… А что? Если вот эти штучки поставить вот сюда, а вот эти фиговинки прицепить вот так… тут джинса, тут кожа… А?

Я изобразила внимание, затем в самом деле заинтересовалось. В том, что предлагал Глебов, был смысл. Для своего возраста (и главное — пола!) он на удивление прилично разбирается в женских нарядах. Я сказала бы, что вкус у юного разбойника безукоризненный — если такое явление как безукоризненный вкус вообще существует. Прошлой весной он заставил меня купить кусок настоящего льняного батиста, сам нарисовал платье и проконтролировал исполнение. Даже коллеги, которым все до лампочки, потом долго пытали, что за банк я ограбила, чтобы купить себе такую шмотку. И когда? Неужто до Парижа или Милана успела смотаться?

А уж о моем нездоровом пристрастии к жилеткам Кешка осведомлен лучше, чем кто бы то ни было. Мои жилетки все разные: от разгрузочных до абсолютной классики (включая фольк, разумеется). Исходным материалом обычно служит что-нибудь, извлеченное из шкафных недр: старые джинсы, шуба, куртка, даже сапоги. Но, действительно, если вот эти штучки и фиговинки…

Интересно, нашли они пистолет? Потому что, если нет, то я ни-че-го не понимаю!

— Эй! Спишь стоя?

Чего в Кешке нет, так это положенной каждому гению рассеянности. Это я у нас избытком наблюдательности не страдаю, Глебов же по молодости еще не успел растерять интерес к окружающей действительности.

— Извини, задумалась, чем бы Ильина накормить.

— Та-а-ак… — задумчиво молвил Кешка, с интересом рассматривая мою физиономию, на которой, надо полагать, в этот момент было написано много чего такого, что при детях и женщинах говорить не подобает. — Ты домой собиралась или еще куда?

— Домой, — обреченно подтвердила я.

Соображает юное дарование быстро, а оптимальные решения в нештатной ситуации принимает вообще мгновенно. Если бы не его уникальная вредность и въедливость, я давно решила бы, что его вовсе быть не может, так, фантом, «идеальный мальчик». Но ведь у него еще и приятели такие же! «Идеальные»….

«Идеальный мальчик» добыл из недр куртки телефон — не слушая моих заверений, что, мол, и на маршрутке отлично можно доехать — вызвал такси, вывел меня из магазина, погрузил в машину (а что мне, драться с ним, что ли?) и потребовал:

— Излагай.

Я довольно вяло попыталась отбиться:

— Ладно тебе. Чего там? Ну, заказчик у меня скоропостижно преставился, ничего особенного.

Не удалось. Сегодня решительно не мой день.

— Понятно. Ты решила, что пора задуматься о душе и заняться благотворительностью, накормив представителя нашей доблестной милиции свежеприготовленным обедом. На моей памяти ты такой подвиг совершала раза два — когда тебе от Ильина что-то было нужно. Уж женились бы, ей-богу!

Интересно, что подумал про нас таксист? Впрочем, они люди привычные.

За то время, что мы ехали к дому, Глебов получил всю имеющуюся у меня информацию, включая ту, что я выкачала из Санечки.

Реплику насчет женитьбы я предпочла пропустить мимо ушей.

Не знаю, способен ли Кешка на кулинарные изыски того же уровня, что и технические — никогда не экспериментировала, но на кухне он — слава его несравненной тетушке Амалии Карловне! — отнюдь не балласт. Почистить, накрошить, спассеровать и все такое прочее — легко! Кстати, ножом он орудует лучше меня.

За пять минут мы провели ревизию холодильника и кухонных шкафов — в моем доме на избыток продуктов рассчитывать не приходится. Еще за две сочинили подобающее меню, еще через двадцать картошка пыхтела, «ирландское рагу» вкусно булькало, свежезаваренный чай благоухал, а Глебов потребовал еще раз пересказать события, случившиеся в приемной — желательно, по минутам и лишь то, что я видела собственными глазами и слышала собственными ушами. Без домыслов, сколь бы логичными они не были. Вот так. Иннокентий тоже любит Хайнлайна, и образ Честного Свидетеля для него — практически идеал для подражания.

— Ну… живым лично я его не видела, если тебя это интересует.

— То есть, теоретически его могли убить и до твоего прихода? Например, эта секретарша.

— Ага! После чего два человека, обнаружив труп, делают вид, что так и надо. А труп после этого еще по телефону разговаривает.

— Ну-у, Маргарита Львовна! — укоризненно протянул вредный ребенок. — Люди иногда молчат по самым неожиданным причинам.

— Точно-точно! А еще разговаривают после смерти! — Я почему-то разозлилась, хотя Кешка дело говорил.

— Между прочим, — назидательно продолжал Глебов, не обративший никакого внимания на мой выпад, — существуют, например, магнитофоны. Еще твоя ненаглядная Агата Кристи в одном из сюжетов замечает, что магнитофон не только записывает, но и воспроизводит. Так что, давай, напряги память, и еще раз, со всеми деталями.

Ильин равнодушен к Хайнлайну. Глебов не признает Агату Кристи, уверяя, что все ее сюжеты скроены на один фасон. Нет в жизни совершенства!

Пришлось повторять все сначала. Ребенок терзал меня наводящими вопросами — куда я смотрела, да что делала в этот момент Марина, да как выглядели посетители — так что, в конце концов, мне все это надоело.

— Да чтоб тебя, чего мы пытаемся обсуждать? Вот придет Ильин и скажет, что пистолет завалился за решетку камина…

— Ты не говорила, что там есть камин! — возмутился Кешка.

— Да нет там камина, я к примеру. Завалился за решетку камина или в корзину для бумаг, или пистолетом оказалась одна из авторучек — и все, чистое самоубийство, не о чем говорить!

6

Мужиков надо кормить. Причем дело отнюдь не в еде как таковой. Пусть твердят, что мужчины вырождаются — на самом деле большинство из них вполне способны не только обнаружить съестное в холодильнике, но даже приготовить что-нибудь приличное. Однако… каждый человек хочет почувствовать, как его холят и лелеют. У большинства мужчин рефлексы вполне здоровые, и наслаждение от того, что их кормят — совершенно искреннее. И на женщину после поглощения приготовленного ею обеда они смотрят совсем другими глазами. Нежными и восхищенными.

Ильин, разумеется, все мои хитрости видит насквозь, но против организма не попрешь. Сложив в себя как минимум половину заготовленного мной и Кешкой провианта, Никита свет Игоревич лениво прикрыл глаза и развалился на диванчике, едва не воткнувшись затылком в кактус на подоконнике. Только я больше чем уверена, что вся эта якобы неловкость — чистой воды камуфляж. Сонный он, как же! Все одно — профессионал.

— Ну… — довольно ехидно протянул профессионал, не открывая глаз. — Я так понимаю, что меркантильные журналистки не надрываются у плиты из чистого сочувствия к замученным оперативникам… И за каждый скормленный мне витамин потребуют миллион мелких услуг, так? Например, поделиться служебной информацией…

— А может, у меня для тебя тоже есть информация!

— И зачем мне твоя информация? — все так же сонно протянул Никита, приоткрыв один глаз. — Для общего развития? Дело-то наверняка закроют, — Ильин зевнул и уточнил. — Да его, собственно, пока еще и не возбуждали.

— Это еще почему?

— Почему, почему? — проворчал герр майор, видимо, недовольный тем, что ему мешают дремать. — Сама не догадываешься?

— Неужели пистолет нашли?

— Ну… Если бы его нашли, вообще никаких вопросов бы не было. Направление, выстрел в упор, рука опять же…

— Какая рука? — удивилась я.

— Та, в которой покойник исчезнувший пистолет держал. Ты про парафиновый тест что-нибудь слышала?

— Ну! — гордо заявила я.

— Ну и — на ладони следы. Так что все сходится. А оружие… Знаешь, легче предположить, что кто-то унес пистолет — хоть бы и ты, например — чем представить, что его застрелили в закрытой комнате, при двух свидетелях под дверью, а убийца после этого ухитрился из этой самой комнаты мимо вас двоих испариться.

— А в окно не могли стрелять?

— Ага! — обрадовался Ильин. — В окно. В закрытую форточку, не иначе. Оставив на виске все признаки выстрела в упор, а на руке отпечаток пороховых газов. Замечательно! Да и вообще… Ты себе архитектуру этого самого окна представляешь?

Я представляла. Подумаешь, премудрость! Каждый знает, как устроены подвальные окна. Они ведь ниже уровня земли, поэтому возле каждого делают «карман» с бетонной облицовкой. Бывают маленькие, едва по колено, бывают и чуть не по два метра глубиной. Дно «карманов» волшебным образом зарастает землей и летом расцветает то мальвами, то вьюнками, а то и просто бурьяном. Зимой колодцы заносит снегом. Уровень пониже, чем у окрестных сугробов, все-таки от окон какое-никакое тепло идет, но и того хватает.

В замакинском кабинете «карманный» сугроб доставал почти до форточки. И вокруг метров на десять — снежная целина. Подойти к окну для выстрела никак невозможно, а стрелять издалека — попадешь разве что в противоположную стенку — в самый верх, под потолком, но никак не в человека за столом. К тому же, форточка довольно высоко… Погоди… Что там герр майор про форточку сказал?

— Почему — в закрытую?

— Чего «закрытую»? Форточку, что ли? А что тебя не устраивает? Зима на дворе.

— Вадим Петрович был маньяк свежего воздуха, — сообщила я. — Когда дверь из кабинета в приемную открывалась, постоянно сквозняком подтягивало. Думаю, форточка все время нараспашку стояла.

— Ну, значит, не все время. Заперта была твоя форточка.

Не успела я заявить, что форточка вовсе не моя, Ильин вздохнул и сочувственно так, с пониманием спросил:

— Ты что, была к нему нежно привязана? Говорят, покойник был довольно неприятной личностью. А, Львовна? Что ты прицепилась к этому самоубийству?

— Ты сам-то веришь, что это самоубийство? — возмутилась я.

— Ну… — весьма содержательно протянул Ильин.

Но меня уже понесло:

— А еще говорят, что профессионал всегда остается профессионалом! Если ищейка взяла след, ее уже никакими силами не оттащить!

Честное слово, я вовсе не хотела обидеть Никиту, но нельзя же так: перед тобой загадка, а ты лениво зеваешь…

— Господи, какой ты еще ребенок, — улыбнулся Ильин.

Кешка в своем углу возмущенно фыркнул, и герр майор обратился к нему:

— Глебов! Ну, ты-то рациональный, здравомыслящий человек, хоть ты ее убеди.

— А ты думаешь, это вообще возможно? — отозвался Кешка.

— Ладно, — вздохнул Никита, — будем размазывать манную кашу по чистому столу. Непонятки тут действительно есть, но, если честно, я действительно думаю, что это самоубийство. И можешь смеяться, но именно пропажа пистолета меня в этом больше всего убеждает.

— А… — я поперхнулась. Ильин был абсолютно прав: исчезновение оружия говорит за самоубийство, а не наоборот. Поторопилась, не вникла.

— Если это убийство, то уносить оружие — полный идиотизм, — продолжал Никита. — Ладно, я не спрашиваю, как он ухитрился войти в кабинет и выйти на глазах у тебя с Мариной. Талантливый такой убийца. Дэвид Копперфильд и Гарри Гудини в одном флаконе. Но в первую очередь его интересует что? Как и любого другого — собственная безопасность. Пробрался незамеченным — ура, но зачем пистолет тащить? Стреляли, с большой долей вероятности, из маленькой «беретты», что числится за фирмой, направление выстрела правильное, даже типичное, выстрел в упор, на руке следы — что еще надо? Предсмертного письма и видеозаписи процесса? И без того чистое самоубийство! Дело закроется, даже не открывшись. Никто никогда никого искать не станет. А твой гипотетический злодей, чудесным образом проникший в кабинет и исчезнувший из него — феноменальный ловкач! — тут же с феноменальной тупостью ворует пистолет и разрушает абсолютно безопасную для себя конструкцию.

— И куда же, по-твоему, в таком раскладе пистолет делся?

— Не знаю, — признался Ильин. — Могу лишь предполагать. Если исключить какие-то неизвестные мне технологии типа стреляющих сосулек — это вон к Иннокентию — то пистолет мог вынести кто-то из тех, кто оказался в кабинете после выстрела. Ты вот абсолютно уверена, что Марина не могла его взять? Мы ее не обыскивали, да и в комнате отдыха она не меньше двадцати минут находилась. Одна, между прочим. А за двадцать минут не то что пистолет, гаубицу спрятать можно. Могла?

— Думаю, что нет. Посчитай. Она вошла в тамбур, через секунду завопила «Димочка!», я ринулась следом… Вне поля моего зрения Марина была… ну… секунд пять… может, десять. Хотя, думаю, что меньше.

— Сунуть пистолет в карман — довольно секунды.

— Ага! Только сперва надо сообразить, что произошло, и решить, что пистолета тут быть не должно. Причем совершенно непонятно, почему. Слишком быстро. Марина — девушка неглупая, но насчет мгновенной сообразительности я что-то сомневаюсь…

— Ну, тогда зам этот, Досин, он там крутиться начал, когда кабинет толком еще не осматривали. Если пистолет упал на пол — а туда он и должен был упасть — нагнулся и сунул в карман или за ремень… При известной ловкости и некоторой доле везения — риска никакого.

— Допустим. Но зачем? Предположим, ему надоело быть вторым партнером, но тогда действительно лучше, если это самоубийство. Кому-кому, а Сергею Александровичу пистолет утаскивать никакого смысла не было. Мне лично известен один-единственный человек, которому удобнее, чтобы это было убийство, а не наоборот. Только этот человек никакого пистолета не выносил — поклянусь под присягой.

— Это ты сама, что ли?

7

Вот странно. Февраль — это единственное время в году, когда не очень хочется откликаться на призывы заказчиков. А кто еще может звонить с утра? «Свои» выходят на связь ближе к вечеру, расправившись с очередной порцией работы и настроившись на заслуженную расслабуху. Да и вообще… Утро тыкает пальцем в расписание, щелкает секундными стрелками и завинчивает гайки. А вечер — время необязательных событий и легкомысленных удовольствий. Можно два часа валяться кверху пузом, перечитывая книжку, знакомую почти наизусть. Можно пускать мыльные пузыри — многослойные: один, внутри еще один, внутри второго третий и так далее, на сколько умения хватит. Можно трепаться по телефону до того, что левое ухо нагреется до температуры яичницы…

А утром все звонки исключительно деловые. Даже трубку снимать не хочется.

— Да…

— Здравствуйте. Могу я поговорить с Маргаритой Волковой?

— Говорите, — пожала я плечами. Всегда забываю, что абонент с «той» стороны меня не видит.

— Рита, меня зовут Лариса Евграфовна Замакина…

Сначала я даже не осознала, — кто это, и только секунд через двадцать до меня дошло — кто там, на той стороне провода. О, Господи! Неужели меня

решили пригласить на поминки? Тогда почему «сама», а не Сергей Александрович, например?

— Здравствуйте, Лариса Евграфовна, — приветствовать свежеиспеченную вдову — привычным «доброе утро» показалось мне бестактным. — Чем могу помочь?

Голос в трубке был прохладен, но дружелюбен:

— Извините, Рита, за беспокойство, но мне хотелось бы побеседовать с вами лично. Если это возможно…

Я быстренько прикинула: хоронить Замакина должны завтра-послезавтра (если судмеды тело уже вернули). Ясно, что у вдовы сейчас дел выше крыши, а она, тем не менее, звонит и хочет побеседовать, да еще и лично… Мое любопытство, отпихнув расслабленную безмятежность, завопило: хочу!

Поскольку не люблю приглашать посторонних к себе в квартиру, предложила редакцию. Лариса Евграфовна же высказалась в пользу «нейтральной территории».

Договорились встретиться в кафе, в километре от моего дома — туда время от времени меня Ильин вытаскивает. Половина кафе — обычный зал, половина — просторная терраса, обнесенная изумительно красивой узорной кованой решеткой. Летом ее обвивает виноград и хмель, так что любой нормальный человек устроится на террасе. Но февраль — неподходящий сезон для уличных посиделок. Террасу занесло снегом, только с краю, где сквозь решетку бьет солнце, из-под сугробов выглядывают каменные плитки. Пришлось заходить внутрь.

На мгновение я пожалела, что только начало дня: мой организм окончательно просыпается часам к двум, поэтому с утра еду не воспринимает. А кормежка тут изумительная. Хозяина зовут Дамир, и улыбка его сияет таким дружелюбием и гостеприимством, что хватает на всех даже вечером, когда гуляет одновременно пять-шесть компаний, не считая одиночек. По утреннему времени зал сиял пустотой, так что все гостеприимство рухнуло на меня. Однако мне удалось отбиться. Напустила на себя несколько скептический и отстраненный вид, и хозяин, кажется, заподозрил во мне замаскированного санитарного инспектора. Ну… по крайней мере, перестал соблазнять меня всякой вкуснотищей и коньяком «за счет заведения».

Попросив кофе, я устроилась за дальним угловым столиком, у широченного подоконника, на котором дрых лохматый котище. Кофе у Дамира под стать всему остальному: густой, как деревенские сливки, а аромат можно ложкой черпать. Наверное, даже Дюма-отец, поглощавший сей напиток галлонами, не смог бы пить «это» быстро. За десять минут ожидания я едва справилась с крошечной чашечкой.

Лариса Евграфовна даже не пыталась изображать безутешную вдову. Никаких эмоций, ничего нарочитого. Сдержанная деловая женщина. Жен-

щина «НЕ»: неброские серьги, едва заметный макияж, удобные туфли в три моих зарплаты — никаких шпилек, абсолютно средний каблук — безупречный английский костюм. Для десяти часов утра — идеально. Да, эта леди знает, что такое дресс-код, не понаслышке. Говорила она негромко и очень отчетливо (школьный опыт?), иногда в голосе проскальзывали металлические нотки.

Дамир мгновенно принес заказанный ею чай и даже не попытался навязать что-нибудь еще!

Если бы не телефонный разговор (плюс выстрел после него), который мы слышали с Мариной незадолго до обнаружения трупа, и не пропавший пистолет, безутешная вдова идеально подходила бы на роль убийцы. Честно признаться — очень симпатичного убийцы. К счастью, исчезновение оружия оправдывало ее на двести процентов. Пистолет — не иголка (если исключить какие-нибудь шпионские причиндалы), а в сумочке безутешной вдовы (собственно, тогда еще не вдовы) едва поместилась бы зажигалка. Что же до платья… ну, вы знаете, что такое платье-футляр.

Убийца или нет, время ценить Лариса Евграфовна умела. И свое, и чужое. Не стала тянуть кота за хвост и сразу приступила к делу:

— У вас наверняка куча дел, у меня сейчас тоже, но время не терпит. Так что, спасибо, Рита, что согласились на встречу, я постараюсь быть максимально краткой. У меня к вам деловое предложение. Профессиональное, — безутешная вдова, кажется, усмехнулась, во всяком случае, уголок рта слегка дернулся.

— Вряд ли данный момент Досин сочтет подходящим для размещения рекламы, значит, свой процент вы потеряете. Мой заказ может стать своего рода компенсацией. Я объясню, — она подняла ладонь останавливающим жестом, хотя я вовсе не собиралась ее перебивать. — Я хочу, чтобы вы написали статью… ну, скажем… «Как я стала свидетелем убийства». Конечно, не так броско, может быть, даже слово «убийство» не стоит в шапке использовать… впрочем, что я вам-то объясняю, я же ваши тексты читала — прекрасно умеете намекать и создавать впечатление, не называя ничего прямо. У меня неплохие отношения с прокурором города, но, боюсь, ему эта головная боль тоже некстати. Газетная публикация — именно сейчас, по горячим следам — может хорошо потянуть нужную чашу весов. Вы спрашиваете, зачем?

Вот честное слово, я не собиралась ничего спрашивать, просто глядела на нее, как кобра на заклинателя. А Лариса Евграфовна продолжала :

— У вас, говорят, неплохие связи в уголовном розыске? Тогда вы сами должны знать: будут возбуждать дело или спишут как самоубийство? А если и возбудят, станут ли шевелиться или опять же закроют как самоубийство?

Я помотала головой, что можно было понять и так, и эдак, но она поняла правильно.

— То-то и оно. А это ни в коем случае не самоубийство.

— Из-за пистолета?

— Нет, — она слегка покачала головой и усмехнулась, — это, в конце концов, деталь, обстоятельство, которому найдут объяснение. Нет. Я говорю это по двум причинам: одна серьезная, другая… ну… она существует. Чтобы расставить точки над «i», я назову обе. Серьезная, как вы понимаете, — деньги. Если это самоубийство, я останусь ни с чем. Ну, не совсем нищей, но практически на нуле. Конечно, у меня неплохой собственный бизнес, но, в конце концов, я пока еще законная супруга, с какой стати отказываться от положенного? При разводе я кое-что получила бы, при убийстве заплатят страховку, а самоубийство — случай не страховой.

— А вторая?

— Вторая… Этого просто не могло быть. Во-первых, человек в таком возрасте и с таким положением не стреляется вдруг, с бухты-барахты, я не могла не заметить, что он не в своей тарелке. Во-вторых… Согласитесь, Рита, прожив с человеком восемнадцать лет, примерно представляешь, на что он вообще способен. Так вот, Дима не способен покончить с собой. Во-первых, он чуть не панически боялся смерти и крови — даже рыбу не мог выпотрошить. Во-вторых, он совершенно не умел признавать собственных проигрышей.

— Как это? — удивилась я. — Говорят, бизнес таких не терпит.

— Тут другое. Он даже проигрыши умел считать выигрышами… ну… находил какие-то плюсы, выходы… не знаю, как объяснить. Делал вид, что никакого проигрыша вовсе не существует. И знаете — срабатывало. Конечно, я могла бы назвать только вторую причину «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», но, боюсь, вы мне не поверили бы. Вряд ли я похожа на борца за абстрактную справедливость. Месть? Покарать убийцу? За что, собственно? Мы ведь последнее время были практически чужими людьми, почти развелись. Вот вам, кстати, еще один довод. Какой провал, какой проигрыш? Дима новую жизнь собирался начать. С этой… Ариной Родионовной.

Очень хотелось спросить безутешную вдову, как выглядел Вадим Петрович во время ее посещения, но… Во-первых (черт, она меня своими учительскими «во-первых» и «во-вторых» заразила!) — бестактно, во-вторых…. Любое «необычное» — камушек для версии самоубийства. Мне же открытым текстом сказали — госпоже Замакиной это невыгодно. Так что, даже если что-то и было, все равно не скажет.

— Лариса Евграфовна…

Она вздрогнула.

— Рита, если вас не затруднит, называйте меня Лара, хорошо?

— Да пожалуйста, — изобразила я на лице маску полнейшего безразличия, хотя, что греха таить, было приятно почувствовать, что с этой безупреч-

ной женщиной у меня есть что-то общее — пусть это всего лишь нелюбовь к обращению по отчеству. — Вот вы говорите — и так уверенно — покарать убийцу. Есть какие-то соображения? Или это фигура речи?

— Да есть, конечно, — без малейшей паузы подтвердила вдова. — Даже больше, чем предположения. Мне кажется, я точно знаю. Только, если позволите, я этого вслух произносить не буду, очень уж все… зыбко. Бездоказательно.

— Но вы уверены, что точно знаете — кто?

— Да, наверное. Других вариантов просто нет. Только я не понимаю — как. Да и какая разница?

Она совсем не походила на свою тезку, героиню Пастернака. Но к чему скрывать — я ей завидовала. Не деньгам, не тряпкам, не ухоженности — боже упаси! Завидовала ее уверенности, сдержанности, невозмутимости. Лара была как бренди, а я — типичное теплое шампанское. Оно вроде бы и шампанское, но, когда открывают бутылку, половина выплескивается, и никакого толку.

Хотя сомнения меня обуревали изрядные. Лара вызывала не только восхищение, но и симпатию — а они, знаете ли, редко совпадают. Уже поэтому хотелось что-нибудь для нее сделать. Но… Это с одной стороны. А с другой — еще не исчезли воспоминания о том, как некая безутешная вдова использовала меня втемную. К счастью, фатальных последствий моя глупость не имела — так судьба распорядилась, я не причем, я только постаралась «после драки» исправить то, что поддавалось исправлению — сам сломаю, сам и починю. В общем, все закончилось вполне благополучно. Но осадок остался.

Так что стремление дуть на молоко боролось со стремлением бросить весь пыл души на то, чтобы это самое молоко побыстрее вскипятить. Что там говорил Арчи Гудвин? «Как назвать состояние человека, которого тянут одновременно в противоположных направлениях? — Аномальным!»

В таком раскладе нужен рефери. Да и все едино звонить начальству надо — написанный текст сам по себе в полосу не встанет, кто-то должен соответствующее указание выдать.

Шеф моей растерянности отнюдь не разделял. То есть, сначала он просто не поверил, что это я звоню — все знают, что Маргарита Львовна отбрыкивается от криминальных тем руками и ногами, а тут вдруг нате вам! Босс решил, что это у кого-то из репортерской братии юмор такой странный. Оно конечно, с начальством шутить не очень-то принято, тем более с утра пораньше, но мало ли!

Затем, когда шеф осознал, что это все-таки я, он впал в восторг. Однако ни здравомыслия, ни памяти, ни сообразительности от этого не растерял. Хороший начальник, грех жаловаться. С полуслова понял мои сомнения, посчитал плюсы и минусы (реальные и потенциальные) для родной газеты, не

забыл, что с творческими личностями надо разговаривать бережно, и мягко намекнул, что можно бы сделать интервью… Ну… и… хорошо бы с комментариями… но даже если без…

Все, что осталось недосказанным, было, тем не менее, вполне ясным. Во-первых, делая интервью, можно про собственную совесть просто забыть — не авторский материал (то есть, авторский чисто формально). Во-вторых, в отличие от упомянутого сомнительного случая (шеф меня в тот раз чуть ли не месяц утешал), никто никого ни в чем не обвиняет. Даже намеком. То есть, никого мы не подставляем. В-третьих, версия самоубийства и впрямь сомнительна (и откуда шеф всегда все знает? Мне информацию Ильин сливает, а шефу кто? Впрочем, какая разница?) И, наконец, в-четвертых, эксклюзивное интервью с безутешной вдовой, да еще практически в день похорон… Не надо быть журналистом, чтобы понять, как это… м-м… круто.

В каждой бочке меда, между тем, есть своя ложка дегтя. Я как-то сразу осознала, что следующие несколько часов мне придется провести за компьютером. Чтобы интервью увидело свет в день похорон, сдаться надо быстро, не позднее шести, к тому же, не грех бы еще и с безутешной вдовой текст согласовать, а на часах почти полдень. Ничего себе! Я-то думала, мы минут двадцать сидим.

Самое смешное было, когда шеф постучал себя по лбу (может, еще по какому-то месту, я же не видела, только звук в трубке слышала) и выразил некоторое удивление по поводу денег: мол, вообще-то, за такие эксклюзивы газеты сами изрядно выкладываются, и вообще не плюй в колодец, мало ли что, о какой «джинсе» может тут идти речь?

Тут мне стало совсем весело. Я всегда почему-то веселюсь, чувствуя себя героиней какой-нибудь банальности. Вряд ли можно найти что-то более банальное, нежели эта фраза… как бишь там… про молот и наковальню. Да вы наверняка помните!

8

— Ну, Рита, отлично! Не сомневайся, разметим по максимуму, — сообщил щедрый шеф (если кто не в курсе, «разметка» — это такая предзарплатная операция: в каждом газетном номере на каждом материале пишут разные цифирки — кому, за что и сколько. Цифирки эти зависят от объема и от разного прочего). И шеф специально, чтобы испортить мне настроение, добавил. — Надеюсь, материал будет не единственный?

Мог бы и без дополнений обойтись. Ведь классно я сработала, честное слово! Даже номер придерживать не пришлось. Побив все рекорды по скорости «творения», я сдалась в четыре с копейками. В смысле, с минутами.

Меня даже сомнения грызть перестали. Допустим, меня все-таки использовали. Ну и что? Даже если дело «откроют», что уж такого кошмарного

может из-за этого случиться? Написала я все аккуратненько, никаких обвинений не выдвигала, ни в кого конкретного пальцем не тыкала. А что версия самоубийства в нашем интервью выглядела более чем сомнительно — так все имеют право на собственную точку зрения. Тем более, что точка зрения вовсе не моя, а безутешной вдовы.

Фото безутешной вдовы было уже готово, так что я могла с полным правом и чувством глубокого удовлетворения от хорошо сделанной работы отправиться отдыхать.

Как же, разбежалась! Была только середина дня, и… не зря же я от вышеупомянутой вдовы получила обещание всяческого содействия и для начала выговорила право поглядеть еще раз на «место». Зачем? А спросите чего-нибудь полегче. Ведь ежу ясно: если там, на «месте», что-нибудь подозрительное и оставалось, Ильин с коллегами, разумеется, ничего бы не пропустили. Не то, чтобы я и впрямь рассчитывала что-то обнаружить в замакинском кабинете после ильинских коллег (кстати, надо бы у него результаты осмотра как-нибудь все-таки вытянуть — отпечатки там, еще какие следы, мало ли), но особняк «Замка» — здание старинное, так что в подвале может быть все, что угодно — от потайной комнаты до подземного хода. А что? Это мысль. Вдруг за одним из шкафов откроется забытый всеми проход, а там — лестница. Древняя. узенькая, каменная, ступеньки высокие, с выбоинами, плесенью и крысиными скелетами. По стенам тоже плесень и паучьи пряжи. Снизу холодом могильным тянет, под лестницей ход, наполовину обвалившийся…

Углубившись в средневековые фантазии, я и не заметила, как, проскочив полгорода, добралась до места в рекордное время. Марина уже меня поджидала и даже охрану предупредила (ах, Лариса Евграфовна, люблю обязательных людей!). Интересно, она сохранит работу или будет искать другое место?

Здороваясь, она не поднимала покрасневших глаз, в приемную меня впустила и кабинет открыла с видом отсутствующим, и следом не пошла, устроилась за собственным столом, о чем-то задумавшись. Я постояла в тамбуре и тихонько выглянула: преданная секретарша застыла скорбным монументом: абсолютная неподвижность, и глаза закрыты. О чем она думает?

«Опомнись, Львовна! — осадил меня внутренний голос. Что ты, собственно, хочешь подсмотреть? Если Марине нужно было тут что-то сделать (например, документы какие-нибудь изъять или добавить), зачем бы она стала дожидаться свидетеля? Ключи у нее есть, приемная поодаль от прочих помещений, производи любые желаемые или необходимые манипуляции сколько угодно».

Вздохнув от осознания собственной тупости, я приступила к осмотру. Вот знать бы еще, что именно хочу обнаружить.

Гипотетические тайные ходы могли бы открываться в стенах или — на худой конец — в полу. Под ногами лежал толстенный ковролин, на стенах

красовались жидкие обои. Быть может, там и скрывались какие-нибудь секретные люки, но как их искать? Все простукивать? Ну-ну. Я еще не успею достичь исследовательского экстаза, как Марина вызовет машину из психушки. Да и вообще… ну, невозможно так замаскировать потайную дверь — стены ровненькие, ни царапинки, ни тени. Что остается? Правильно.

Два шкафа хранили на своих полках всякую документацию, упакованную в твердые пластиковые скоросшиватели, за полками виднелась та же самая стена без малейших признаков посторонних объектов. Да и то сказать, стеллаж с документами не лучшая маскировка для тайного хода — как пользоваться-то? Вынимать папки и полки? Разве что шкаф — как в мистических триллерах — целиком отодвигается и… Искать управляющие рычажки я, разумеется, не стала, но на всякий случай легонько простучала «тыл» обоих стеллажей. Глухо, как в танке. Правда, жидкие обои не только звуки хорошо изолируют, но и определенной «ватностью» обладают, гасят удары, так что, стучи не стучи, — чтобы что-то услыхать, надо, как минимум, Ойстрахом быть.

Третий шкаф «работал» гардеробом: пустое пространство слегка оживляли пластиковые вешалки и одинокое мужское пальто. Сказать, что в карманах было пусто — ничего не сказать. Казалось, пальто никто никогда не использовал по назначению, и вообще, оно переместилось в шкаф прямо из бутика, разве что утратило по дороге фирменные бирочки.

Задняя стенка гардероба красовалась теми же абсолютно неповрежденными обоями. Стукнула, конечно, пару раз и, конечно, с тем же нулевым эффектом.

Что, в самом деле надеялась потайной ход найти? — съязвил внутренний голос. Я даже не огрызнулась, потому что не надеялась. Но — хотела.

На столе, на компьютерной клавиатуре и почему-то на окне остались следы дактилоскопического порошка. Может, и еще где были, да у меня-то глаз отнюдь не орлиный. Имелось и кровавое пятно: частично на клавиатуре, частично на столе. В целом же кабинет как кабинет: стол с бумагами, двумя телефонами и канцелярскими причиндалами, три шкафа, кресло начальника, еще четыре кресла и диван…

Компьютер — ясное дело. И, похоже, его уже включали: вилка в розетке торчит, а Марина тогда в нервах о шнур запнулась и вилку чуть не с мясом выдернула. Может, и мне включить?

Вообще-то, можно было просто у Марины спросить, — шепнул внутренний голос. Вот всегда он какие-нибудь гадости говорит, ни в грош меня не ставит. А мне, может, для самоутверждения хоть маленькие победы необходимы. Я девушка нежная, чувствительная, если ничего положительного не происходит, съеживаюсь, как та мимоза. Сама себя не похвалишь — ходишь как оплеванная.

Ну, все включилось, и что толку? Я ведь не Глебов, где чего искать-то? В последних документах всякая неудобочитаемая финасово-юридическая деловая фигня лежит. И черновик брачного контракта. С пометками. О-ля-ля! Любовь любовью, а табачок-то врозь! Может, Арина Барр и очаровательней Ларисы Евграфовны, но покойник головы не терял.

Ага, не терял, ему ее прострелили.

Ладно, что мне с того контракта? Поискать еще временные файлы? Ну, есть, и немало, но что мне с ними делать?..

Нажмем еще на вот эту кнопочку? Ага, в CD-порте диск. REWRITABLE — в просторечии «эрвишка».

Пустая.

Либо господин Замакин что-то на нее записать собирался, либо что-то с нее снял, либо она там у него всегда торчит, на всякий случай — подсказал внутренний голос. Я согласилась. Вот только…

Оглядела стол…

Покойник был, похоже, весьма аккуратным персонажем. На моем столе, если покопаться, до дюжины дисков найти можно. Они, конечно, в коробках, но — валяются, лень мне их на место ставить. А тут на столе единственный «конверт» с каким-то бухгалтерским справочником (заглянула — диск внутри) и следами дактилоскопического порошка. Слева от монитора две аккуратных стойки — я не поленилась, стала открывать «конверты» — во всех содержимое на месте. В том числе еще два RW. А где коробка от того, что в компьютере? Лазерный диск, конечно, штука не особенно нежная, можно и в блокноте таскать, Но если человек все по местам привык раскладывать…

Не очень понимая, зачем, я совершила явно противоправное деяние: забрала «эрвишку» себе. Интуиция, говорите? А как насчет логики? Логика подсказывала, что коробку надо искать поблизости. Может, Марина не только шнур выдернула, но и коробку уронила?

Даже опустившись на колени, я не увидела ни коробки, ни хотя бы осколков. Из-за спины, однако, довольно отчетливо послышался некий странный звук. Ох, сейчас тот, кто собирается вылезти из потайного хода, на меня шкаф уронит!..

Разумный человек тихонько отполз бы в сторону. Но не я. Что я, дождевой червяк, чтобы ползать? Мой прыжок смог бы воспроизвести, разве что, сам Нижинский. И то — наступив на скорпиона. Нет, лучше на дикобраза. Непонятно, где великий танцовщик ухитрился повстречать дикобраза (да и скорпиона тоже, если вдуматься). Может, он по Южной Америке гастролировал и вышел прогуляться в сельву. Или дикобраз сбежал из зоопарка и случайно забрел в какой-нибудь театр? Сомнительно. Значит — банальная кнопка? Но может ли банальная кнопка спровоцировать фантастический прыжок?

Вывод: мысленный эксперимент (так же, как многие реальные — например, опыт Майкельсона-Морли) нередко приводит к неожиданным результатам. О чем это я? Ах, да, на меня же кто-то шкаф собрался уронить…

Шкаф стоял на месте. А вот пол ощутимо пружинил. Должно быть, старые перекрытия при ремонте не меняли. Но кто же там все-таки шебуршится? Я снова опустилась на колени, выудила из рюкзака фонарик, посветила под шкаф. Непонятно.

Пространство между полом и нижней поверхностью шкафа вовсе не заслуживало названия пространства. Но руки у меня тонкие, так что — была не была! Ну, не скорпион же там, в самом деле!

Нет, точно не скорпион. Шерстистый скорпион — это было бы зоологическое открытие! Вряд ли. Судя по размерам — мышка. Ну, малыш, не надо на мне проверять остроту своих зубок и коготков, я и не думала посягать на твою территорию. Да, зубки ничего себе. Хорошо хоть не крыса, их укусы, помню, по месяцу не заживают.

На обозримом пространстве плинтуса плотно прилегали к полу. Я даже для чистоты опыта попыталась в двух-трех местах подсунуть под них ноготь (моим когтям завидует изрядная часть окружающих дам — не гнутся, не ломаются, можно шурупы отворачивать или даже зарезать кого-нибудь). Необозримое же пространство — под шкафами (слабенький у меня фонарик, да и щель узковата) — оставляло простор для домыслов. И пол пружинит… Ну, что, поэкспериментируем?

Из совсем круглых предметов имелся лишь сувенирный стеклянный глобус. Хм. Даже если удастся снять его с подставки — великоват. Придется обойтись чем-нибудь частично круглым. Ручки и карандаши жалко. Ручки явно недешевые, не одноразовая пластиковая штамповка, а к карандашам я со школьно-чертежных времен привыкла относиться с почтительным трепетом. Выбрала толстый красный маркер (может, как раз тот, которым покойник «рисовал» на моих опусах), сняла колпачок и уронила его. Маркер стукнулся о ножку кресла, отскочил, дрогнул раз и замер на полу. Еще раз — с тем же результатом. Еще! Лишь после пятого «броска» упрямый маркер, наконец, покатился. И как раз под шкаф! Увы, проследить за ним я не успела.

— Что случилось? — дверь кабинета открылась, и круглые глаза Марины возникли в дверном проеме.

Я, сосредоточенно разглядывая пол, сказала:

— Да ручка укатилась, чем бы ее достать?

— Под шкаф?

На мой кивок Марина растерянно ответила:

— Ну… Там… Она, наверное, под пол провалилась. Тут перестилать, сказали, нельзя, новое покрытие поверх положили, балки старые, пол кое-где

проседает. Вот, шкафы поставили, чтоб не видно было. Я печать однажды упустила, представляешь? Думала, выгонит. Ужас! А он велел дубликат заказать — и все. Такой… — она отчетливо всхлипнула.

9

Квартирку Марина занимала крохотную. То, что она двухкомнатная, — это одно название. Я девушка отнюдь не богатырских статей, но в мариночкиной прихожей даже я почувствовала себя слонихой. О! Придумала рецепт для желающих похудеть: надо переселиться в такую вот норку. Во-первых, от каждого «лишнего грамма» будет ограждать опасение — а вдруг застрянешь, во-вторых, передвижение по малометражным лабиринтам сопряжено с такими трудностями, что никакой спортзал не нужен, калории и так будут сжигаться.

В моей собственной прихожей помещается (хоть и с трудом) до полудюжины гостей. Однако могу признаться, что моя берлога хоть и просторнее мариниого гнездышка, но сильно уступает ему в ухоженности. У меня полы поскрипывают и кран на кухне давно пора поменять, а тут квартира, выражаясь языком объявлений, «в идеальном состоянии».

Я человек смертельно завистливый. Ежели у меня чего-то нет, а у другого есть — вся сразу желчью исхожу. А квартирка «в идеальном состоянии» — достойный объект для зависти. Но… увы, приступ зависти прошел быстро. Да, у меня трубы который год некрашеные, и балконная дверь хлябает — зато электропроводка в безупречном порядке, да и на сантехнику — тьфу! тьфу! тьфу! — грех жаловаться, а остальное меня не очень-то волнует. А когда меня стали оч-чень настойчиво уговаривать, чтобы тапки (ненавижу!) надела, тут уж не только о зависти забыла, а очень пожалела, что в провожатые напросилась. Добрый поступок совершить хотела. Побоялась, что Марина в нервах на каком-нибудь перекрестке прямо под машину шагнет или поскользнется где-нибудь. Даже я в своих абсолютно устойчивых ботинках чувствовала себя не совсем уверенно, а Марина в сапожках на десятисантиметровой шпильке — готовый клиент травмпункта...

За тапками последовал чай с ликером. Ликер, тем паче банановый, более всего я на дух не переношу, что же до чая, то у меня вкус предельно примитивный, цветочные, фруктовые и разные прочие добавки я считаю порчей благородного напитка.

Очень хотелось домой. Можно и сбежать, но, во-первых, сказав «а», приходится говорить и «б», во-вторых, надо быть совсем бессердечной, чтобы уходить, когда вокруг тебя так хлопочут.

Марина суетилась, словно я была сто лет назад потерянным и чудесно обретенным другом: сооружала какие-то закуски, доставала посуду, меняла салфетки, драила идеально чистый стол и производила еще миллион столь же «необходимых» действий.

Доводилось мне как-то читать, что обычай собирать на поминках всех родственников и знакомых преследует не столько духовные, сколько сугубо практические цели: нагрузив убитых горем близких покойного бытовыми, привычными заботами, отвлечь их от переживаний по поводу утраты. Мысль интересная, хотя с чего бы это Марине так уж горевать по своему всего лишь работодателю? Интересно, Досин так же переживает или уже приступил к вхождению в должность Главного Начальника?

Вероятно, я спросила это вслух, потому что Марина — вот что значит рефлекс хорошей секретарши — сообщила:

— Сергей Александрович будет только послезавтра. Сегодня не появлялся, он же похоронами занимается.

Ага, ясно, как вдова накануне похорон ухитрилась найти время для встречи со мной.

— Коленька вернется, а тут… — Марина опять всхлипнула.

— А где он? — испугалась я, вспомнив, что Коленькой зовут сынишку. Действительно, «вернется, а тут…»

— Маму попросила забрать его, чтоб уж после похорон. Он пока и не знает ничего…

Похоже, Марина не обедала, а, возможно, и не завтракала — «повело» ее уже после второй рюмки, с третьей девушка и вовсе «захорошела». Когда в бутылке осталась четверть, а Марина неуверенно махнула рукой — «не волнуйся, в шкафу еще одна стоит» — мне подумалось: раз уж приходится присутствовать на «панихиде», а сбежать не удается, не вредно выяснить все непонятки: почему начальник вдруг «Димочка», чего «не знает» Коленька и все такое. Тем более Марина — девушка мягкая и послушная, чуть пожестче спросишь — все, что надо и не надо, выложит. А уж сейчас ее разговорить — только моргни, информация потоком польется.

Да, я знаю: нехорошо пользоваться неадекватным состоянием собеседника, порядочные люди так не поступают. Как говорят англичане, «это не крикет». Ну и пусть! Папаша Пуаро парировал аналогичные претензии очень правильного Гастингса неизменным «а я и не играю, я ищу убийцу».

Или это все-таки самоубийство? Дырка под полом (спасибо, мышка!) — подходящее место для того, чтобы потерять пистолет. Если он упал на пол, то до шкафа рукой подать. Точнее, ногой поддать. Мог кто-нибудь нечаянно пнуть? Легко.

Конечно, для полной уверенности хорошо бы обшарить этот самый подвал. И если там найдется пропавший пистолет — алле оп! Никаких загадок, а глубокомысленные рассуждения о том, что «данный индивид психологически неспособен покончить с собой» — пыль и колыхание воздуха. И зачем мне в таком случае вникать во всхлипывания опечаленной секретарши?

Ладно бы только всхлипывания, а то вперемешку с «разве я могла?», «кто бы примирился?» и «что тут поделаешь?» Какая-то страсть поднебесная, какие-то дети, какие-то судьбоносные обстоятельства… Мыльная опера, блин! Мексика и Бразилия в одном флаконе! Только амнезии для полного комплекта не хватает. «Бедный малютка» — надо же!

Погоди, погоди, это кто тут «бедный малютка»? Неужели Замакин? Ничего себе, малюточка!

Каждый из нас время от времени встречает на своем жизненном пути персонажей, у которых в голове каша минимум из пяти злаков и десяти добавок, а то и целое ирландское рагу. Они живут в жанре хаотического триллера и втягивают в этот жанр всех встречных и поперечных. Помню жуткую историю — порождение могучего интеллекта одной нашей… м-м… ну, не будем показывать пальцем. История покруче любого детектива: «а она все перепутала, смотрю, а она совсем не такая, и ее пришлось там оставить, а она уперлась, а мне она зачем, а кто за ней следить должен, а я что сделаю, если с ней что случится?» Поняли? Ну хоть что-нибудь? Тогда объясняю. «Персонажей» — четыре штуки (в порядке появления): первая «она» — учетчица, что-то напутавшая в накладной (вторая «она»), в результате чего одну пачку бумаги (третья «она») не выпускали со склада, чем страшно рассердили тамошнюю вахтершу (четвертая «она»).

Общение с такими личностями, во-первых, полезно для здоровья — ибо смех продлевает жизнь, во-вторых, тренирует терпение и самообладание. Но это, конечно, только в том случае, если сталкиваешься с ними не каждый день. Кстати, «дурная компания» не засасывает, а привлекает — чем гуще каша в твоей собственной башке, тем чаще «столкновения».

Монолог Марины на самом-то деле к жанру хаотического триллера не относился совершенно. Простая, незамысловатая история. «Умной» Маргарите Львовне надо было не в собственные мысли углубляться, а всего-то внимательно послушать. Или хотя бы посмотреть. В процессе исповедания Марина выудила откуда-то из-за спины три пухленьких фотоальбома, содержимое которых неплохо отражало ее жизнь.

Итак, излагаю факты, о которых вы, наверное, уже давно догадались. Собственно, факт один, но вокруг него имеется еще некоторое количество… м-м… привходящих обстоятельств. «Некоторое количество» — это, по моим подсчетам, три события.

Когда Марина еще училась — неважно, где именно, господин Замакин что-то такое там преподавал. Роман между преподавателем и студенткой — вещь обыденная и привычная. Но… все осложнилось двумя обстоятельствами. Во-первых, чувства Марины пылали куда сильнее, чем полагается при традиционном вузовском романе (до сих пор продолжают пылать! хотя боль-

ше десяти лет прошло). Во-вторых, случились последствия, от которых Марина, по причине первого обстоятельства, избавляться не пожелала. Назвала их последствия Коленькой и продолжила жить дальше...

Обыкновенно в подобных ситуациях (весьма банальных, правда?) виновник торжества делает большие глаза: я не я, и хата не моя. Но тут виновник повел себя нетипично. Точнее, не совсем типично. Вместо того чтобы держать «скелет» в дальнем шкафу, просто взял, да и переложил ответственность за будущее на другие плечи — покаялся перед супругой. Прости, мол, бес попутал, и все такое. Разводиться он, что бы там ни было, не хотел. Да оно и понятно. Лара и Марина — женщины одного типа, но разного класса.

Супруга же поступила вовсе неожиданно. Поведя точеным плечиком и заявив, что все мужики — сволочи, но куда же от них денешься, Лариса Евграфовна «объяснила» благоверному, что ребенок ни в чем не виноват, финансовая поддержка — это как получится (времена были тугие), но у мальчика должен быть отец. Пусть даже приходящий, но стабильный. Бог его ведает, в чем там было дело — в женской солидарности, в абстрактном гуманизме или в трагической бездетности самой Ларисы Евграфовны. Но факт остается фактом — к ребенку она не лезла, однако внимательно следила за регулярностью его свиданий с «папой». Да и за деньгами, вероятно, тоже: финансовое положение Марины улучшилось сразу же, как только новенький «Замок» начал приносить какой-никакой доход. И квартиру им с Коленькой купили — а то бабушка с дедушкой (родители Марины) чересчур энергично третировали внука на тему «папа должен на маме жениться, а то не полюдски». Вряд ли подобные уроки полезны для детской психики.

Добрую половину последнего альбома занимали фото Замакина с сыном. Очень душевно, конечно, и пробуждает веру в высокие идеалы, но мне-то оно зачем?

На всякий случай перед уходом я попросила у Марины список: кто и во сколько заходил в кабинет в «тот» день. На составление перечня потребовалось минут десять — может, она и идеальная секретарша, но выпила все-таки изрядно…

На остановке пришлось померзнуть: маршрутки катались прямо стаями, однако, нужную удалось поймать лишь минут через двадцать. Ну почему зимой так холодно?..

10

Во мне укрепляется подозрение, что свой благородный поступок (замену замков на моей двери) герр майор совершил не так чтобы совсем бескорыстно. Теперь у него имеется почти законный комплект ключей. И, право, это уже становится не совсем приятной традицией: возвращаясь домой, видеть кого-

то чужого. Ладно, пусть не совсем чужого, пусть не каждый день, а раз в месяц, но это МОЯ крепость! Я, конечно, Никиту свет Игоревича нежно люблю, счастлива его видеть и даже скучаю иногда… но, как говорил один известный персонаж известного же фильма — предупреждать надо! И вообще…

Вы думаете, их милость в ожидании хозяйки нажарил мяса, сварил кофе и вообще постарался как-то оправдать свое несанкционированное присутствие? Ничего подобного.

Он спал!

Очень хотелось бы умилиться по-детски безмятежным выражением его лица, почувствовать, как на сердце нахлынуло что-то теплое и сентиментальное. Но… ничего такого я почувствовать не успела. Просто потому, что не увидела. Застала незваного уже в почти вертикальном положении. Профессионал есть профессионал. Просыпается от тени взгляда. А уж от ключа в замке — и вовсе.

Откуда же я знаю? Да потому что, как изрек бы какой-нибудь романтик из девятнадцатого века, «в глазах его еще зыбко колыхался сон», а если перепрыгнуть из романтики в материальность — ботинки стояли у дивана. Герр майор — человек аккуратный, тщательно затирает все следы (не забывая прополоскать половую тряпку!), но, появляясь в мое отсутствие, не разувается НИКОГДА! Единственное исключение — объятия Морфея. Оно и понятно. Все-таки заваливаться в ботинках на диван — в некотором роде хамство, такого Ильин себе не позволяет.

Впрочем, довольно ворчать. В самом деле ведь не чужой же, и не каждый день.

— Ну и где тебя носит? — гневно возопил «не чужой».

Ох, хорошо, правда, что «не каждый день»! Бенедикт, высунувший, было, усы из-под чайника, — ай, молодца! почуял хозяйку! знает, в чьем доме живет! — мгновенно исчез.

— По делам ходила, — сообщила я с полным безразличием к жизни вообще и гневным посетителям в частности. В маршрутке было немногим теплее, чем на улице, так что единственное, о чем я могла в данный момент думать — это ванна. Горячая, пышущая паром и морской солью так, чтобы дух перехватывало.

— Кстати, холодную воду отключили, — ехидно сообщил Ильин, — так что если собираешься в ванну, имей в виду — из крана течет практически кипяток.

Забавно. И интересно — это я телепат или Ильин? Но кипяток — это, пожалуй, чересчур. Придется жить в виде замороженной курицы. Не преувеличивай, Львовна, одернул меня внутренний голос, не так уж смертельно ты замерзла, зубами-то не стучишь. Скажи уж честно, хочешь, чтоб вокруг тебя посуетились, приласкали, обогрели, растерли замерзшие ноги… Ну и что, молча огрызнулась я, что в этом плохого? Да ничего, на редкость покладисто согласился внутренний голос, только не фиг притворяться.

— Отправляясь, как ты выражаешься, по делам, нормальные люди телефон с собой берут, — сдержанно констатировал Ильин.

— А… — на более содержательный ответ сил не было.

Сотовый телефон мне подарил Глебов. До этого я несколько лет прикрывалась от регулярного общественного недоумения двумя причинами: мол, я птичка вольная, а если тебя могут выловить где и когда угодно, о какой бы то ни было воле говорить уже не приходится. Если же телефон отключать, для чего, спрашивается, его заводить?

Такое «свободолюбие» стояло столь незыблемо, что некоторые начали намекать, что это все гнилые отмазки, а и на самом деле мне просто денег жаль. На некоторых плевать. Однако на других некоторых — уже не очень. Когда Кешка, выиграв какую-то очередную компьютерную олимпиаду, ездил по этому поводу в Лондон и привез мне оттуда «классную штучку», пришлось смириться и стать «как все».

Вскорости выяснилось, что «любовь к свободе» — отнюдь не «гнилая отмазка». Я теряла телефон в квартире, я забывала его зарядить, просто забывала дома. Кстати, единственное, о чем я не забывала, — вовремя пополнить счет. Это к вопросу о жадности.

И вот теперь телефон лежал посреди кухонного стола — одинокий, как сбитый самолет посреди иракской пустыни. Нет, ребята, это слишком на виду, здесь я его забыть точно не могла, как бы ни торопилась. Даже если бы мне позвонили и сообщили, что в город прибыла пани Хмелевская, и мне через полчаса надо брать у нее интервью. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда, так я Ильину и сказала. И нечего на меня рычать!

— У компьютера он валялся, — доложил Ильин, — я его по звуку нашел. Полдня звоню, а ты трубку не берешь, пришлось сюда… проникнуть.

— У компьютера? — глупо переспросила я. — Тогда понятно. Торопилась ужасно, текст закончила и в редакцию помчалась, а на столе…

На моем рабочем столе «культурный слой» достигает сантиметров десяти, а кое-где и двадцати: не то что мобильник, принтер потерять можно. Тем паче, в спешке. Герр майор следил за моими размышлениями с нескрываемым интересом. Только тут до меня дошло — святые угодники, да он же ревнует! А как еще истолковать это дивное «как ты выражаешься, по делам»? Воля ваша, тут явно человек подозревает «дела» совсем иного рода, то есть, не рабочие. Ох, ни фига себе! Вот так живешь, живешь и каждый день узнаешь что-нибудь новенькое. Н-да, пора взять тайм-аут и помолчать.

— Ладно, не ершись, — примирительно буркнул Никита, когда желудок мой уже благодарно урчал, управляясь с изрядным куском идеально зажаренной свинки и охапкой укропа, а от кофейного пара жизнь начала казаться почти приятной.

Нет, ну вы подумайте! Это я «не ершись»? Да моей бесконфликтности далай-лама мог бы позавидовать — только они, далай-ламы, завидовать вовсе не обучены. Да я с бандой ядовитых дикобразов могу ужиться! Ну… по крайней мере, до тех пор, пока они не начнут в меня иголками пуляться. Тогда придется идти уживаться с кем-нибудь еще. Например, с Никитой.

— Кстати, не я один тебе названивал, — ухмыльнулся упомянутый субъект. Вот уживайся с таким!

Я схватила телефон и вызвала список входящих звонков. Три-четыре приятеля — это подождет, Глебов, Ильин, начальство — черт! что там стряслось, все же было в порядке — опять Глебов, опять Ильин, Глебов, Глебов, Глебов… Напоследок юный, не знаю, как обозвать, прислал сердитую эсэмэску: «А вот теперь не скажу, что у меня есть!»

Ладно, Глебов уже решил обидеться, значит, еще немного подождет. Главное — работа.

В редакции, к счастью, никакого пожара не случилось. Просто начальство решило сделать мне приятное, подключив к «освещению культурной жизни города»: сходить на вечер «Hennessy-jazz» и отписать чего-нибудь возвышенное. Тоже, нашли осветителя! По причине того, что я не отвечала, пригласительный пришлось отдать кому-то еще. И слава богу! Не понимаю, как вообще можно писать о музыке. Ее слушать надо! Разве, прочитав о «пронзительном соло саксофона», читатель получит хоть какое-то впечатление об этом самом соло?

Правда, коньяк там хороший, но пить на многолюдных тусовках — так себе удовольствие.

Герр майор продолжал упражняться в телепатии: извлек буквально из воздуха некую бутылку, оделил меня бокалом и — на закуску — довольно миролюбиво поинтересовался:

— Ты, по слухам, опять безутешным вдовам помогаешь?

Н-да… Я так понимаю, что, оказавшись в моей берлоге, герр майор не постеснялся пошарить и в компе — чем это я занималась в последние сутки. Еще раз замки менять? Только он ведь все равно откроет, профессионал чертов! Или морально его убить?

— Тебе, Никита свет Игоревич, никогда не говорили, что в чужие компьютеры лазить неприлично?

Как же! Устыдился! Двадцать восемь раз! Отмахнулся как от мухи:

— Да ладно тебе! Я же не в укор… Рассказывай, чего накопала.

— Фигушки! Ты первый. Дело возбудили?

— Пока нет, хотя после твоего опуса очень может быть.

— А что там эксперты выяснили?

— Да ничего практически, то есть предсказуемо до отвращения. Как я и говорил, угол выстрела и следы все правильные. Отпечатки? На компьютере

покойник и его зам, вообще по кабинету все подряд: покойник, его вдова, то бишь супруга, его зам, его секретарша, уборщица, главбух. Хотя имеется парочка неопознанных, но что-то мне подсказывает — дохлый номер. Любопытная деталь: край шторы смят.

— Какой шторы? — удивилась я. — Там жалюзи.

— Наблюдательная ты наша, — вздохнул Никита, — жалюзи-то жалюзи, а по бокам еще шторы шелковые. Вот у правой край и мятый. Внизу, почти у пола. Да, на полу три комплекта каблучков: судя по всему, главбух, секретарша и супруга. У кресла след падения пистолета. Тоже в правильном месте — с точки зрения самоубийства, то есть.

— А царапины никакой не было?

Ильин уставился на меня в полном недоумении:

— Какой царапины? Там ковер.

— Ну… не знаю, зацепки какие-нибудь, сбитый ворс…

— Ты думаешь, пистолетом в футбол играли и куда-то запихнули? Так под шкафами его нет.

— Знаю, — буркнула я почти угрюмо, но торжество сдержать не сумела. — Там под шкафом дырка. Ну… пол проседает у стены, есть, куда провалиться.

Ильин сразу стал серьезным:

— Ты что же, теперь считаешь, что это и вправду самоубийство?

Мне не оставалось ничего другого, как молча пожать плечами.

11

К моменту моего пробуждения Никита свет Игоревич уже изволили исчезнуть. Сушилка блестела посудой, раковина сверкала чистотой, подушка и аккуратнейшим образом сложенный плед на краю кухонного дивана изображали декоративный элемент, делая вид, что ни к каким постелям никогда не имели не малейшего отношения. Телефон мигал эсэмэской: «С добрым утром, любимая! Если это еще утро…» Злыдень и язва! Хотя время перевалило за девять, утро, и впрямь, скоро закончится, надо бы уже начинать жить. И кроме меня есть совы на этой Земле, они меня поймут.

Кстати, о совах. В них еще и лень растет куда активнее, чем в жаворонках. Во мне — тоже. В том числе, и по отношению к физическим упражнениям. Ходить в спортзал обычно некогда, делать хотя бы зарядку — скучно. Но… Вы пробовали когда-нибудь заводить машину, которая года три простояла в гараже? Я, правда, нет, но мне случалось отворачивать прикипевшие намертво болты. Организм — тоже машина, и ему тоже разминка требуется. Когда позвоночник начинает подозрительно поскрипывать, ноги — регулярно подворачиваться, а подъем от набережной до улицы Героев-краснодонцев по-

лучается только в два приема — хочешь не хочешь, а приходится приниматься за тренировки. А лучше вовсе не доводить до скрипов, хрустов и прочих малоприятных ощущений. И, увы, единственный способ — зарядка, причем, регулярная. День, ну, два еще можно пропустить, но больше не стоит.

После вчерашней беготни разминаться как следует было лень. Я решила, что трех подтягиваний и пятнадцати минут на велотренажере вполне достаточно. Потом быстро сбегала в душ (пока вода не достигла стадии кипятка — холодную так и не включили, тут уж не до интеллектуальных упражнений) и, еще не окончательно проснувшись, но мысленно аплодируя себе за героизм, устроилась на диване в окружении кофе, апельсинового сока, блокнота и телефонных аппаратов.

Это я только притворяюсь, что такая деловая. Если честно, первые десять минут (ровно чашка кофе) я ломала себе голову над вчерашним визитом Ильина. Что ему от меня понадобилось? Молчать, господин Ржевский! Во-первых, вы пошляк, во-вторых, почему тогда герр майор устроился спать на кухонном диванчике? Нет, не может быть все так примитивно.

Может, он решил выяснить, что мне удалось накопать? Но это можно было сделать и по телефону, и вообще зачем ему это надо? Разве что из охотничьего инстинкта — дела-то нет. Хотя как он там сказал? Теперь будет?

Или хотел донести до меня свою информацию? Те же возражения, помноженные на сомнения. Чтобы Ильин добровольно стал делиться информацией? Угу, бегом и спотыкаясь!

Самое простое объяснение, разумеется, пришло в голову последним. Может, он просто по-человечески за тебя беспокоился? — ехидно предположил внутренний голос. И замолчал, подлый, не вступая в пререкания. Я фыркала минут пять. Беспокоился он, как же! То есть, конечно, оно бы и славно, только… Хороша Маша, да не наша. И Глебов со своей брачной идеей попал пальцем в небо.

Кстати, о Глебове. Я же позвонить собиралась — вдруг он меня уже «простил?» Не знаю, как насчет «простил», но вредный ребенок сообщил, что всеобщее образование пока еще не отменили, а после школы ему надо лететь в контору (вот ведь устроила на свою голову), что-то там у него не то упало, не то не встает, локалка не локает, бухгалтерия не бухгалтерит — в общем, сплошной, разор, разрушения и всеобщий плач. Так что до вечера! Если получится.

Ну и ладно. Будем звонить в городской комитет по управлению имуществом. Не знаю, как там в других вузах, а университет (во всяком случае Московский университет) полезен тем, что обучает умению определять местонахождение нужной тебе информации. Сейчас то, что мне нужно, наверняка есть у городских архитекторов. Но там я никого не знаю, а в «имуществе» у меня один человечек есть. Кстати, зовут его Темой — яркий пример

того, как мудрое общественное бессознательное грамотно исправляет ошибки конкретных людей. В данном случае родителей, кои назвали сыночка Артемом. Ну какой он Артем? Артем — это такой весь из себя мужественный славянский воин, косая сажень в плечах, ясный взгляд и «Мухтар» у колена. А мой «человечек» (и это не фигура речи, он и в самом деле «человечек») такой… такой… Одно слово — Тема.

Он почему-то весьма тепло ко мне относится, хотя оснований к тому никаких. Добрых и широких жестов в его сторону я никогда не делала, даже слегка подставила пару раз — не со зла, а исключительно по женскому недомыслию. И вот поди ж ты! Тема только радовался нечастым визитам (может, были бы они почаще, меньше бы радовался?) и исполнял любые просьбы, каковые, впрочем, до сих пор ограничивались чашкой чаю или возможностью полистать служебный телефонный справочник. Сейчас позвоню, договорюсь и…

Ага, счас! Похоже, сегодня не мой день. Нужный мне человечек отсутствовал. То есть, не то чтобы совсем отсутствовал — слава всем богам, жив был и здоров, — но находился совсем не там, где надо — боролся с последствиями деятельности криворуких ремонтников. Дозвониться-то удалось — а что толку, если он не на рабочем месте? Поклялся, что завтра будет как штык. Как штык? В смысле, такой же негуманный и вообще бесчувственный?

Я посмотрела на часы — начало одиннадцатого. Пропылесосила ковер, выскребла сковородку, заварила чай, отдраила кран в ванной… Одиннадцать. С копейками.

Решила обидеться на окружающую действительность и села немножко поработать. Голову подняла, когда буковки в разложенных вокруг справочниках начали сливаться в сплошное серое поле…

На город стремительно падали сумерки. Седьмой час вечера. Ох, ничего себе! Посидела, называется. Может, поесть? Кажется, в холодильнике кусочек сыра еще завалялся и хлебца. И от ирландского рагу Ильин горсточку оставил… Зачем я вчера все мясо слопала? Обжора…

По всем законам жанра в этот момент полагается, чтобы одновременно затрясся дверной звонок, заверещал телефон и запиликал мобильник. Ничего подобного! То есть, совсем ничего. И никого. Весь вечер. Пришлось еще немножко поработать. Сирота я, сирота…

С разгона (и от огорчения) не только почти написала полосу на следующую неделю, но и соорудила некоторый загон для следующей статьи. От компьютера отлипла только тогда, когда по клавишам промахиваться начала. Перед тем как бухнуться в койку, выглянула полюбоваться на звезды и полную луну, но, увы! Небо затянуло тучами, так что от звезд остались лишь воспоминания. Луну, впрочем, было видно. Правда, не ее саму, а то

место, где она находится. «Луна, как бледное пятно, сквозь тучи мрачные желтела…» Скорее, впрочем, синела, чем желтела, но в остальном все точно. Перед тем как отключиться, я еще послала мысленный привет Александру Сергеевичу, который, и впрямь, «наше все». И не только «все», но и «всегда»…

Утро — слава законам жанра! — началось с телефонного звонка. Правда, счастьем, которым мне полагалось преисполниться согласно тем же законам, я отчего-то не преисполнилась. Подобные пробуждения вообще не в моем вкусе Ну, сова я, сова, причем ярко выраженная. Но степень восторга (в том числе и отрицательная) зависит от того, кто и по какому поводу звонит. На этот раз я даже не успела сказать в трубку ничего классически утреннего, потому что сразу поняла, на другом конце провода — «нужный человечек».

И оказалась права: звонил Тема, чтобы сообщить, что он неотрывно на рабочем месте и жаждет чего-нибудь исполнить. То есть, вообще-то «готов», но, поскольку вчера он работой пренебрег, это требуется искупить, поэтому «жаждет». Я иногда ненавижу «жаворонков». Ну что бы ему не «жаждать» часа на полтора позже?

Пришлось подниматься ни свет ни заря и тащиться в центр.

Не знаю, как Теме удалось добыть поэтажные планы интересующего меня здания, и чего это стоило. Допускаю, что просто пошел и взял, но приятней думать, что ради тебя хоть кто-то совершает подвиги. Одарила героя лучезарной улыбкой, заняла свободный стол в углу и уткнулась в пыльные бумажные «простыни». Главная, не учтенная мной, сложность заключалась в том, что дом перестраивали не единожды, и планов было, мягко говоря, несколько. Всегда есть вероятность, что на новом плане проигнорируют что-то «ненужное» со старого, приходилось сравнивать, сверять размеры и так далее. Я не строитель, и упомянутые «простыни» для меня — отнюдь не открытая книга. Однако чертежная подготовка какая-никакая все же имеется, так что изображать из себя клиническую идиотку и дергать Темочку вопросами типа «что это такое» пришлось всего трижды. Но сказать, что все это было легко — нет, не скажу. Просидела больше двух часов. И ведь зачем? Из чистого любопытства.

Самое смешное, что «главный» результат я и до того знала: первый этаж «Замка» занимал бывший подвал дома. Теоретически под ним вполне могло находиться еще какое-нибудь пространство — «технический» подвал или что-то в этом роде.

Но! После тщательного «обнюхивания» всех «простыней» можно было с уверенностью сказать: гипотетическое пространство, в котором я собиралась искать пресловутое «орудие убийства», строго говоря, и не подвал во-

все, ибо по высоте, с учетом толщины перекрытий, не превышает полуметра. А в районе интересующего меня кабинета — тридцать сантиметров. И проникнуть в эти пустоты можно исключительно посредством вскрывания пола. Никаких тебе боковых дверей или чего-то подобного (да и какие двери, когда там тридцать сантиметров высоты?). В изображениях «комнаты отдыха», правда, имелось кое-что любопытное, но к «подвалу» оно отношения не имело.

В расстройстве и раздумьях я даже поддалась на Темочкино приглашение «выпить кофе, тут поблизости есть такой симпатичный подвальчик». Да знаю я этот бар! Вот только на слово «подвальчик» у меня, кажется, уже аллергия начинается.

Боюсь, Тема остался культурным мероприятием разочарован: я отвечала невпопад, на шутки не реагировала и вообще присутствовала чисто номинально…

12

Едва я успела добраться до дома, точнее, едва успела вставить ключ в замочную скважину — законы жанра решили напомнить о себе. Сначала затрезвонил городской телефон. Я, может, и ведьма, однако через дверь трубку снимать не умею. Потерпят. Затем запиликал мобильник. Я упрямо продолжала воевать с замком — (может, Никита и не брал себе ключи? Каждый раз после его визита дверь капризничает, скорее всего, отмычкой действует). Судя по мелодии, это не Глебов и не Ильин, лапочка, а все остальные пусть хоть застрелятся. Вот еще! Встану посреди подъезда и начну неизвестно с кем неизвестно о чем трепаться. И ключ в замке.

Мобильник, наконец, замолчал, но лишь для того, чтобы тут же передать эстафету телефону в квартире. Но тут уж я успела.

Звонила безутешная вдова. Вернее, не совсем безутешная, скорее, сильно чем-то озабоченная. Посоветоваться ей понадобилось. Вот уж кто, по-моему, в чьих бы то ни было советах нуждается не больше, чем трактор в апельсинах. На мой вопрос «что случилось?» Лара замялась:

— Не знаю. Наверное, ничего.

Могла ли я после столь интригующего ответа остаться дома и заняться собственными делами?

Час дня — не десять утра, но ресторанчик Дамира пока еще пустовал, лишь по углам поглощали сациви и плов двое-трое то ли командировочных, то ли некрутых бизнесменов.

Нас, к счастью, агитировать за обеденные разносолы хозяин не стал. То есть, на меня-то он раскрыл, было, рот, но, увидев шествующую за мной

Лару, тут же его и захлопнул. Кофе, зеленый чай, апельсиновый сок и минералку, да-да, сию минуту будет.

Интересно, это реакция на Истинную Женщину или он Лару знает? Право, полное впечатление, что Дамир ее боится. С чего бы?

Та-ак… Либо все вокруг переквалифицировались в телепатов, либо я начала регулярно мыслить вслух, потому что Лара, поджав уголок классического рта, махнула совершенной ручонькой с безупречным маникюром:

— А-а… Старая история…

— То есть, он вас знает? — уточнила бесцеремонная я.

Безутешная вдова усмехнулась.

— Ну как — знает… Знакомы. Сто лет назад, когда перестройка и все такое начиналось, попали мы в одну и ту же компанию. Ну вы знаете: пансионат, переговоры и так далее.

— Девочки… — безразлично добавила я, хотя завуч третьей школы и девочки по вызову в моей голове как-то не очень совмещались.

— Ну да… — согласилась Лара. — Я-то там, собственно, по делу присутствовала, но тогда помоложе была, — она опять усмехнулась, — да и выпито было изрядно, Дамир и перепутал. Драться — глупо, почти единственное спасение — задать цену, от которой претендент шарахнется. Назвала, помню, десять тысяч — сумма для нашей провинции, конечно, несусветная. А его, вот ведь счастье, на «слабо» разобрало. Да я, да двадцать раз по столько, да… Кстати, — хихикнула она, — крику оказалось куда больше, чем дела. Тем не менее, раз первые ходы сделаны, надо доигрывать. С утра позвонила самому серьезному из своих знакомых — не настолько близкому, чтобы он мои проблемы решал, но достаточно серьезному, чтобы к нему прислушивались, сейчас он, кажется, в Австрии, так что это уже неважно, — и одолжила на пару часов его охранников. Они Дамиру и объяснили: мол, если ты девушку танцуешь, это ваши дела, она сама решает, как развлекаться, но цену тебе назвали, так что музыку, сделай милость, оплати. Он как увидел, чья охрана, — без звука деньги отдал.

— Не мстил? — я незаметно глянула на хозяина. Его взгляд выражал досаду, вожделение, даже восхищение — в общем, все, что угодно, но не злобу. Да-а… Восток — дело тонкое. А мужская душа — загадочное.

— За что? Если бы я по морде ему надавала — тогда конечно. А так… Цену сказали, ты согласился, и кто ты будешь, если не заплатишь? Ладно, это дела прошлые, сегодня все веселее.

Да уж. Заглянув в конверт, полученный из прелестных вдовьих ручек — при том, что я вовсе ни на какие деньги не рассчитывала, — я несколько… как бы это помягче… удивилась.

— Лара… Во-первых, это много. Во-вторых, вы мне вообще ничего не должны. Мне начальство за эксклюзив — ну и за скандальчик — и так премию выписало.

— Оставьте! — слегка шевельнула идеальной бровью вдова. — Профессионализм — да и ваше потраченное время, в конце концов, нужно оплачивать независимо от обстоятельств. Тем более, что все сработало.

— Возбудили дело?

Безутешная вдова кивнула и как-то так пошевелила безупречными пальчиками:

— Сейчас я не об этом. Вы — человек незаинтересованный, а мне действительно надо посоветоваться.

— Что-то случилось?

— Не знаю, — вздохнула Лара. Последующая пауза сделала бы честь любому воспитаннику МХАТа (или даже всему МХАТу целиком), а следующая за ней фраза повергла меня в изумление на грани шока. — Рита, вы только сразу не смейтесь, ладно? Это бред, конечно, но… В общем, в «Замке» появился призрак.

— В «Замке» — то есть, в офисе?

— Ну… да… Безумие какое-то, анекдот. Но я этих людей не первый год знаю, а с Маратом — он начальник службы безопасности — вообще в одном классе училась. — Она махнула Дамиру, чтобы принес еще кофе. Рядом с кофе явился еще и графинчик с коньяком, но я решила «не обращать внимания».

— Лара, погодите… Вы извините, я не совсем понимаю, наверное. У меня сложилось впечатление, что вы к «Замку» отношения не имеете. А уж к охране…

— Никакого, — подтвердила вдова. — Но я же говорю, мы с Маратом в одном классе учились. Он мне сегодня позвонил и… Господи, как это все глупо звучит!

— Да нет, пока не очень, — успокоила я.

— В общем, Марат утром доложил Досину, а тот его высмеял. И вообще пригрозил уволить. За курение на рабочем месте. И Марат позвонил мне, потому что… Я-то его наизусть знаю — у него в команде всегда будет порядок, иначе... Неважно, просто знаю.

— Лара, может, вы просто перескажете, что Марат вам сообщил? Что охране якобы что-то померещилось, так?

— Именно! Померещилось! Да не может этого быть! Но… призраков ведь тоже не бывает?

— Вот уж не знаю. Да и никто не знает. Может, и бывают. Значит, сегодня ночью в офис «Замка» явился призрак? Как он выглядел? Что делал? На-

падал? Рыдал? Хохотал? Гремел костями? Почему вообще возникла идея призрака?

— Так камеры ничего не показывают!

— Камеры внутреннего наблюдения? Ага, это уже интересно. Теперь давайте подробно: как, что, во сколько, где, кому…

— Марат говорит, они на смену пришли прямо с похорон. С поминок, то есть. Там выпили, конечно, но что такое для здоровых мужиков по сто грамм водки?

— А смена во сколько?

— В восемь. Утра и вечера.

— Интересно… Руководитель службы безопасности всегда сам на дежурство выходит?

— Да нет, конечно! Но тут…

— Понятно. Ну и…

— В начале третьего… Вы план офиса себе представляете? Ах, ну, конечно, представляете.

Я представляла. Подозреваю, что после визита к Теме даже лучше многих. Вход в «Замок» располагается в глухом заснеженном дворике. То есть, это зимой он заснеженный, летом, наверное, серый, асфальтовый. Хотя, может, у них там клумбочки предусмотрены для украшения пейзажа. В украшении хозяева толк знают. Ворота, перекрывающие арку между улицей и собственно двориком, кажутся сворованными в Питере — только в северной столице можно видеть такие изящные решетки. Справа от элегантного крылечка двор заканчивается стеной, которая упирается в дом, стоящий уже «на улице». Самое интересное, что «замковый» дом упомянутой стеной не заканчивается, продолжаясь вправо еще довольно далеко. А стена принадлежит тому самому «аппендиксу», где располагается приемная Главного. Таким образом, кабинет частично примыкает к комнате охраны, но идти к нему надо минут пять, если не больше.

Трудно объяснить, но я все-таки попробую, по-моему, это важно. Второй этаж я разглядывать не стала, а подвал в плане несколько напоминает схему икебаны. Три ветки: главная, самая длинная, покороче и еще покороче. В «Замке» центральная «ветка» — та, что «вверх» (то есть прямо вперед от входа) — самая короткая. Влево уходит коридор подлиннее — бухгалтерия и, кажется, юристы. Правый коридор не только самый длинный, но и самый кривой. Приемная разместилась в самом конце этой загогулины: поднимаешься на крылечко, оставляешь комнату охраны, поворачиваешь направо, минуешь миллион разных дверей и еще два правых поворота и попадаешь, наконец, к начальству. Хитрая конструкция, должно быть, специально, чтобы шпионов запутывать.

— Итак, в начале третьего ночи…

В начале третьего? Забавно. Призрак знает, когда появляться. Час Быка, самое подходящее время для всяких темных сил. Но говорить этого вслух я не стала, сказала совсем другое:

— Лара… Погодите. Вы только не сочтите, бога ради, за недоверие, но история довольно странная и…

— Да-да, конечно, — согласилась моя собеседница и замолчала. Видимо, решила, что в моей грубой материалистической душе она отклика не найдет. Я, разумеется, поспешила ее успокоить:

— Лара! Я ведь не сказала, что история сомнительная, сказала — «странная»!

— И что? — она взглянула на меня с непонятным выражением в глазах. Надежда? На что? Непростая, ох, непростая дама…

— Только то, что мне не очень нравится игра в испорченный телефон. В любом пересказе что-то теряется, да? Пустяки, мелочи, но история и в самом деле странная, неизвестно, что в ней пустяк, а что важно.

— Да, конечно! — Лара вздохнула с таким облегчением, словно… Ну в общем, с облегчением. — Я так и подумала, что вы с Маратом лично захотите поговорить.

После моего кивка Лара призывно помахала кому-то рукой. Оля-ля! Если я правильно понимаю, мадам предусмотрела все возможное и невозможное.

13

Марат оказался тощим, жилистым мужиком и выглядел старше Лары лет на десять, а то и на все пятнадцать. И они в одном классе учились?.. Он довольно сухо поздоровался и обменялся с нами двумя-тремя дежурными фразами. Меня он не очень-то замечал, смотрел исключительно на Лару. Впрочем, рассказ начальника охраны «Замка», хоть и краткий, был настолько полным, насколько этого вообще можно желать, даже уточнять почти ничего не пришлось.

Марат не мог сказать, почему решил отдежурить ночь после похорон. Просто это показалось ему… «правильно». Посидел на поминках, выпил, конечно, но верно Лара сказала — что такое для здорового мужика сто граммов? Да хоть бы и двести! Из ресторана Марат ушел незадолго до семи вечера (чтобы успеть к восьмичасовой смене), до двух часов ночи, когда объявился «призрак», все выпитое, разумеется, уже улетучилось. Дежурство тянулось скучновато, но в десять минут третьего он услышал за стенкой, в кабинете Вадима Петровича, странные звуки: не то скрипы, не то звяканье — а потом кто-то расхохотался. Гулкий был смех, замогильный какой-то. Днем, за об-

щим шумовым фоном, в дежурке кабинетных звуков не слышно, а глухой ночью и легкий шорох грохотом кажется. Один из охранников, молодой совсем парень, страшно перепугался — мол, душа покойника мается, что-то ей нужно. Марат суеверного паникера одернул, но пошел проверять, хотя камеры слежения — в коридоре и приемной — не показывали ровным счетом ничего необычного. Прошелся по коридорам, подергал дверь приемной — заперта. И опять услышал нечто странное — точно что-то уронили. Вторые ключи у него, конечно, имелись, и после недолгого размышления Марат дверь открыл. В приемной царили темнота и пустота. Никого. Только дверь кабинета приоткрыта.

— А комната отдыха? — не утерпела я, памятуя о результатах визита к Теме.

— Заперта, — пожал плечами Марат. — В кабинете кресло Вадима Петровича кто-то уронил. Но это могло и раньше случиться, когда милиция осматривала.

Лично я была в кабинете уже после осмотра и готова была поручиться — кресло стояло, как положено. Большое, кожаное, крутящееся, так называемое «кресло руководителя». Уронить его, конечно, можно, но оно довольно тяжелое, точно знаю — сама, набегая в редакцию, примерно в таком сижу, только у меня оно более «пожилое». Кегль с полгода назад решил поменять сиденье на «поприличнее», а я подсуетилась и старое — пока никто не успел посягнуть — утащила к своему столу.

Утром Марат доложил об инциденте Досину, но тот счел рассказ ерундой и даже предположил, что вместо дежурства охрана продолжала поминки. Марат обиделся и позвонил Ларе. Учитывая старое знакомство, это было вполне понятно, хотя, вообще-то, и незачем: призрак «Замку» попался вполне безвредный: никого не пугал, ничего плохого не делал, пришел, похохотал, опрокинул кресло и смылся. Но зачем призраку — кто бы это ни был — понадобилось кресло покойного?

И камеры…

— Марат, а камера в приемной — она всю приемную показывает?

— Да нет, примерно половину. Дверь и возле нее.

— А дверь в комнату отдыха на камеру попадает? — не унималась я.

— Ну… краешком попадает. А в чем дело? Вы думаете, там кто-то прятался? Так там негде.

Говорить? Не говорить? Вообще-то, о моем сегодняшнем открытии начальник охраны обязан знать. По долгу службы. Если не знает — какой он начальник охраны? А если знает — почему делает вид, что не понимает? Ладно, авось хуже не будет!

— Прятался? — изобразила я вселенское изумление. — Да что вы! Я про черный ход подумала. Ну или как он там называется? Который в комнате отдыха.

— Ах, этот… — кивнул Марат. — Он заблокирован уж года три как. Когда «Замок» в это здание въезжал, ремонт делали и на черный ход капитальную дверь поставили. Сергей Александрович сам заказывал. Где сейчас комната отдыха — раньше его кабинет был. Очень ему эта тайная дырка понравилась: вот придет какой-нибудь противный посетитель, а я от него — это он так шутил — раз, и на улицу сбегу. Там действительно что-то вроде черного хода было. В подъезд соседнего дома. А потом в этом подъезде что-то горело. Потушили быстро, но то ли от огня, то ли от воды дверь заклинило, а чинить не стали — ей и не пользовались совсем. А потом Досин себе кабинет поближе к технологам сделал, на этот ход и вовсе наплевали. Нет — и не надо.

Мне почему-то вспомнился рассказ Конан-Дойля «Морской договор»…

— Марат, а можно сделать так, чтобы кто-то из охранников ночевал в приемной? Их же на смене двое, я правильно поняла? Камеры — это, конечно, здорово, но живой человек — надежнее.

— Да я и сам еще подежурю. Думаете, призрак опять появится?

— Почему бы и нет? Вы разбудили мое любопытство. Мне никогда не доводилось общаться с призраками. Очень хочется понять, что это такое. И… если позволите, нельзя ли мне завтра место действия осмотреть?

Лара сохраняла нейтралитет и скучающее выражение лица, а у господина начальника охраны моя просьба восторга явно не вызвала.

— Вы же осматривали…

— Тогда призрак еще не приходил.

— В таком случае, может, прямо сегодня?

— Если бы я знала, на что смотреть, можно было бы и сегодня. Но я не слишком хорошо знакома с повадками призраков. Если это, конечно, призрак… Поэтому надо подумать.

В общем, договорились на завтра.

Вот только бодрости мне это не добавило. Домой плелась со скоростью унылой черепахи. Уныние — не мой жанр, но что делать, если я совершенно не представляю себе, в каком направлении сегодня думать? В смысле — на что завтра смотреть?

В окне соседнего подъезда меланхолично плавали две золотые рыбки. Надо же — аквариум! Интересно, давно ли он тут? И почему я раньше не замечала?

Лишнее свидетельство моей не наблюдательности довело уныние до градуса полной безнадежности.

И — видимо, для полного счастья — едва я вошла в подъезд, дверь нежно «догнала» мою спину, и рюкзак, вместо того, чтобы, как полагается добропорядочной торбе, смирно висеть на плече, вдруг смачно шлепнулся на пол. Ничего бьющегося я там, как правило, не таскаю, но радость все равно невеликая — оторвалась петля, за которую цепляется карабин наплечного ремня — давно ведь пора было закрепить! Кулема, что тут скажешь!

Освещение в подъезде традиционно отсутствовало, так что ползать по полу, разыскивая кусок кожи размером со спичечный коробок пришлось в полной темноте. То еще удовольствие!

Минут пять я чиркала зажигалкой и вглядывалась в серо-пятнистый пол, особое внимание уделяя темным углам. Петля как сквозь землю провалилась! Наконец я додумалась осмотреть рюкзак. Ну и? Злополучная петля, оказывается, вовсе не отлетела — она просто перетерлась. И зачем надо было ползать по полу, когда достаточно было чуть-чуть шевельнуть мозгами.

Наверное, каждый человек в разные моменты поражает сам себя — то сообразительностью, то тупостью. Раз — ты умный, два — ты полный идиот. Причем, предельные «размеры» умности и глупости совпадают. Амплитуда колебаний. Закон сохранения интеллекта: сколько в одном месте прибудет, столько же в другом и убудет. Только разнежишься — ах, я такой гений — как тебя тут же по носу: не заносись!

Да, на меня временами снисходят озарения, от которых окружающий народ сначала цепенеет, а потом пищит и машет руками: ну, Ритка, ты даешь, как ты догадалась?

Приятно, слов нет. Но, в соответствии с «законом интеллектуальной амплитуды», не менее глобальны и приступы тупости — как сейчас, например. Уперлась, как баран. А ведь сама же вечно твержу: самый очевидный вариант — не всегда самый правильный.

Наконец-то! — не замедлил прорезаться ехидный внутренний голос. Додумалась!

14

Личный исторический опыт подсказывает: шмотки, претерпевшие аварию, следует приводить в порядок по возможности сразу. Починишь — будет, скорее всего, лежать и пылиться. Но стоит отложить ремонт на потом — вещь тут же понадобится. Проверено. Это еще Мэрфи сформулировал: доступность инструмента обратно пропорциональна его необходимости. И наоборот.

Поэтому вместо того, чтобы забиться в угол дивана и начать изображать роденовского «Мыслителя», попутно казня себя за тупость, пришлось

разыскать среди запасов кожаный лоскут потолще и приняться за починку рюкзака.

Кожа как материал для шитья многих отпугивает. И совершенно напрасно. Работать с ней ничуть не сложнее, чем с какой-нибудь тряпкой — только приемы другие. Во-первых, нельзя сметывать детали или скалывать их булавками (долго, тяжело и, самое ужасное, — следы остаются). Ткань при наличии некоторого опыта можно строчить и вовсе без наметки. Но с кожей такой номер не проходит. Она сильно тянется, и, хуже того, делает это поразному: эластичность меняется не только от куска к куску, но даже в пределах одного лоскута. А распарывать и стачивать заново тоже нельзя — опять же по причине следов от шва. Есть специальные технологические приемы и материалы, но меня когда-то один «кожаных дел мастер» научил: вместо наметки детали склеиваются (слегка, по тоненькой полоске) — и никаких проблем. Да, еще одно. Кожа не допускает переделок, поэтому не терпит торопливости.

Делать что-то руками и одновременно предаваться унынию и самоедству — абсолютно невозможно. Какое может быть уныние, когда у тебя на глазах из хаоса возникает порядок, из «ничего» — «что-то»? И какое может быть самоедство, если это «что-то» создали твои собственные руки? Может, книжку написать? «Рукоделие как метод лечения депрессии»? Скажу новое слово в науке. Или не новое? Кажется, в психдиспансерах трудотерапию давно используют. Ай, ладно, в любом случае, рекомендую метод всем нуждающимся.

Кроме того, точная ручная работа недурно стимулирует умственную деятельность. Наверное, нейрофизиологи объяснят это дело более аргументировано, я просто чувствую, что так оно и есть. По-моему, даже «Мыслитель», хоть и каменный, а додумался бы до чего-нибудь замечательного, если бы вместо сидения в умной позе взял бы в руки, к примеру, спицы или паяльник. Или хотя бы карандаш. Да сами знаете — почеркаешь на полях бессмысленные узорчики — глянь, и осенит какая-нибудь плодотворная идея.

Собственно, «плодотворная идея» у меня имелась: самая очевидная версия — не всегда самая правильная. А какая у нас очевидная версия? Классическое убийство в запертой комнате. И что?

Хуже всего, что мотив неочевиден, поэтому непонятно, кого подозревать: кого-то еще неучтенного или кого-то из уже знакомой четверки? Нет, пятерки… И даже, наверное, побольше…

Неизвестно, почему Замакина убили (если все-таки убили), неизвестно, каким образом это проделали. Значит, остаются чисто эмоциональные подо-

зрения. Но так не хочется кого-то подозревать, все персонажи этой истории ужасно симпатичные люди. Даже удивительно, насколько симпатичные.

Лучше всего, если злодейкой окажется незнакомая мне Арина Барр — потенциальная невеста и соломенная вдова. Знать ее не знаю, а потому никаких угрызений.

Да, очевидно, что у девушки на пороге весьма выгодного брака вряд ли появится стремление избавиться от жениха (хотя разное случается…). Однако жизнь подсказывает, что вокруг видных девушек — а мисс Барр — девушка не просто видная, а ОЧЕНЬ видная, со всеми вытекающими последствиями, и вокруг нее должно виться некоторое количество более или менее серьезных поклонников. И кто-то из них может быть не в восторге от предстоящей свадьбы своей… м-м… богини. Может такое быть? Легко! Чем не версия?

Замечательно! Чувствую, что чушь несу, но проверить все равно надо. А кто у нас (в смысле — из моих знакомых) лучше всех знаком с моделями и их личной жизнью? Правильно, Ланка.

Которая не только потрясающий фотограф, но и совершенно фантастический организатор. Несколько лет назад, соскучившись запечатлевать чиновничьи физиономии, она ушла в свободное плавание и сейчас не то руководит, не то владеет, не то совладеет солидным модельным агентством. Теперь, впрочем, уже не только модельным, потому что Ланка скооперировалась с заокеанскими двоюродными коллегами на предмет расширить сферу деятельности. Точнее, это они с ней скооперировались. А двоюродные — потому что у «тех» агентство не модельное, а брачное. Как известно, именно в России водятся самые красивые невесты. Переговоры тогда едва не сорвались из-за одной идиотки, которая не нашла ничего лучшего, как помереть прямо у Ланки в студии. Но это совсем другая история…

Про моделей Ланка знает все, лучшего источника информации не найти. Тем более, что я давно ей не звонила.

Ну и вот. Мягкий, но незнакомый голос (похоже, моя дорогая подруга сменила-таки секретаршу) сообщил, что у госпожи Великановой съемка, и вежливо поинтересовался, что передать. Назвавшись, я пообещала перезвонить через час-два.

Придется начинать размышления с «остальных». Они все действительно очень симпатичные люди, но ведь все при этом переигрывают, то есть каждый ведет себя немного «чересчур».

Меньше всего претензий у меня к Досину. Кроме одной: зачем он мешался под ногами специалистов при осмотре кабинета? Придираюсь, да? Наверное. Но если уж «справедливо», значит, «справедливо» — ко всем одинаково. И еще… Не позвонил мне, не сообщил об отмене или отсрочке рекламного проекта. Хотя это уж точно придирки. Если бы позвонил — тоже реши-

ла бы, что ненатурально, мол, чего суетится. Как я понимаю, все похороны свалились на него одного, и вся юриспруденция в связи со сменой руководства — тоже. Какие уж тут рекламные проекты? Тем более ничего срочного и нет. Мотив для убийства, конечно, наличествует (как и у остальных «подозреваемых») — стать из второго первым. Правда, лично мне показалось, что Сергей Александрович и во «вторых» себя неплохо чувствует.

Лару я понимала с самого начала. Мадам с хорошими мозгами мгновенно рассчитала самый простой и безопасный способ качнуть лодку в нужную сторону. Если вдруг что-то пойдет не так, всегда можно перевести стрелки на тупого журналиста (на меня, то есть). Надеюсь, что этого не произойдет. Непонятно, зачем ей понадобилось «советоваться» со мной по поводу «призрака». Ничего в голову не приходит кроме чистого «научного» любопытства (когда тебе, в общем, до лампочки, но очень хочется понять — что, собственно, произошло). И, думается, грядущий развод не был ей настолько уж безразличен. Хотя бы из самолюбия. Мотивов аж два: месть (сомнительно, хотя чужая душа — потемки) и страховка (ну… может быть, может быть).

Ларин одноклассник Марат… Кстати, залезла я в адресную базу, проверила — они и в самом деле ровесники. Чуть со стула не свалилась, когда паспортные данные увидела: это не Марат так «взросло» выглядит, им обоим , оказывается, давно уже за сорок, до полувека рукой подать. Феноменально! Так вот, Марат, как и положено начальнику охраны, ведет себя вполне адекватно. Вот только его преданность старой (во всех смыслах) подруге вылезает из каждой дырки и сама по себе выглядит крайне подозрительно. Если какие-то особенности планировки офиса сыграли роль в «невероятном» убийстве — кому, как не начальнику охраны, об этих особенностях знать. А для Лары он явно мог убить не только ее супруга, а еще целую дивизию. И не моргнул бы. Может ли это быть мотивом? Не знаю, как для собственно убийства, но для соучастия — запросто.

Маринины «страдания», с точки зрения мотива, выглядят наиболее подозрительно, но — и наиболее ненатурально. «Шекспир в мексиканской обработке». Профессиональной секретарше, у которой сдержанность буквально в крови, столь размашистые чувства вроде бы как и не по чину. Тем паче, в последние годы, как я понимаю, взаимоотношения ее с Замакиным были больше экономическими, нежели эмоциональными. Откуда бы страстям-то взяться? Но чувства — дело такое, что не угадаешь. Все возможно.

Нет. Весь этот эмоциональный кисель никуда не годится. Одинаковые схемы поведения разные люди выдают в разных ситуациях. И наоборот. Мое знакомство с потенциальными подозреваемыми слишком поверхностно, так что все предположения весьма приблизительны, толку от них ника-

кого. Анализ поведения на уровне «правдоподобно — неправдоподобно» ничего не даст.

Надо понять способ.

Как можно убить человека, не входя в комнату? Отравить — элементарно, а застрелить?

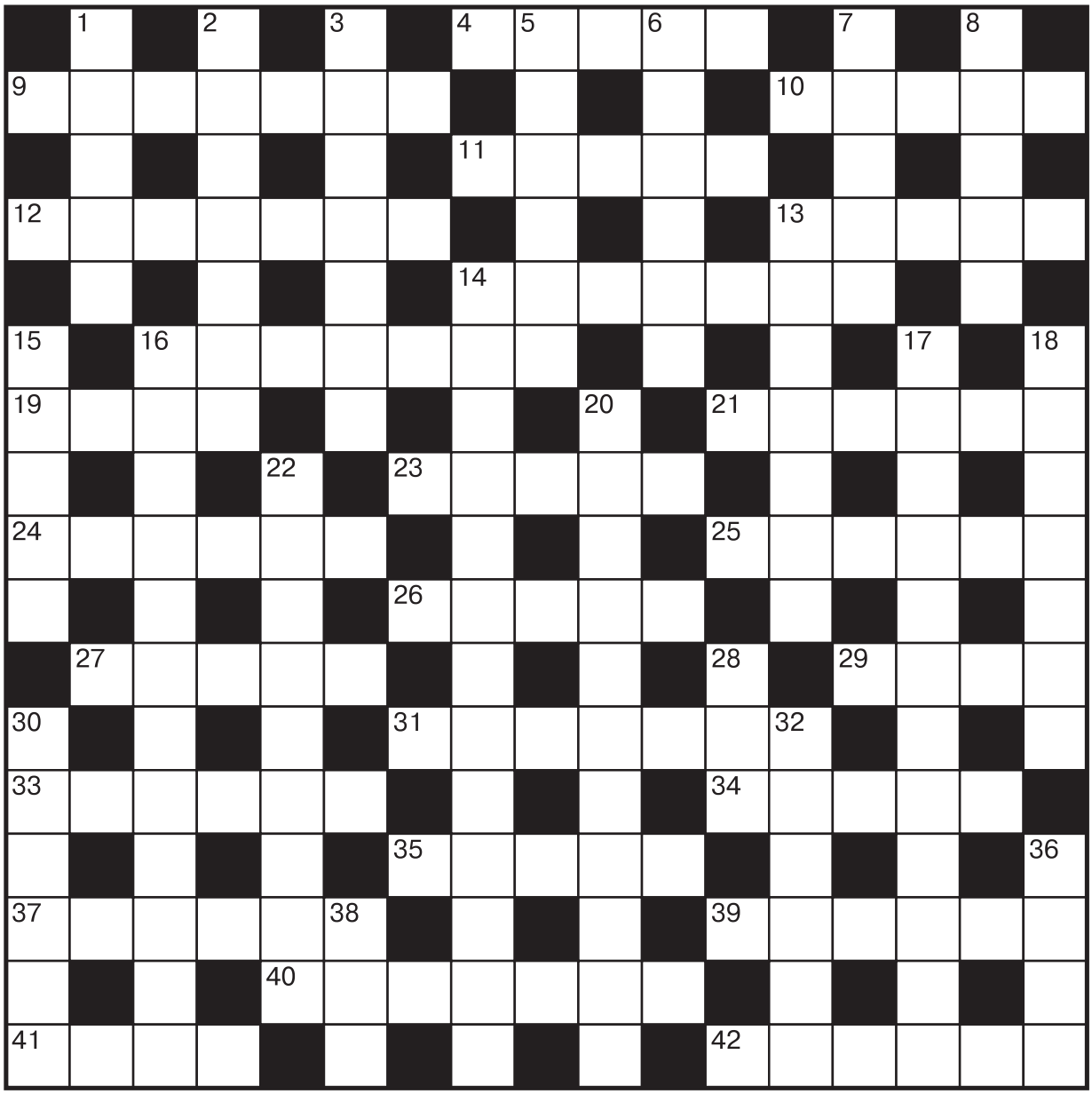
Как?!!

С помощью какого-нибудь хитрого технического устройства? Ага, а потом оно само по себе распадается, — потому что при осмотре ничего «такого» не обнаружено. И вообще. Самое хитрое техническое устройство, какое я знаю, — компьютер. Ну и что? Он, конечно, много умеет, но стрелять его пока еще не приспособили!

И призрак… Имеет он отношение к убийству, или это кто-то пользуется историческим моментом? Или вынужден «пользоваться», в смысле, что-то предпринимать, потому что смерть Замакина изменила какую-то ситуацию (вероятно, деловую), и теперь, хочешь — не хочешь, надо что-то делать?.. ❑

Окончание следует.

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Двойной удар в шахматах. **9.** Фигуральное количество слез по случаю особенного горя. **10.** «Сколько бы ни запросил Мухаммед Али за свое очередное выступление, я потребую больше» (шахматный чемпион). **11.** Что «не зарастает» к водопою? **12.** «Найдена ...! Потерявшего прошу срочно забрать, а то мешает спать по ночам». **13.** «Шведский стол» по воскресеньям. **14.** Кто такой голкипер? **16.** Какому монарху гарем положен? **19.** Апогей страха. **21.** Какое растение за глаза называют «водяной чумой»? **23.** Выхлоп обществен-

ного мнения. **24.** Мышеловка на волка. **25.** Какое произведение Людвига ван Бетховена звучит в фильме «Гранатовый браслет»? **26.** У какой птицы принято устраивать «поминки по погибшим товарищам»? **27.** Принц из балета «Щелкунчик». **29.** Скакун героя новеллы «Последний трубадур» американца О'Генри. **31.** Топливо экстаза. **33.** Команда из кубрика. **34.** Кем стал молодой врач Дмитрий Старцев в чеховском рассказе? **35.** Что дама примеряет? **37.** Британский автогонщик «Формулы-1». **39.** Блюдце в птичьей клетке. **40.** На чем играет музыкант в килте? **41.** Что мечтают отыскать, чтобы разбогатеть? **42.** Кузина антилопы с жутко выразительными глазами.

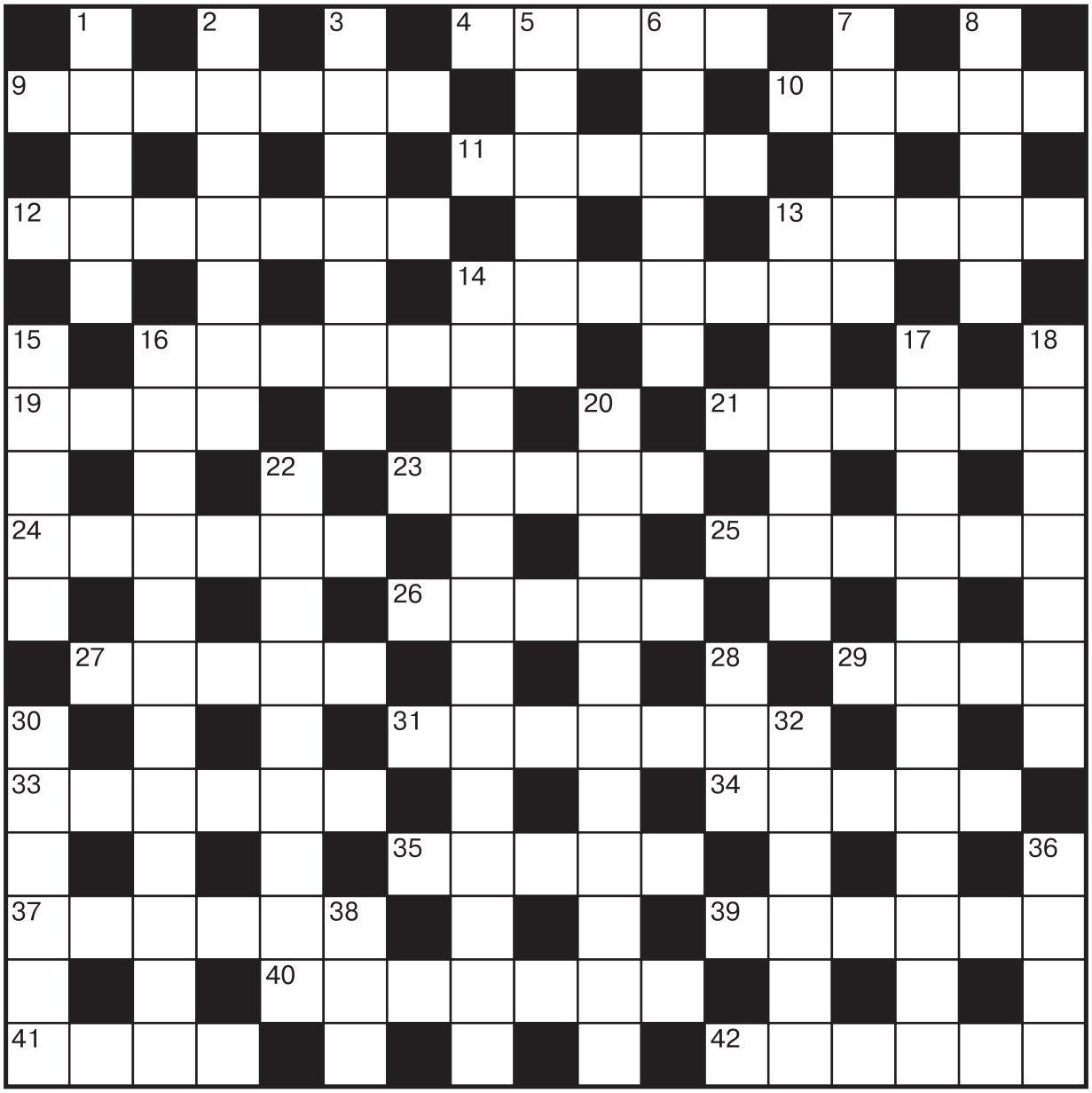
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кто сыграл клоуна в цирке из детского фильма «Приключения желтого чемоданчика»? **2.** Чья жизнь похожа на цепь «донжуанских подвигов»? **3.** В какой роли гипнотизер использует часы на цепочке? **5.** Высокий чин в лоне церкви. **6.** Чем бьет «мой конь ретивый»? **7.** За какой ветер в мифах древних греков отвечали богини гарпии? **8.** Что наливается в колосе? **13.** Кто из русских художников лично хлопотал об освобождении из крепостных крестьян Тараса Шевченко? **14.** Кого рассеянный герой Самуила Маршака называл «глубокоуважаемым»? **15.** Катализатор хохота. **16.** Кто может быстро и без операций изменить ваш пол и возраст за разумную цену? **17.** Панцирь души. **18.** Чем очаровательная Мерил Стрип «очищает разум»? **20.** Охраняемая ... у торгового центра. **22.** Кто из героев романа «Золотой теленок» был бортмехаником и уполномоченным по копытам? **28.** Французский сыр с плесенью. **30.** Бонусы за покупки. **32.** Что позаимствовал сказочный василиск у петуха? **36.** Какой крем провизор рекомендует? **38.** Инструмент для шинковки.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Камбала. **7.** Хайп. **10.** Модем. **12.** Ароматизатор. **13.** Манеж. **15.** Циркуль. **16.** Нагиев. **19.** Хор. **20.** Аромат. **24.** Эфир. **25.** Фрескобол. **27.** Ария. **28.** Виардо. **29.** Дуболом. **30.** Мольер. **31.** Ремарк. **33.** Ход. **36.** Солод. **37.** Сенатор. **40.** Транш. **42.** Лорен. **43.** Крекинг. **44.** Ольха. **45.** Сепия. **46.** Юсупова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Повар. **2.** Венец. **4.** Африка. **5.** Бемоль. **6.** Литр. **8.** Автонформатор. **9.** Перевербовка. **11.** Взвар. **14.** Жираф. **16.** Норов. **17.** Казарма. **18.** Горилла. **21.** Траур. **22.** Псков. **23.** Водонос. **26.** Либерал. **29.** Дебош. **32.** Вопрос. **34.** Дежнев. **35.** Кроль. **36.** Сноха. **38.** Токен. **39.** Редис. **41.** Окоп.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Какой актер случайно застрелил сына легендарного Брюса Ли? **9.** Оружие из восточных единоборств. **10.** Кому из наших нобелевских лауреатов присуждено звание Праведника народов мира за его помощь евреям во время войны? **11.** Пастушья собака из Турции. **12.** Черный колдун. **13.** Спаржевая фасоль. **14.** Золотистый шелк XIX века. **16.** Единственный из Политбюро, кто поддержал сталинскую идею о бальзамировании Владимира Ленина после смерти. **19.** Абориген планеты Блук. **21.** Первая советская оперетта.

23. Восточное блюдо из курицы, фаршированной рисом. **24.** Комический танец у древних греков. **25.** Какая американка стала первым лауреатом премии «Блукер»? **26.** Какое королевство установило существование Великого А'Туина? **27.** Архитектурный «фонарь». **29.** Деревянный шест, к которому прежде в деревнях подвешивали детскую колыбельку. **31.** Какой немецкий археолог откопал те самые три бюста царицы Нефертити? **33.** Праздник урожая у грузинских виноградарей. **34.** Вегетарианское мороженое. **35.** Боевая рогатина. **37.** Хродгар из «Беовульфа». **39.** Какой чиновник прежде у англичанин делал винные запасы для королевского двора? **40.** Ангостуровое дерево. **41.** Удар бадминтониста. **42.** «Зараженная сеть» для атаки на неугодные сайты.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кто из американских физиков предложил термин «квантовая пена»? **2.** Какое вращение первым среди мужчин на официальных соревнованиях исполнил Евгений Плющенко? **3.** Отец Иоанна Крестителя. **5.** Из-за какого гормона молодые цветки подсолнечника двигаются вслед за светилом? **6.** Скромная элегия. **7.** Перстень на мизинце, носимый на память. **8.** Кто из диснеевских принцесс после поцелуя превращается в лягушку? **13.** Литовские картофельные колбаски. **14.** Расстройство в голове от мыслей о несовершенстве собственной внешности. **15.** Портвейн пополам с пивом. **16.** Варка варенья на кулинарном сленге. **17.** Обонятельные доли мозга. **18.** Каким прибором косяки рыбы обнаруживают? **20.** «Железная рука» в героях пьесы Иоганна Гете. **22.** Спортивный спуск по стене. **28.** На ком летают герои по стране Оз? **30.** Какой цветок древние греки посвятили богине утренней зари Эос? **32.** Испанское герцогство. **36.** Охотничья дробь. **38.** Деревянная ручка косы.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Вассало. **7.** Онам. **10.** Сулой. **12.** Нефросклероз. **13.** Устав. **15.** Чипетке. **16.** Гилгул. **19.** Сад. **20.** Очиток. **24.** Амия. **25.** Каракорум. **27.** Цата. **28.** Мортус. **29.** Хакатон. **30.** Пурдах. **31.** Жданов. **33.** Шик. **36.** Теург. **37.** Тренчик. **40.** Кораб. **42.** Гарик. **43.** Джорабы. **44.** Бульи. **45.** Лефор. **46.** Зоарцес.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Аусси. **2.** Носач. **4.** Абезех. **5.** Саракш. **6.** Люси. **8.** Нортгемптоншир. **9.** Мезальянсова. **11.** Алкид. **14.** Видок. **16.** Гарум. **17.** Концепт. **18.** Киптарь. **21.** Калах. **22.** Хадар. **23.** Доломит. **26.** Моддинг. **29.** Халеб. **32.** Бражно. **34.** Краббе. **35.** Хочун. **36.** Тафья. **38.** Чатем. **39.** Кимон. **41.** Эрар.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И. О. _____

Дата рождения_____ Индекс_____

Обл./край _____ Район_____

Город _____ Улица_____ Дом _____ Корп._____ Кв._____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

**** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.**

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ПАО «Банк ПСБ»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 Код ОКПО 11396455

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Извещение

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ПАО «Банк ПСБ»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 КПП 771401001

БИК 044525555 Код ОКПО 11396455

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Кассир

Приглашаем на наш сайт: **http://smena-online.ru/**

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		**П2431** — основной подписной индекс **П2446** — льготный подписной индекс **П3292** — годовой подписной индекс

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: https://t.me/smenamagazine

@SMENAMAGAZINE

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

! ВНИМАНИЕ !
Анонс на №8-2025

ISSN 0131-6656
25007
9 770131 665607

«*В 1804 году на стол высшего командования Российской империи легла записка: «Благодарение Богу, при всех означенных боях с неприятелем и во всю бытность оного флота под моим начальством на море… ни одно судно не потеряно и пленными ни один человек из наших неприятелю не достался…» Эта записка принадлежала Федору Ушакову. Его талант принес России победу во многих боях, а самому Ушакову — звание вице-адмирала. За свою жизнь он пережил все: и войны, и смерть, и разлуку с родиной, и славу, и забвение…*

Светлана Марлинская **«Великий адмирал»**

«*Юность писателя Эрих Марии Ремарка пришлась на годы Первой мировой войны, а зрелость — Второй мировой войны. Настоящая известность пришла к писателю после выхода в свет романа «На Западном фронте без перемен». Потом были «Жизнь взаймы», «Последняя остановка», «Люби ближнего своего», «Триумфальная арка» и другие романы, каждый из которых сразу становился бестселлером. Ремарк считается одним из ярчайших романистов XX века.*

Юрий Осипов **«Писатель "потерянного поколения"»**

«*Когда мы говорим о Василии Ивановиче Чапаеве, сразу вспоминается актер Борис Бабочкин, сыгравший роль легендарного командира. Сам актер считал, что стал заложником одного образа, что мог сниматься больше. Все свое время он стал отдавать театру, в основном, Александринскому, где сыграл огромное количество ролей и считался самым популярным премьером Ленинграда. Переехав в Москву, он стал служить в малом театре. Олег Ефремов отправлял артистов своего театра на все спектакли с участием Бабочкина, чтобы они учились у него. А Андре Александрович Гончаров писал: «Бабочкин был самым современным актером из всех действующих Он с такой эмоциональной силой, мощью духовности существовал в каждой роли, как может только великий актер».*

Евгения Гордиенко **«Актер многих ролей»**

«*«Имя легендарного сыщика Ивана Дмитриевича Путилина незаслуженно забыто. А ведь в 19 веке он наводил неподдельный ужас на тех, кто стоял по другую сторону закона. Благодаря заново возникшему интересу к его личности, стали изучать его биографию, самые яркие дела и воздавать этому удивительному человеку запоздалые, но заслуженные почести.*

Евгений Никитин **«Гений столичного сыска»**

Окончание детектива Елены Колчак **«Смерть в Замке»**